

Александр Блок

Александр Александрович Блок

Том 2. Стихотворения и поэмы 1904-1908

(Собрание сочинений в девяти томах #2)

Настоящее собрание сочинений А. Блока в восьми томах является наиболее полным из всех ранее вышедших. Задача его — представить все разделы обширного литературного наследия поэта, — не только его художественные произведения (лирику, поэмы, драматургию), но также литературную критику и публицистику, дневники и записные книжки, письма.

Во второй том собрания сочинений вошла Вторая книга стихотворений (1904–1908), стихотворения, не вошедшие в основное собрание 1904–1908 годов и стихотворные переводы.

<http://ruslit.traumlibrary.net>

Содержание

Стихотворения. Книга вторая (1904–1908) . . .	0007
Вступление («Ты в поля отошла без возврата...»)	0007
Пузыри Земли (1904–1905)	0008
Ночная фиалка Сон	0026
Разные стихотворения (1904–1908)	0039
Город (1904–1908)	0142
Снежная маска (1907)	0210
Фаина (1906–1908)	0247
Вольные мысли (1907)	0290
Стихотворения, не вошедшие в основное собрание (1904–1908)	0310
Разные стихотворения	0310
Стихотворные переводы	0351
Верхарн. Шаги	0351
Байрон. Подражание Тибуллу	0358
Байрон. Подражание Катуллу	0359
Байрон. Посвящается Мэрион	0360
Байрон. Отрывок	0362
Байрон. Георгу, графу Делавару	0363
Байрон. Дамет	0366
Байрон. L'Amitié Est L'Amour Sans Ailes	0367
Байрон. Строки, написанные под вязом на кладбище в Гарроу	0372
Байрон. Из дневника в Кефалонии	0375

Байрон. Люсьетта (отрывок)	0376
Байрон. Любовь и смерть	0377
Байрон. Песнь к Сулиотам	0379
Байрон. На рождение Джона Вильяма Риццо Гопнера	0380
Байрон. Победа	0380
Байрон. Сочувственное послание Сарре, графине Джерсей, по поводу того, что принц регент возвратил ее портрет м-с Ми	0381
Леконт. Цирцея	0385
Шуточные стихи	0389
Корреспонденция Бальмонта из Мексики	0389
«Жена моя, и ты утасла...»	0391
«Чулков и я стрелой амура...»	0391
«Чулков „Одною ночью“ занят...»	0392
Шуточные стихи, написанные при участии А. Блока	0393
«Скользкая жаба-змея, с мутно-ласковым взглядом...»	0393
«Близятся выборы в Думу...»	0394
«Для исполнения программы...»	0395
«Мы пойдем на Зобеиду...»	0396
Приложения	0397
Вместо предисловия <к сборнику «Нечаянная радость»>	0397
Вместо предисловия <к сборнику «Земля в снегу»>	0399
Из примечаний ко второму изданию сборника	

**Александр Александрович
Блок**

**Собрание сочинений в
девяти томах**

**Том 2. Стихотворения и
поэмы 1904-1908**

Стихотворения. Книга вторая (1904–1908)

Вступление («Ты в поля отошла без возврата...»)

*Ты в поля отошла без возврата.
Да святится Имя Твое!
Снова красные копыя заката
Протянули ко мне острие.*

*Лишь к Твоей золотой свирели
В черный день устами прильну.
Если все мольбы отзвенели,
Угнетенный, в поле усну.*

*Ты пройдешь в золотой порфи-
ре —
Уж не мне глаза разомкнуть.
Дай вздохнуть в этом сонном ми-
ре,
Целовать излучённый путь...*

*О, исторгни ржавую душу!
Со святыми меня упокой,
Ты, Держащая море и сушу*

Неподвижно тонкой Рукой!

16 апреля 1905

Пузыри Земли (1904–1905)

*Земля, как и вода, содержит газы,
И это были пузыри земли.*

Макбет

«На перекрестке...»

*На перекрестке,
Где даль поставила,
В печальном весельи встречаю
весну.*

*На земле еще жесткой
Пробивается первая травка.
И в кружеве березки —
Далеко — глубоко —
Лиловые скаты оврага.*

*Она взманила,
Земля пустынная!*

*На западе, рдея от холода,
Солнце — как медный шлем вои-
на,
Обращенного ликом печальным*

*К иным горизонтам,
К иным временам...*

*И шишак — золотое облако —
Тянет ввысь белыми перьями
Над дерзкой красою
Лохмотий вечерних моих!*

*И жалкие крылья мои —
Крылья вороньего пугала —
Пламенеют, как солнечный
шлем,
Отблеском вечера...
Отблеском счастья...*

*И кресты — и далекие окна —
И вершины зубчатого леса —
Всё дышит ленивым
И белым размером
Весны.*

5 мая 1904

Болотные чертенятки

А.М. Ремизову

*Я прогнал тебя кнутом
В полдень сквозь кусты,
Чтоб дождаться здесь вдвоем
Тихой пустоты.*

Вот — сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий — месяц наверху —
Искривил свой рот.

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.
Тише вод и ниже трав —
Захудалый чорт.

На дурацком колпаке
Бубенец разлук.
За плечами — вдалеке —
Сеть речных излук...

И сидим мы, дурачки, —
Нежить, немочь вод.
Зеленеют колпачки
Задом наперед.

Зачумленный сон воды,
Ржавчина волны...
Мы — забытые следы
Чьей-то глубины...

Январь 1905
«**Я живу в отдаленном скиту...**»
Я живу в отдаленном скиту

*В дни, когда опадают листья.
Выхожу — и стою на мосту,
И смотрю на речные цветы.*

*Вот — предчувствие белой зимы:
Тишина колокольных высот...
Та, что нынче читала псалмы, —
Та монахиня, верно, умрет.*

*Безначально свободная ширь,
Слишком радостной вестью ды-
ша,
Подошла — и покрыла Псалтирь,
И в страницах осталась душа.*

*Как свеча, догорала она,
Вкруг лица улыбалась печаль.
Долетали слова от окна,
Но сквозила за окнами даль...*

*Уплывали два белых цветка —
Эта легкая матовость рук...
Мне прозрачная дева близка
В золотистую осень разлук...*

*Но живу я в далеком скиту
И не знаю для счастья границ.
Тишиной провожаю мечту.*

И мечта воздвигает Царицу.

Январь 1905

Твари весенние
(Из альбома «Kindisch» [1] Т.Н.
Гиппиус)

*Золотистые лица купальниц,
Их стебель влажен.
Это вышли молчальницы
Поступью важной
В лесные душистые скважины.*

*Там, где проталины,
Молчать повелено,
И весной непомерной взлелеяны
Поседельх туманов развалины.*

*Окрестности мхами завалены.
Волосы ночи натянуты туго на
срубы
И пни.
Мы в листве и в тени
Издали начинаем вникать в от-
даленные трубы.
Приближаются новые дни.
Но пока мы одни,
И молчаливо открыты бескров-
ные губы.*

Чуда! о, чуда!
Тихонько дым
Поднимается с пруда...
Мы еще помолчим.

Утро сонной тропею пустило
стрелу,
Но одна — на руке, опрокинутой в
высь,
Ладонью в стволистую мглу —
Светляка подняла... Оглянись:
Где ты скроешь зеленого света
ночную иглу?

Нет, светись,
Светлячок, молчаливой понят-
ный!
Кусочек света,
Клочочек рассвета...

Будет вам день беззакатный!
С ночью вы не радели —
Вот и всё ушло...
Ночку вы не жалели —
И становится слишком свет-
ло.
Будете маяться, каяться,
И кусаться, и лаяться,

*Вы, зеленые, крепкие, малые,
Твари милые, небывалые.*

*Туман клубится, проносится
По седым прудам.
Скоро каждый чортик запросит-
ся
Ко Святым Местам.*

19 февраля 1905

Болотный попик

*На весенней проталинке
За вечерней молитвою — малень-
кий
Попик болотный виднеется.*

*Ветхая ряска над кочкой
Чернеется
Чуть заметною точкой.*

*И в безбурности зорь краснова-
тых
Не видать чертенят бесноватых,
Но вечерняя прелесть
Увила вокруг него свои тонкие ру-
ки...
Предзакатные звуки,
Легкий шелест.*

*Тихонько он молится,
Улыбается, клонится,
Приподняв свою шляпу.*

*И лягушке хромой, ковыляющей,
Травой исцеляющей
Перевяжет болящую лапу.
Перекрестит и пустит гулять:
«Вот, ступай в родимую гать.
Душа моя рада
Всякому гаду
И всякому зверю
И о всякой вере».
И тихонько молится,
Приподняв свою шляпу,
За стебель, что клонится,
За больную звериную лапу,
И за римского папу.*

*Не бойся пучины тряской —
Спасет тебя черная ряска.*

17 апреля 1905
«На весеннем пути в теремок...»

*На весеннем пути в теремок
Перелетный вспорхнул ветерок,
Прозвенел золотой голосок.*

Постояла она у крыльца,
Поискала дверного кольца,
И поднять не посмела лица.

И ушла в синеватую даль,
Где дымилась весенняя таль,
Где кружилась над лесом печаль.

Там — в березовом дальнем кру-
гу —
Старикашка сгибал из березы ду-
гу
И заметил ее на лугу.

Закричал и запрыгал на пне:
«Ты, красавица, верно, ко мне!
Стосковалась в своей тишине!»

За корявые пальцы взялась,
С бороною зеленой сплелась
И с туманом лесным поднялась.

Так тоскуют они об одном,
Так летают они вечерком,
Так венчалась весна с колдуном.

24 апреля 1905
«Полюби эту вечность болот...»

*Полюби эту вечность болот:
Никогда не иссякнет их мощь.
Этот знак, что сгорел, — не
умрет.
Этот куст — без истления —
тощ.*

*Эти ржавые кочки и пни
Знают твой отдыхающий плен.
Неизменно предвечны они, —
Ты пред Вечностью полон измен.*

*Одинокая участь светла.
Безначальная доля свята.
Это Вечность Сама снизошла
И навеки замкнула уста.*

3 июня 1905
**«Белый конь чуть ступает усталой
НОГОЙ...»**

*Белый конь чуть ступает уста-
лой ногой,
Где бескрайная зыбь залегла.
Мне болотная схима — желан-
ный покой,
Будь ночлегом, зеленая мгла!*

Алой ленты Твоей надо мной по-

лоса,
Бьется в ноги коня змеевик,
На горе безмятежно поют голо-
са,
Всё о том, как закат Твой велик.

Закатилась Ты с мертвым Твоим
женихом,
С палачом раскаленной земли.
Но сквозь ели прощальный Твой
луч мне знаком,
Тишина Твоя дремлет вдали.

Я с Тобой — навсегда, не уйду ни-
когда,
И осеннюю волю отдам.
В этих впадинах тихая дремлет
вода,
Запирая ворота безумным клю-
чам.

О, Владычица дней! алой лентой
Твоей
Окружила Ты бледно-лазоревый
свод!
Знаю, ведаю ласку Подруги мо-
ей —
Старину озаренных болот.

З июня 1905. Новоселки

«Болото — глубокая впадина...»

*Болото — глубокая впадина
Огромного ока земли.
Он плакал так долго,
Что в слезах изошло его око
И чахлой травой поросло.
Но сквозь травы и злаки
И белый пух смежённых ресниц —
Пробегают зеленая искра,
Чтобы снова погаснуть в болоте.
И тогда говорят в деревнях
Неизвестно откуда пришедшие
Колдуны и косматые ведьмы:
«Это шутит над вами болото.
Это манит вас темная сила».
И когда они так говорят,
Старики осеняются знаменьем
крестным,
Пожилые — смеются,
А у девушек — ясно видны
За плечами белые крылья.*

З июня 1905

Старушка и чертенята

Григорию Е.

*Побывала старушка у Троицы
И всё дальше идет, на восток.
Вот сидит возле белой околицы,
Обвеивает ее вечерок.*

*Собрались чертенята и карлики,
Только диву даются в кустах
На костыль, на мешок, на сухари-
ки,
На усталые ноги в лаптях.*

*«Эта странница, верно, не рада
нам —
Приложились к мощам — и свя-
та;
Надышалась божественным ла-
даном,
Чтобы видеть Святые Места.*

*Чтоб идти ей тропинками злач-
ными,
На зеленую травку присесть...
Чтоб высоко над елями мрачны-
ми
Пронеслась золотистая весть...»*

*И мохнатые, малые каются,
Умиленно глядят на костыль,*

*Униженно в траве кувыркаются,
Поднимают копытами пыль:*

*«Ты прости нас, старушка ты бо-
жия,
Не бери нас в Святые Места!
Мы и здесь лобызаем подножия
Своего, полевого Христа.»*

*Занимаются села пожарами,
Грозовая над нами весна,
Но за майскими тонкими чарами
Затлевает и нам Купина...»*

И ^{ЮЛЬ} 1905
«Осень поздняя. Небо открытое...»

*Осень поздняя. Небо открытое,
И леса сквозят тишиной.
Прилегла на берег размытый
Голова русалки больной.*

*Низко ходят туманные полосы,
Пронизали тень камыша.
На зеленые длинные волосы
Упадают листья, шурша.*

*И опушками отдаленными
Месяц ходит с легким хрустом и*

глядит,
Но, запутана узлами зелеными,
Не дышит она и не спит.

Бездыханный покой очарован.
Несказанная боль улеглась.
И над миром, холодом скован,
Пролился звонко-синий час.

Август 1905

Эхо

К зеленому лугу, взывая, внимая,
Иду по шуршащей листве.
И месяц холодный стоит, не сгорая,
Зеленым серпом в синеве.

Листва кружевная!
Осеннее злато!
Зову — и трикраты
Мне издали звонко
Отвечает нимфа, ответствует Эхо,
Как будто в поля золотого заката
Гонимая богом-ребенком
И полная смеха...

Вот, богом настигнута, падает
Эхо,
И страстно кружение, и сладко
паденье,
 И смех ее в длинном
 Звучит повтореньи
 Под небом невинным...
 И страсти и смерти,
 И смерти и страсти —
 Венчальные ветви
Осенних убранств и запы-
стей...

Там — в синем раздольи — мой го-
лос пророчит
Возвратить, опрокинуть весь мир
на меня!
Но, сверкнув на крыле пролетаю-
щей ночи,
 Томной свирелью вечернего
дня
 Ускользнувшая нимфа хохочет.

4 октября 1905

Пляски осенние

Волновать меня снова и снова —
В этом тайная воля твоя,

Радость ждет сокровенного слова,
И уж ткань золотая готова,
Чтоб душа засмеялась моя.

Улыбается осень сквозь слезы,
В небеса улетает мольба,
И за кружевом тонкой березы
Золотая запела труба.

Так волнуют прозрачные звуки,
Будто милый твой голос звенит,
Но молчишь ты, поднявшая руки,
Устремившая руки в зенит.

И округлые руки трепещут,
С белых плеч ниспадают струи,
За тобой в хороводах расплещут
Осенницы одежды свои.

Осененная реющей влагой,
Распустила ты пряди волос.
Хороводов твоих по оврагу
Золотое кольцо развилось.

Очарованный музыкой влаги,
Не могу я не петь, не плясать,
И не могут луга и овраги

Под стопою твоей не сгорать.
С нами, к нам — легкокрылая
младость,
Нам воздушная участь дана...
И откуда приходит к нам Ра-
дость,
И откуда плывет Тишина?

Тишина умирающих знаков —
Это светлая в мире пора:
Сон, заветных исполненный зна-
ков,
Что сегодня пройдет, как вчера,

Что полеты времен и желаний —
Только всплески девических рук —
На земле, на зеленой поляне,
Неразлучный и радостный круг.

И безбурное солнце не будет
Нарушать и гневить Тишину,
И лесная трава не забудет,
Никогда не забудет весну.

И снежинки по склонам оврага
Заметут, заровняют края,
Там, где им заповедала влага,
Там, где пляска, где воля твоя.

1 октября 1905

Ночная фиалка

Сон

*Миновали случайные дни
И равнодушные ночи,
И, однако, памятно мне
То, что хочу рассказать вам,
То, что случилось во сне.*

*Город вечерний остался за мною.
Дождь начинал моросить.
Далеко, у самого края,
Там, где небо, устав прикрывать
Поступки и мысли сограждан мо-
их,
Упало в болото, —
Там краснела полоска зари.*

*Город покинув,
Я медленно шел по уклону
Малозастроенной улицы,
И, кажется, друг мой со мной.
Но если и шел он,
То молчал всю дорогу.
Я ли просил помолчать,
Или сам он был грустно настро-*

ен,
Только, друг другу чужие,
Разное видели мы:
Он видел извожичьи дрожки,
Где молодые и лысые франты
Обнимали раскрашенных жен-
щин.

Также не были чужды ему
Девуцы, смотревшие в окна
Сквозь желтые бархатцы...
Но всё посерело, померкло,
И зренье у спутника — также,
И, верно, другие желанья
Его одолели,
Когда он исчез за углом,
Нахлобучив картуз,
И оставил меня одного
(Чем я был несказанно доволен,
Ибо что же приятней на свете,
Чем утрата лучших друзей?)

Прохожих стало всё меньше.
Только тощие псы попадались на-
встречу,
Только пьяные бабы ругались вда-
ли.
Над равниною мокрой торчали
Кочерыжки капусты, березки и

вербы,
И пахло болотом.

И пока прояснялось сознание,
Умолкали шаги, голоса,
Разговоры о тайнах различных ре-
лигий,
И заботы о плате за строчку, —
Становилось ясней и ясней,
Что когда-то я был здесь и видел
Всё, что вижу во сне, — наяву.

Опустилась дорога,
И не стало видно строений.
На болоте, от кочки до кочки,
Над стоячей и ржавой водой
Перекинуты мостики были,
И тропинка вилась
Сквозь лилово-зеленые сумерки
В сон, и в дрёму, и в лень,
Где внизу и вверху,
И над кочкою чахлой,
И под красной полоской зари, —
Затаил ожидание воздух
И как будто на страже стоял,
Ожидая расцвета
Нежной дочери струй
Водяных и воздушных.

И недаром всё было спокойно
И торжественной встречей пол-
но́:

Ведь никто не слышал никогда
От родителей смертных,
От наставников школьных,
Да и в книгах никто не читал,
Что вблизи от столицы,
На болоте глухом и пустом,
В час фабричных гудков и жур-
фиксов,
В час забвенья о зле и добре,
В час разгула родственных чувств
И развратно длинных бесед
О дурном состояньи желудка
И о новом совете министров,
В час презренья к лучшим из нас,
Кто, падений своих не скрывая,
Без стыда продает свое тело
И на пыльно-трескучих троттуа-
рах

С наглой скромностью смотрит
в глаза, —
Что в такой оскорбительный час
Всем доступны виденья.
Что такой же бродяга, как я,
Или, может быть, ты, кто чита-
ешь

Эти строки, с любовью иль злобой, —

Может видеть лилово-зеленый
Безмятежный и чистый цветок,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так я знал про себя,
Проходя по болоту,
И увидел сквозь сетку дождя
Небольшую избушку.
Сам не зная, куда я забрел,
Приоткрыл я тяжелую дверь
И смущенно встал на пороге.

В длинной, низкой избе по стенам
Неуклюжие лавки стояли.
На одной — перед длинным столом —
Молчаливо сидела за пряжей,
Опустив над работой пробор,
Некрасивая девушка
С неприметным лицом.
Я не знаю, была ли она
Молода иль стара,
И какого цвета волосы были,
И какие черты и глаза.
Знаю только, что тихую пряжу
пряла,

И потом, отрываясь от пряжи,
Долго, долго сидела, не глядя,
Без забот и без дум.
И еще я, наверное, знаю,
Что когда-то уж видел ее,
И была она, может быть, краше
И, пожалуй, стройней и моложе,
И, быть может, грустили ко-
гда-то,
Припадая к подножьям ее,
Короли в седи́нах голубых.

И запомнилось мне,
Что в избе этой низкой
Веял сладкий дурман,
Оттого, что болотная дрёма
За плечами моими текла,
Оттого, что пронизан был воздух
Зацветаньем Фиалки Ночной,
Оттого, что на праздник вечер-
ний
Я не в брачной одежде пришел.
Был я нищий бродяга,
Посетитель ночных ресторанов,
А в избе собрались короли;
Но запомнилось ясно,
Что когда-то я был в их кругу
И устами касался их чаши

Где-то в скалах, на фьордах,
Где уж нет ни морей, ни земли,
Только в сумерках снежных
Чуть блестят золотые венцы
Скандинавских владык.

Было тяжело опять приступить
К исполнению сурового долга,
К поклоненью забытым венцам,
Но они дожидались,
И, грустя, засмеялась душа
Запоздалому их ожиданью.

Обходил я избу,
Руки жал я товарищам прежним,
Но они не узнали меня.
Наконец, за огромною бочкой
(Верно, с пивом), на узкой скамье
Я заметил сидящих
Старика и старуху.
И глаза различили венцы,
Потускневшие в воздухе ржавом,
На зеленых и древних кудрях.
Здесь сидели веками они,
Дожидаясь привычных поклонов,
Чуть кивая пришельцам в ответ.
Обойдя всех сидевших на лавках,
Я отвесил поклон королям;

*И по старым, глубоким морщинам
Пробежала усталая тень;
И привычно торжественным жестом
Короли мне велели остаться.
И тогда, обернувшись,
Я увидел последнюю лавку
В самом темном углу.*

*Там, на лавке неровной и шаткой,
Неподвижно сидел человек,
Опершись на колени локтями,
Подпирая руками лицо.
Было видно, что он, не старея,
Не меняясь, и думая думу одну,
Прогрустил здесь века,
Так что члены одеревенели,
И теперь, обреченный, сидит
За одною и тою же думой
И за тою же кружкой пивной,
Что стоит рядом с ним на скамейке.*

*И когда я к нему подошел,
Он не поднял лица, не ответил
На поклон, и не двинул рукой.
Только понял я, тихо взглядевшись*

В глубину его тусклых очей,
Что и мне, как ему, суждено
Здесь сидеть — у недопитой
кружки,
В самом темном углу.
Суждена мне такая же дума,
Так же руки мне надо сложить,
Так же тусклые очи направить
В дальний угол избы,
Где сидит под мерцающим све-
том,
За дремотой четы королевской,
За уснувшей дружиной,
За бесцельною пряжей —
Королевна забытой страны,
Что зовется Ночною Фиалкой.

Так сижу я в избе.
Рядом — кружка пивная
И печальный владелец ее.
Понемногу лицо его никнет,
Скоро тихо коснется колен,
Да и руки, не в силах согнуться,
Только брякнут костями,
Упадут и повиснут.
Этот нищий, как я, — в старину
Был, как я, благородного рода,
Стройным юношей, храбрым ге-

роем,
Обольстителем северных дев
И певцом скандинавских сказаний.
Вот обрывки одежды его:
Разноцветные полосы тканей,
Шитых золотом красным
И поблекших.

Дальше вижу дружину
На огромных скамьях:
Кто владеет в забвеньи
Рукою меча;
Кто, к щиту прислонясь,
Увязил долговязую шпору
Под скамьей;
Кто свой шлем уронил, — и у шле-
ма,
На истлевшем полу,
Пробивается бледная травка,
Обреченная жить без весны
И дышать стариной бездыханной.

Дальше — чинно, у бочки пивной,
Восседают старик и старуха,
И на них догорают венцы,
Озаренные узкой полоской
Отдаленной зари.
И струятся зеленые кудри,

Обрамляя морщин глубину,
И глаза под навесом бровей
Огоньками болотными дремлют.

Дальше, дальше — беззвучно пря-
дет,
И прядет, и прядет королева,
Опустив над работой пробор.
Сладким сном одурманила нас,
Опоила нас зельем болотным,
Окружила нас сказкой ночной,
А сама всё цветет и цветет,
И болотами дышит Фиалка,
И беззвучная кружится прядка,
И прядет, и прядет, и прядет.

Цепенею, и сплю, и грущу,
И таю мою долгую думу,
И смотрю на полоску зари.
И проходят, быть может, мгно-
венья,
А быть может, — столетья.

Слышу, слышу сквозь сон
За стенами раскаты,
Отдаленные всплески,
Будто дальний прибой,
Будто голос из родины новой,

Будто чайки кричат,
Или стонут глухие сирены,
Или гонит играющий ветер
Корабли из веселой страны.
И нечаянно Радость приходит,
И далекая пена бушует,
Зацветают далёко огни.

Вот сосед мой склонился на
кружку,
Тихо брякнули руки,
И приникла к скамье голова.
Вот рассыпался меч, дребезжа.
Щит упал. Из-под шлема
Побежала веселая мышка.
А старик и старуха на лавке
Прислонились тихонько друг к
другу,
И над старыми их головами
Больше нет королевских венцов.

И сижу на болоте.
Над болотом цветет,
Не старея, не зная измены,
Мой лиловый цветок,
Что зову я — Ночную Фиалкой.

За болотом остался мой город,

Тот же вечер и та же заря.
И, наверное, друг мой, шатаясь,
Не однажды домой приходил
И ругался, меня проклиная,
И мертвецким сном засыпал.
Но столетья прошли,
И продумал я думу столетий.
Я у самого края земли,
Одинокий и мудрый, как дети.
Так же тих догорающий свод,
Тот же мир меня тягостный
встретил.
Но Ночная Фиалка цветет,
И лиловый цветок ее светел.
И в зеленой ласкающей мгле
Слышу волн круговое движенье,
И больших кораблей приближе-
нье,
Будто вести о новой земле.
Так заветная прялка прядет
Сон живой и мгновенный,
Что нечаянно Радость придет
И пребудет она совершенной.

И Ночная Фиалка цветет.

18 ноября 1905 — 6 мая 1906

Разные стихотворения (1904–1908)

«Жду я смерти близ денницы...»

Л. Семенову

*Жду я смерти близ денницы.
Ты пришла издалека.
Здесь исполни долг царицы
В бледном свете ночника.*

*Я готов. Мой саван плотен.
Смертный венчик вокруг чела.
На снегу моих полотен
Ты лампадный свет зажгла.*

*Опусти прозрачный полог
Отходящего царя.
На вершинах колких елок
Занимается заря.*

*Путь неровен. Ветви гибки.
Ими путь мой устели.
Царски-каменной улыбки
Не нарушу на земли.*

Январь 1904

«Я восходил на все вершины...»

Я восходил на все вершины,
Смотрел в иные небеса,
Мой факел был и глаз совиный,
И утра божия роса.

За мной! За мной! Ты молишь
взглядом,
Ты веришь брошенным словам,
Как будто дважды чашу с ядом
Я поднесу к своим губам!

О, нет! Я сжег свои приметы,
Испепелил свои следы!
Всё, что забыто, недопето,
Не возвратится до Звезды —

До Той Звезды, которой близость
Познав, — сторицей отплачу
За всё величие и низость,
Которых тяжкий груз влачу!

15 марта 1904

«Ты оденешь меня в серебро...»

Ты оденешь меня в серебро,
И когда я умру,
Выйдет месяц — небесный Пьеро,
Встанет красный паяц на
юру.

Мертвый месяц беспомощно нем,
Никому ничего не открыл.
Только спросит подругу — зачем
Я когда-то ее полюбил?

В этот яростный сон наяву
Опрокинусь я мертвым ли-
цом.
И паяц испугает сову,
Загремев под горой бубен-
цом...

Знаю — сморщенный лик его стар
И бесстыден в земной нагоде.
Но зловещий восходит угар —
К небесам, к высоте, к чисто-
те.

14 мая 1904
«**Фиолетовый запад гнетет...**»

Фиолетовый запад гнетет,
Как пожатье десницы свинцовой.
Мы летим неизменно вперед —
Исполнители воли суровой.

Нас немного. Все в дымных пла-
щах.
Брызжут искры и блещут коль-

чуги.
Поднимаем на севере прах,
Оставляем лазурность на юге.

Ставим троны иным време-
нам —
Кто воссядет на темные троны?
Каждый душу разбил пополам
И поставил двойные законы.

Никому не известен конец.
И смятение сменяет веселье.
Нам открылось в гаданьи: мерт-
вец
Впереди рассекает ущелье.

14 мая 1904

Взморье

Сонный вздох онемелой волны
Дышит с моря, где серый маяк
Указал морякам быстрины,
Растрепал у поднебесья флаг.

Там зажегся последний фонарь,
Озаряя таинственный мол.
Там корабль возвышался, как
царь,
И вчера в океан отошел.

Чуть серели его паруса,
Унося торжество в океан.
Я покорно смотрел в небеса,
Где Она расточала туман.

Я увидел Глядящую в твердь —
С неземным очертанием рук.
Издали мне привиделась Смерть,
Воздвигавшая тягостный звук.

Там поют среди серых камней,
В отголосках причудливых пен —
Переплески далеких морей,
Голоса корабельных сирен.

26 мая 1904

«Я живу в глубоком покое...»

Я живу в глубоком покое.
Рою днем могилы корням.
Но в туманный вечер — нас двое.
Я вдвоем с Другим по ночам.

Обычайный — у входа в сени
Где мерцают мои образа.
Лоб закрыт тенями растений.
Чуть тускнеют в тени глаза.

Из угла серебрятся латы,

Испуская жалобный скрип.
В дальних залах — говор крылатый
Тех, с кем жил я, и с кем погиб.

Одинок — в конце вереницы —
Я — последний мускул земли.
Не откроет уст Темнолицый,
Будто ждет, чтобы все прошли.

Раздавив похоронные звуки
Равномерно-жутких часов,
Он поднимет тяжкие руки,
Что висят, как петли веков.

Заскрипят ли тяжкие латы?
Или гроб их, как страх мой, пуст?
Иль Он вдунет звук хриповатый
В этот рог из смердящих уст?
Или я, как месяц двурогий,
Только жалкий сон серебрю,
Что приснился в долгой дороге
Всем бессильным встретить зарю?

15 июня 1904
«Поет, краснея, медь. Над горном...»

Поет, краснея, медь. Над горном

Стою — и карлик служит мне;
Согбенный карлик в платье чер-
ном,
Какой являлся мне во сне.

Сбылось немного — слишком
много,
И в гроб переплавляю медь.
Я сам открыл себе дорогу,
Не в силах зной преодолеть.

Последним шествием украшен,
Склонюсь под красный балдахин.
И прогремят останки башен
С моих довременных вершин.

И вольно — смуглая гадалка,
Спеша с потехи площадной,
Швырнет под сени катафалка
Свой воскрешающий запой.

Тогда — огромен бледным те-
лом —
Я красной медью зазвучу.
И предо мною люди в белом
Поставят бледную свечу.

4 июля 1904
«Зажигались окна узких комнат...»

Зажигались окна узких комнат,
Возникали скудные лучи,
Там, где люди сиротливо берегут
и помнят
Царствия небесного ключи.

В этот час и Ты прошла к вечерне,
Свой задумчивый и строгий сон
храня.
На закате поднимался занавес ве-
черний,
Открывалось действие огня.

Так, как я, тонуть в небесном
равнодушном взгляде
Не умел никто, Свободная, по-
верь!
Кто-то ласковый рассыпал золо-
тые пряди,
Луч проник в невидимую дверь.

И, вступив на звонкий ряд ступе-
ней,
Я стоял преображенный на го-
ре —
Там, где стая тускло озаренных
привидений
Простирала руки к догорающей

заре.

Осень 1904

«Всё бежит, мы пребываем...»

*Всё бежит, мы пребываем,
Вервий ночи вьем концы,
Заплетаем, расплетаем
Белых ландышей венцы.
Всё кружится, круторогий
Месяц шурится сверху.
Мы, расчислив все дороги,
Утром верим петуху.
Вот — из кельи Вечной Пряжи
Нити кажут солнцу путь.
Утром сходятся монахи,
Прикрывая рясой грудь.
«Всю ли ночь молились в нишах?
Всю ли ночь текли труды?» —
«Нет, отец, на светлых крышах
Ждали Утренней Звезды.
Мы молчали, колдовали,
Ландыш пел, Она цвела,
Мы над прялкой тосковали
В ночь, когда Звезда пряла».*

Сентябрь 1904

«Нежный! У ласковой речки...»

Федору Смородскому

Нежный! У ласковой речки
Ты — голубой пастушок.
Белые бродят овечки,
Круто загнут посошок.

Ласковы желтые мели,
Где голубеет вода.
Голосу тихой свирели
Грустно покорны стада.

Грусть несказанных намеков
В долгом журчаньи волны.
О, береги у истоков
Эти мгновенные сны.

Люди придут и растратят
Золоторунную тишь.
Тяжкие камни прикатят,
Нежный растопчат камыш.

Но высоко — в изумрудах
Облаки-овцы бредут.
В тихих и темных запрудах
Их отраженья плывут.

Пусть и над городом встанет
Стадо вечернее. Пусть
Людям предстанет в тумане

Золоторунная грусть.

18 октября 1904
«Гроб невесты легкой тканью...»

*Гроб невесты легкой тканью
Скрыт от глаз в соборной мгле.
Пресвятая тонкой дланью
Охраняет на земле.*

*Кто у гроба в час закатный?
Мать и солнечная сень.
Третий с ними — благодатный
Несмежающийся день.*

*Над ее бессмертной дрёмой
Нить Свершений потекла...
Это — Третий — Незнакомый
Кротко смотрит в купола.*

5 ноября 1904
«Тяжко нам было под вьюгами...»

*Тяжко нам было под вьюгами
Зиму холодную спать...
Землю промерзлую плугами
Не было мочи поднять!*

*Ранними летними росами
Выйдем мы в поле гулять...*

*Будем звенящими косами
Сочные травы срезать!*

*Настежь ворота тяжелые!
Ветер душистый в окно!
Песни такие веселые
Мы не певали давно!*

5 ноября 1904

Ночь

*Маг, простерт над миром брений,
В млечной ленте — голова.
Знаки поздних поколений —
Счастье долнего волхва.*

*Поднялась стезею млечной,
Осиянная — плывет.
Красный шлем остроконечный
Бороздит небесный свод.*

*В длинном черном одеяньи,
В сонме черных колесниц,
В бледно-фосфорном сияньи —
Ночь плывет путем цариц.*

*Под луной мерцают пряжки
До лица закрытых риз.
Оперлась на циркуль тяжкий,*

Равнодушно смотрит вниз.

*Застилая всю равнину,
Косы скрыли пол-чела.
Тенью крылий — половину
Всей подлунной обняла.*

*Кто Ты, зельями ночными
Опоившая меня?
Кто Ты, Женственное Имя
В нимбе красного огня?*

19 ноября 1904
«Вот — в изнурительной работе...»

*Вот — в изнурительной работе
Вы духу выковали меч.
Вы — птицы. Будьте на отлете,
Готовьте дух для новых встреч.*

*Весенних талей вздохи томны,
Звездясь, синее тонкий лед.
О, разгадай под маской скромной,
Какая женщина зовет!*

*Вам перепутья даль откроют,
Призывно засинеет мгла.
Вас девы падшие укроют
В приюты света и тепла...*

Открытый путь за далью вольной,
Но берегитесь, в даль стремясь,
Чтоб голос меди колокольной
Не опрокинулся на вас!

Ноябрь 1904

Её прибытие
1. Рабочие на рейде

Окаймлен летучей пеной,
Днем и ночью дышит мол.
Очарованный сиреной,
Труд наш медленный тяжел.
Океан гудит под нами,
В порте блещут огоньки,
Кораблей за бурунами
Чутко ищут маяки.
И шатают мраки в море
Эти тонкие лучи,
Как испуганные зори,
Проскользнувшие в ночи.
Широки ночей объятъя,
Тяжки вздохи темноты!
Все мы близки, все мы братья —
Там, на рейде, в час мечты!
Далеко за полночь — в дали
Неизведанной земли —
Мы печально провозжали

Голубые корабли.
Были странны очертанья
Черных труб и тонких рей,
Были темные названья
Нам неведомых зверей.
«Птица Пен» ходила к югу,
Возвратясь, давала знак:
Через бурю, через вьюгу
Различали красный флаг...
Что за тайну мы хранили,
Чьи богатства стерегли?
Золотые ль слитки плыли
В наши темные кули?
Не чудесная ли птица
В клетке плечи нам свела?
Или черная царица
В ней пугливо замерла?..
Но, как в сказке, люди в море:
Тяжкой ношей каждый горд.
И, туманным песням вторя,
Грохотал угрюмый порт.

2. Так было

Жизнь была стремленьем.
Смерть была причиной
Не свершенных в мире
Бесконечных благ.

Небо закрывалось
Над морской равниной
В час, когда являлся
Первый светлый флаг.

Ночи укрывали
От очей бессонных
Всё, что совершалось
За чертой морей.

Только на закате
В зорях наклоненных
Мчались отраженья,
Тени кораблей.

Но не все читали
Заревые знаки,
Да и зори гасли,
И — лицом к луне —
Бледная планета,
Разрывая мраки,
Знала о грядущем
Безнадежном дне.

3. Песня матросов

Подарило нам море
Обручальное кольцо!
Целовало нас море

*В загорелое лицо!
Приневестилась
Морская глубина!
Неневестная
Морская быстрина!
С ней жизнь вольна,
С ней смерть не страшна,
Она, матушка, свободна, холодна!
С ней погуляем
На вольном просторе!
Синее море!
Красные зори!
Ветер, ты, пьяный,
Трепли волоса!
Ветер соленый,
Неси голоса!
Ветер, ты, вольный,
Раздуй паруса!*

4. Голос в тучах

*Нас море примчало к земле оди-
чалой
В убогие кровы, к недолгому сну,
А ветер крепчал, и над морем зву-
чало,
И было тревожно смотреть в
глубину.
Больным и усталым — нам было*

завидно,
Что где-то в морях веселилась
гроза,
А ночь, как блудница, смотрела
бесстыдно
На темные лица, в больные глаза.

Мы с ветром боролись и, брови на-
хмуря,
Во мраке с трудом различали
тропу...
И вот, как посол нарастающей
бури,
Пророческий голос ударил в тол-
пу.

Мгновенным зигзагом на камен-
ной круче
Торжественный профиль нам
брызнул в глаза,
И в ясном разрыве испуганной ту-
чи
Веселую песню запела гроза:

«Печальные люди, усталые люди,
Проснитесь, узнайте, что ра-
дость близка!
Туда, где моря запевают о чуде,

Туда направляется свет маяка!

Он рыщет, он ищет веселых от-
крытий

И зорким лучом стережет буру-
ны,

И с часу на час ожидает прибы-
тий

Больших кораблей из далекой
страны!

Смотрите, как ширятся полосы
света,

Как радостен бег закипающих
пен!

Как море ликует! Вы слышите —
где-то —

За ночью, за бурей — взыванье си-
рен!»

Казалось, вверху разметались
одежды,

Гремящую даль осенила рука...

И мы пробуждались для новой на-
дежды,

Мы знали: нежданная Радость
близка!..

А там — горизонт разбудили зарницы,
Как будто пылали вдали города,
И к порту всю ночь, как багряные птицы,
Летели, шипя и свистя, поезда.
Гудел океан, и лохмотьями пены
Швырялись моря на стволы маяков.
Протяжной мольбой завывали sireны:
Там буря настигла суда рыбаков.

5. Корабли идут

О, светоносные стебли морей, маяки!

Ваш прожектор — цветок!
Ваша почва — создание волненья,
Песчаные косы!

Ваши стебли, о, цвет океана,
крепки,
И силен электрический ток!
И лучи обещают спасенье
Там, где гибнут матросы!

Утро скажет: взгляни: утомленный работой,

Ты найдешь в бурунах
Обессиленный труп,
Не спасенный твоею заботой,

С остывающим смехом на синих
углах

Искривившихся губ...
Избежавший твоих светоносных
лучей,
Преступивший последний порог...

Невидим для очей,
Через полог ночей
На челе начертал примиряющий
Рок:

«Ничей».

Ты нам мстишь, электрический
свет!
Ты — не свет от зари, ты — меч-
та от земли,
Но в туманные дни ты пронзаешь
лучом
Безначальный обман океана...

И надежней тебя нам товарища
нет:
Мы сквозь зимнюю вьюгу ведем

корабли,
Мы заморские тайны несем,
Мы под игом ночного тумана...

Трюмы полны сокровищ!
Отягченные мчатся суда!..
Пусть хранит от подводных чудовищ
Электричество — наша звезда!

Через бурю, сквозь вьюгу — вперед!
Электрический свет не умрет!

6. Корабли пришли

Океан дремал зеркальный,
Злые бури отошли.
В час закатный, в час хрустальный
Показались корабли.

Шли, как сказочные феи,
Вымпелами даль пестря.
Тяжело согнулись реи,
Наготове якоря.

Пели гимн багряным зорям,
Вся горя, смеялась даль.

С голубым прощальным морем
Разлучаться было жаль.

А уж там — за той косою —
Неожиданно светла,
С затуманенной красою
Их красавица ждала...

То — земля, о, дети страсти,
Дети бурь, — она за вас! —
Тяжело упали снасти.
Весть ракетой понеслась.

7. Рассвет

Тихо рассыпалась в небе ракета,
Запад погас, и вздохнула земля.
Стали на рейде и ждали рассвета,
Ночь возвращенья мечте уделя.

Сумерки близятся. В утренней
дрёме
Что-то безмерно-печальное есть.
Там — в океане — в земном водое-
ме —
Бродит и блещет пугливая
весть...

Белый, как белая птица, далёко

Мерит и выси и глуби — и вдруг
С первой стрелой, прилетевшей с
востока,
Сонный в морях пробуждается
звук.

Смерть или жизнь тяготеет над
морем,
Весть о победе — в полете стрелы.
Смертные мы и о солнце не спорим,
Знаем, что время готовит хвалы.

Кто не проснулся при первом сиянии —
Сумрачно помнит, что гимн отзвучал,
Чует сквозь сон, что утратил познание
Ранних и светлых и мудрых начал...

Но с кораблей, испытавших ненастье,
Весть о рассвете достигла земли:
Буйные толпы, в предчувствии

счастья,
Вышли на берег встречать кораб-
ли.

Кто-то гирлянду цветочную бро-
сил,
Лодки помчались от пестрой зем-
ли.

Сильные юноши сели у весел,
Скромные девушки взяли рули.

Плыли и пели, и море пьянело...
.....

16 декабря 1904
**Моей матери («Помнишь думы? Они
улетели...»)**

Помнишь думы? Они улетели.
Отцвели завитки гиацинта.
Мы провидели светлые цели
В отдаленных краях лабиринта.

Нам казалось: мы кратко блуж-
дали.
Нет, мы прожили долгие жизни...
Возвратились — и нас не узнали,
И не встретили в милой отчизне.

*И никто не спросил о Планете,
Где мы близились к юности веч-
ной...*

*Пусть погибнут безумные дети
За стезей ослепительно млечной!*

*Но в бесцельном, быть может,
круженьи —
Были мы, как избранники, нищи.
И теперь возвратились в сомне-
ньи
В дорогое, родное жилище...*

*Так. Не жди изменений бесцель-
ных,
Не смущайся забвеньем. Не числи.
Пусть к тебе — о краях запре-
дельных
Не придут и спокойные мысли.*

*Но, прекрасному прошлому ра-
до, —
Пусть о будущем сердце не пла-
чет.
Тихо ведаю: будет награда:
Ослепительный Всадник приска-
чет.*

4 декабря 1904

«Все отошли. Шумите, сосны...»

*Все отошли. Шумите, сосны,
Гуди, стальная полоса.
Над одиноким веют вёсны
И торжествуют небеса.*

*Я не забыл на пире хмельном
Мою заветную свирель.
Пошлю мечту о запредельном
В Его Святую колыбель...*

*Над ней синее вечный полог,
И слишком тонки кружева.
Мечты пронзительный осколок
Свободно примет синева.*

*Не о спасеньи, не о Слове...
И мне ли — падшему в пыли?
Но дым всходящих славословий
Вернется в сад моей земли.*

14 декабря 1904

У полотна Финл. ж. д.

«Шли на приступ. Прямо в грудь...»

*Шли на приступ. Прямо в грудь
Штык наточенный направлен.*

*Кто-то крикнул: «Будь прослав-
лен!»*

Кто-то шепчет: «Не забудь!»

*Рядом пал, всплеснув руками,
И над ним сомкнулась рать.
Кто-то бьется под ногами,
Кто — не время вспоминать...*

*Только в памяти веселой
Где-то вспыхнула свеча.
И прошли, стопой тяжелой
Тело теплое топча...*

*Ведь никто не встретит ста-
рость —
Смерть летит из уст в уста...
Высоко пылает ярость,
Даль кровавая пуста...*

*Что же! громче будет скрежет,
Слаще боль и ярче смерть!
И потом — земля разнежит
Перепуганную твердь.*

Январь 1905

«Вот на тучах пожелтелых...»

Вот на тучах пожелтелых

*Отблеск матовой свечи.
Пробежали в космах белых
Черной ночи трубачи.*

*Пронеслась, бесшумно рея,
Птицы траурной фата.
В глуби меркнувшей аллеи
Зароилась чернота.*

*Разметались в тучах пятна,
Заломились руки Дня.
Бездыханный, необъятный
Истлевает без огня.*

*Кто там встанет с мертвым
глазом
И серебряным мечом?
Невидимкам черномазым
Кто там будет трубачом?*

28 мая 1905
**Влюбленность («Королевна жила на
высокой горе...»)**

*Королевна жила на высокой горе,
И над башней дымилась прозрач-
ные сны облаков.
Темный рыцарь в тяжелой коль-
чуге шептал о любви на заре,*

*В те часы, когда Рейн выступал
из своих берегов.*

*Над зелеными рвами текла, розо-
вая, весна.*

*Непомерность ждала в синевах
отдаленной черты.*

*И влюбленность звала — не дала
отойти от окна,*

*Не смотреть в роковые черты,
оторваться от светлой мечты.*

*«Подними эту розу», — шепну-
ла — и ветер донес*

*Тишину улетающих лат, безды-
ханный ответ.*

*«В синем утреннем небе найдешь
Купину расцветающих роз», —*

*Он шепнул, и сверкнул, и взлетел,
и она полетела вослед.*

*И за облаком плыло и пело мерца-
ние тьмы,*

*И влюбленность в погоне забыла,
забыла свой щит.*

*И она, окрылясь, полетела из от-
чей тюрьмы —*

На воздушном пути королевна по-

лет свой стремится.

*Уж в стремнинах туман, и рога
созывают стада,
И заветная мгла протянула пла-
щи и скрестила мечи,
И вечернюю грусть тишиной от-
ражает вода,
И над лесом погасли лучи.
Не смолкает вдали властелинов
борьба,
Распри дедов над ширью земель.
Но различна Судьба: здесь — меч-
танье раба,
Там — воздушной Влюбленности
хмель.*

*И в воздушный покров улетела на
зов
Навсегда... О, Влюбленность! Ты
строже Судьбы!
Повелительней древних законов
отцов!
Слаще звука военной трубы!*

3 июня 1905

«Она веселой невестой была...»

Она веселой невестой была.

Но смерть пришла. Она умерла.

*И старая мать погребла ее тут.
Но церковь упала в зацветший
пруд.*

*Над зыбью самых глубоких мест
Плывет один неподвижный
крест.*

*Миновали сотни и сотни лет,
А в старом доме юности нет.*

*И в доме, уставшем юности
ждать,
Одна осталась старая мать.*

*Старуха вдевает нити в иглу.
Тени нитей дрожат на светлом
полу.*

*Тихо, как будет. Светло, как бы-
ло.
И счет годин старуха забыла.*

*Как мир, стара, как лунь, седа.
Никогда не умрет, никогда, нико-
гда...*

*А вдоль комодов, вдоль старых
кресел
Мушиный танец всё так же весел,*

*И красные нити лежат на полу,
И мышь щекочет обои в углу.
В зеркальной глубине — еще покой
С такой же старухой, как лунь,
седой.*

*И те же нити, и те же мыши,
И тот же образ смотрит из ни-
ши —*

*В окладе темном — темней пру-
да,
Со взором скромным — всегда,
всегда...*

*Давно потухший взгляд безучаст-
ный,
Клубок из нитей веселый, крас-
ный...*

*И глубже, и глубже покоев ряд,
И в окна смотрит всё тот же
сад,*

*Зеленый, как мир; высокий, как
ночь;
Нежный, как отошедшая дочь...*

*«Вернись, вернись. Нить не хочет
тлеть.
Дай мне спокойно умереть».*

3 июня 1905
«Не строй жилищ у речных излучин...»

Г. Чулкову

*Не строй жилищ у речных излу-
чин,
Где шумной жизни заметен рост.
Поверь, конец всегда однозвучен,
Никому не понятен и торже-
ственно прост.*

*Твоя участь тиха, как рассказ ве-
черний,
И душой одинокой ему покорись.
Ты иди себе, молча, к какой хо-
чешь вечерне,
Где душа твоя просит, там мо-
лись.*

Кто придет к тебе, будь он, как

ангел, светел,
Ты прими его просто, будто видел
во сне,
И молчи без конца, чтоб никто
не заметил,
Кто сидел на скамье, промельк-
нул в окне.

И никто не узнает, о чем молча-
нье,
И о чем спокойных дум простота.
Да. Она придет. Забелеет сиянье.
Без вины прижмет к устам уста.

Июнь 1905

«Потеха! Рокочет труба...»

Потеха! Рокочет труба,
Кривляются белые рожки,
И видит на флаге прохожий
Огромную надпись: «Судьба».

Палатка. Разбросаны карты.
Гадалка, смуглее июльского дня,
Бормочет, монетой звеня,
Слова слаще звуков Моцарта.

Кругом — возрастающий крик,
Свистки и нечистые речи,

*И ярмарки гулу — далече
В полях отвечает зеленый двой-
ник.*

*В палатке всё шепчет и шепчет,
И скоро сливаются звуки,
И быстрые смуглые руки
Впиваются крепче и крепче...*

*Гаданье! Мгновенье! Мечта!..
И, быстро поднявшись, презри-
тельным жестом
Встряхнула одеждой над про́кля-
тым местом,
Гадает... и шепчут уста.*

*И вновь завывает труба,
И в памяти пыльной взвиваются
речи,
И руки... и плечи...
И быстрая надпись: «Судьба»!*

Июль 1905

Балаганчик

*Вот открыт балаганчик
Для веселых и славных детей,
Смотрят девочка и мальчик
На дам, королей и чертей.*

И звучит эта адская музыка,
Завывает унылый смычок.
Страшный чорт ухватил карапу-
зика,
И стекает клюквенный сок.
Мальчик

Он спасется от черного гнева
Мановением белой руки.
Посмотри: огоньки
Приближаются слева...
Видишь факелы? видишь дымки?
Это, верно, сама королева...
Девочка

Ах, нет, зачем ты дразнишь ме-
ня?
Это — адская свита...
Королева — та ходит средь бело-
го дня,
Вся гирляндами роз перевита,
И шлейф ее носит, мечами звеня,
Вздыхающих рыцарей свита.

Вдруг паяц перегнулся за рампу
И кричит: «Помогите!
Истекаю я клюквенным соком!
Забинтован тряпицей!

*На голове моей — картонный
шлем!*

А в руке — деревянный меч!»

*Заплакали девочка и мальчик,
И закрылся веселый балаганчик.*

Июль 1905

Поэт

*Сидят у окошка с папой.
Над берегом вьются галки.*

*— Дождик, дождик! Скорей зака-
пай!*

У меня есть зонтик на палке!

*— Там весна. А ты — зимняя
пленница,
Бедная девочка в розовом капоре...
Видишь, море за окнами пенится?
Полетим с тобой, девочка, за мо-
ре.*

— А за морем есть мама?

— Нет.

— А где мама?

— Умерла.

— Что это значит?

— Это значит: вон идет глупый поэт:

Он вечно о чем-то плачет.

— О чем?

— О розовом капоре.

— Так у него нет мамы?

— Есть. Только ему нипочем:
Ему хочется за море,
Где живет Прекрасная Дама.

— А эта Дама — добрая?

— Да.

— Так зачем же она не приходит?

— Она не придет никогда:
Она не ездит на пароходе.

Подошла ночка,
Кончился разговор папы с дочкой.

У моря

Стоит полукруг зари.
Скоро солнце совсем уйдет.
— Смотри, папа, смотри,
Какой к нам корабль плывет!

— Ах, дочка, лучше бы нам
Уйти от берега прочь...
Смотри: он несет по волнам
Нам светлым — темную ночь...

— Нет, папа, взгляни разок,
Какой на нем пестрый флаг!
Ах, как его голос высок!
Ах, как освещен маяк!

— Дочка, то сирена поет.
Берегись, пойдем-ка домой...
Смотри: уж туман ползет:
Корабль стал совсем голубой...

Но дочка плачет навзрыд,
Глубь морская ее манит,
И хочет пуститься вплавь,
Чтобы сон обратился в явь.

И ЮЛЬ 1905

Моей матери («Тихо. И будет всё тише...»)

*Тихо. И будет всё тише.
Флаг бесполезный опущен.
Только флюгарка на крыше
Сладко поет о грядущем.*

*Ветром в полнебе раскинут,
Дымом и солнцем взволнован,
Бедный петух очарован,
В синюю глубь опрокинут.*

*В круге окна слухового
Лик мой, как нимбом, украшен.
Профиль лица воскового
Правилен, прост и нестрашен.*

*Смолы пахучие жарки,
Дали извечно туманны...
Сладки мне песни флюгарки:
Пой, петушок оловянный!*

И ЮЛЬ 1905

«Старость мертвая бродит вокруг...»

*Старость мертвая бродит во-
круг,*

*В зеленях утонула дорожка.
Я пилю наверху полукруг —
Я пилю слуховое окошко.*

*Чую дали — и капли смолы
Проступают в сосновые жилки.
Прорываются визги пилы,
И летят золотые опилки.*

*Вот последний свистящий рас-
кол —
И дощечка летит в неизвест-
ность...
В остром запахе тающих смол
Подо мной распахнулась окрест-
ность...*

*Всё закатное небо — в дремё,
Удлиняются дольные тени,
И на розовой гаснет корме
Уплывающий кормщик весенний...*

*Вот — мы с ним уплываем во
тьму,
И корабль исчезает летучий...
Вот и кормщик — звездою паду-
чей —
До свиданья!.. летит за корму...*

Июль 1905

«В туманах, над сверканьем рос...»

*В туманах, над сверканьем рос,
Безжалостный, святой и мудрый,
Я в старом парке дедов рос,
И солнце золотило кудри.*

*Не погасал лесной пожар,
Но, гарью солнечной влекомый,
Стрелой бросался я в угар,
Целуя воздух незнакомый.*

*И проходили сонмы лиц,
Всегда чужих и вечно взрослых,
Но я любил взлетанье птиц,
И лодку, и на лодке весла.*

*Я уплывал один в затон
Бездонной заводи и мутной,
Где утлый остров окружен
Стеною ельника уютной.*

*И там в развесистую ель
Я доску клал и с нею реял,
И таяла моя качель,
И сонный ветер тихо веял.*

И было как на Рождестве,

Когда игра давалась даром,
А жизнь всходила синим паром
К сусально-звездной синеве.

Июль 1905

Осенняя воля

Выхожу я в путь, открытый взорам,
Ветер гнет упругие кусты,
Битый камень лег по косогорам,
Желтой глины скудные пласты.

Разгулялась осень в мокрых долах,
Обнажила кладбища земли,
Но густых рябин в проезжих селах
Красный цвет зареет издали.

Вот оно, мое веселье, пляшет
И звенит, звенит, в кустах пропав!
И вдали, вдали призывно машет
Твой узорный, твой цветной рукав.

Кто взманил меня на путь знакомый,
Усмехнулся мне в окно тюрьмы?

Или — каменным путем влекомый
Нищий, распеваящий псалмы?

Нет, иду я в путь никем не званный,
И земля да будет мне легка!
Буду слушать голос Руси пьяной,
Отдыхать под крышей кабака.

Запою ли про свою удачу,
Как я молодость сгубил в хмелю...
Над печалью нив твоих заплачу,
Твой простор навеки полюблю...
Много нас — свободных, юных,
статных —
Умирает не любя...
Приюти ты в даях необъятных!
Как и жить и плакать без тебя!

Июль 1905. Рогачевское шоссе
«**Не мани меня ты, воля...**»

Не мани меня ты, воля,
Не зови в поля!
Пировать нам вместе, что ли,
Матушка-земля?
Кудри ветром растрепала

Ты издалека,
Но меня благословляла
Белая рука...
Я крестом касался персти,
Целовал твой прах,
Нам не жить с тобою вместе
В радостных полях!
Лишь на миг в воздушном мире
Оглянусь, взгляну,
Как земля в зеленом пире
Празднует весну, —
И пойду путем-дорогой,
Тягостным путем —
Жить с моей душой убогой
Нищим бедняком.

Июль 1905

«Оставь меня в моей дали...»

Оставь меня в моей дали,
Я неизменен. Я невинен.
Но темный берег так пустынен,
А в море ходят корабли.

Порою близок парус встречный,
И зажигается мечта;
И вот — над ширью бесконечной
Душа чудесным занята.

Но даль пустынна и спокойна —
И я всё тот же — у руля,
И я пою, всё так же стройно,
Мечту родного корабля.

Оставь же парус воли бурной
Чужой, а не твоей судьбе:
Еще не раз в тиши лазурной
Я буду плакать о тебе.

Август 1905
«**Девушка пела в церковном хоре...**»

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и
слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость бу-
дет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

*И голос был сладок, и луч был то-
нок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам, — плакал
ребенок
О том, что никто не придет на-
зад.*

Август 1905
«В лапах косматых и страшных...»

*В лапах косматых и страшных
Колдун укачал весну.
Вспомнили дети о снах вчераш-
них,
Отошли тихонько ко сну.*

*Мама крестила рукой усталой,
Никому не взглянула в глаза.
На закате полоской алой
Покатилась к земле слеза.*

*«Мама, красивая мама, не плачь
ты!
Золотую птицу мы увидим во сне.
Всю вчерашнюю ночь она пела с
мачты,
А корабль уплывал к весне.*

Он плыл и качался, плыл и качался,
А бедный матросик смотрел на юг:
Он друга оставил и в слезах над-
рывался, —
Верно, есть у тебя печальный
друг?»

«Милая девочка, спи, не тревожься,
Ты сегодня другое увидишь во сне.
Ты к вчерашнему сну никогда не
вернешься:
Одно и то же снится лишь мне...»

Август 1905
«Там, в ночной завывающей стуже...»

Там, в ночной завывающей стуже,
В поле звезд отыскал я кольцо.
Вот лицо возникает из кружев,
Возникает из кружев лицо.

Вот плывут ее вьюжные трели,
Звезды светлые шлейфом влача,
И взлетающий бубен метели,
Бубенцами призывно бренча.

*С легким треском рассыпался ве-
ер, —*

*Ах, что значит — не пить и не
есть!*

*Но в глазах, обращенных на север,
Мне холодному — жгучая весть...*

*И над мигом свивая покровы,
Вся окутана звездами вьюг,
Уплываешь ты в сумрак снеговой,
Мой от века загаданный друг.*

Август 1905

«Утихает светлый ветер...»

*Утихает светлый ветер,
Наступает серый вечер,
Ворон канул на сосну,
Тронул сонную струну.*

*В стороне чужой и темной
Как ты вспомнишь обо мне?
О моей любви скромной
Закручинишься ль во сне?*

*Пусть душа твоя мгновенна —
Над тобою неизменна
Гордость юная твоя,
Верность женская моя.*

*Не гони летящий мимо
Призрак легкий и простой,
Если будешь, мой любимый,
Счастлив с девушкой другой...*

*Ну, так с богом! Вечер близок,
Быстрый лёт касаток низок,
Надвигается гроза,
Ночь глядит в твои глаза.*

21 августа 1905
«В голубой далекой спальне...»

*В голубой далекой спальне
Твой ребенок опочил.
Тихо вылез карлик маленький
И часы остановил.*

*Всё, как было. Только странная
Воцарилась тишина.
И в окне твоём — туманная
Только улица страшна.*

*Словно что-то недосказано,
Что всегда звучит, всегда...
Нить какая-то развязана,
Сочетавшая года.*

И прошла ты, сонно-белая,

*Вдоль по комнатам одна.
Опустила, вся несмелая,
Штору синего окна.*

*И потом, едва заметная,
Тонкий полог подняла.
И, как время безрассветная,
Шевелясь, поникла мгла.*

*Стало тихо в дальней спальне —
Синий сумрак и покой,
Оттого, что карлик маленький
Держит маятник рукой.*

4 октября 1905

**«Вот он — Христос — в цепях и
розах...»**

Евгению Иванову

*Вот он — Христос — в цепях и ро-
зах
За решеткой моей тюрьмы.
Вот агнец кроткий в белых ризах
Пришел и смотрит в окно тюрь-
мы.*

*В простом окладе синего неба
Его икона смотрит в окно.*

*Убогий художник создал небо.
Но лик и синее небо — одно.*

*Единый, светлый, немного груст-
ный —
За ним восходит хлебный злак,
На пригорке лежит огород ка-
пустный,
И березки и елки бегут в овраг.*

*И всё так близко и так далёко,
Что, стоя рядом, достичь нельзя,
И не постигнешь синего ока,
Пока не станешь сам как стезя...*

*Пока такой же нищий не будешь,
Не ляжешь, истоптан, в глухой
овраг,
Обо всем не забудешь, и всего не
разлюбишь,
И не поблекнешь, как мертвый
злак.*

10 октября 1905
«Так. Неизменно всё, как было...»

*Так. Неизменно всё, как было.
Я в старом ласковом бреду.
Ты для меня остановила*

Времен живую череду.

*И я пришел, плющом венчанный,
Как в юности, — к истокам рек.
И над водой, за мглой туман-
ной, —
Мне улыбнулся тот же брег.*

*И те же явственные звуки
Меня зовут из камыша.
И те же матовые руки
Провидит вещая душа.*

*Как будто время позабыло
И ничего не унесло,
И неизменным сохранило
Певучей юности русло.*

*И так же вечен я и мирен,
Как был давно, в годину сна.
И тяжким золотом кумирен
Моя душа убелена.*

10 октября 1905
«Прискакала дикой степью...»

*Прискакала дикой степью
На вспенённом скакуне.
«Долго ль будешь лязгать цепью?»*

Выходи плясать ко мне!»

*Рукавом в окно мне машет,
Красным криком зажжена,
Так и манит, так и пляшет,
И ласкает скакуна.*

*«А, не хочешь! Ну, так с богом!»
Пыль клубами завилась...
По тропам и по дорогам
В чистом поле понеслась...*

*Не меня ты любишь, Млада,
Дикой вольности сестра!
Любишь краденые клады,
Полуночный свист костра!*

*И в степях, среди тумана,
Ты страшна своей красой —
Разметавшейся у стана
Рыжей спутанной косой.*

31 октября 1905

Бред

*Я знаю, ты близкая мне...
Больному так нужен покой...
Прильнувши к седой старине,
Торжественно брежу во сне...*

С тобою, мой свет, говорю...
Пьяни, весели меня, боль! —
Ты мне обещаешь зарю?
Нет, с этой свечой догорю!

Так слушай, как память остра, —
Недаром я в смертном бреду...
Вчера еще были, вчера
Заветные лес и гора...

Я Белую Деву искал —
Ты слышишь? Ты веришь? Ты
спишь?
Я Древнюю Деву искал,
И рог мой раскатом звучал.

Вот иней мне кудри покрыл,
Дыханье спирала зима...
И ветер мне очи слепил,
И рог мой неверно трубил...

Но слушай, как слушал тогда
Я голос пронзительных вьюг!
Что было со мной в те года, —
Тому не бывать никогда!..
Я твердой стопою всхожу —
О, слушай предсмертный завет!..
В последний тебе расскажу:

Я Белую Деву бужу!

*Вот спит Она в облаке мглы
На темной вершине скалы,
И звонко взывают орлы,
Свои расточая хвалы...*

*Как странен мой траурный бред!
То — бред обнищалой души...
Ты — свет мой, единственный
свет.
Другой — в этом трауре нет.*

*Уютны мне черные сны.
В них память свежееет моя:
В виденьях седой старины,
Бывалой, знакомой страны...*

*Мы были, — но мы отошли,
И помню я звук похорон:
Как гроб мой тяжелый несли,
Как сыпались комья земли.*

4 ноября 1905

Сказка о петухе и старушке

*Петуха упустила старушка,
Золотого, как день, петуха!
Не сама отворилась клетушка,*

Долго ль в зимнюю ночь до греха!

*И на белом узорном крылечке
Промелькнул золотой гребешок...
А старуха спускается с печки,
Всё не может найти посошок...*

*Вот — ударило светом в оконце,
Загорелся старушечий глаз...
На дворе — словно яркое солнце,
Деревенька стоит напоказ.*

*Эх, какая беда приключилась,
Впопыхах не нащупать клюки...
Ишь, проклятая, где завалилась!..
А у страха глаза велики:*

*Вон стоит он в углу, озаренный,
Из-под шапки таращит глаза...
А на улице снежной и сонной
Суматоха, возня, голоса...*

*Прибежали к старухину дому,
Захватили ведро, кто не глуп...
А уж в кучке золы — незнакомый
Робко съежился маленький
труп...
Долго, бабушка, верно искала,*

*Не сыскала ты свой посошок...
Петушка своего потеряла,
Ан, нашел тебя сам петушок!*

*Зимний ветер гуляет и свищет,
Всё играет с торчащей трубой...
Мертвый глаз будто всё еще
ищет,
Где пропал петушок... золотой.*

*А над кучкой золы разметенной,
Где гулял и клевал петушок,
То погаснет, то вспыхнет червон-
ный
Золотой, удалой гребешок.*

11 января 1906

«Милый брат! Завечерело...»

*Милый брат! Завечерело.
Чуть слышны колокола.
Над равниной побелело —
Сонноокая прошла.*

*Проплыла она — и стала,
Незаметная, близка.
И опять нам, как бывало,
Ноша тяжкая легка.*

Меж двумя стенами бора
Редкий падает снежок.
Перед нами — семафора
Зеленеет огонек.

Небо — в зареве лиловом,
Свет лиловый на снегах,
Словно мы — в пространстве но-
вом,
Словно — в новых временах.

Одиноко вскрикнет птица,
Отряхнув крылами ель,
И засыплет нам ресницы
Белоснежная метель...

Издали — локомотива
Поступь тяжкая слышна...
Скоро Финского залива
Нам откроется страна.
Ты поймешь, как в этом море
Облегчается душа,
И какие гаснут зори
За грядою камыша.

Возвратясь, уютно ляжем
Перед печкой на ковре
И тихонько перескажем

Всё, что видели, сестре...

*Кончим. Тихо встанет с кресел,
Молчалива и строга.*

*Скажет каждому: «Будь весел.
За окном лежат снега.»*

13 января 1906

«Ты придешь и обнимешь...»

*Ты придешь и обнимешь.
И в спокойной мгле
Мне лицо опрокинешь
Встречу новой земле.*

*В новом небе забудем,
Что прошло, — навсегда.
Тихо молвят люди:
«Вот еще звезда».*

*И, мерцая, задремлем
На туманный век,
Посылая землям
Среброзвездный снег.*

*На груди из рая —
Твой небесный цвет.
Я пойму, мерцая,
Твой спокойный свет.*

24 января 1906

«Мы подошли — и воды синие...»

*Мы подошли — и воды синие,
Как две расплеснутых стены.
И вот — вдали белеет скиния,
И дали мутные видны.*

*Но уж над горными провалами
На дымно блещущий утес
Ты не взбежишь, звеня кимвала-
ми,
В венке из диких красных роз.*

*Так — и чудесным очарованы —
Не избежим своей судьбы,
И, в цепи новые закованы,
Бредем, печальные рабы.*

25 января 1906

Вербочки

*Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.*

*Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.*

*Ветерок удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня!*

*В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.*

1 -10 февраля 1906

Иванова ночь

*Мы выйдем в сад с тобою, скром-
ной,
И будем странствовать одни.
Ты будешь за травую темной
Искать купальские огни.*

*Я буду ждать с глубокой верой
Чудес, желаемых тобой:
Пусть вспыхнет папоротник се-
рый
Под встрепенувшейся рукой.*

*Ночь полыхнет зеленым све-
том, —
Ведь с нею вместе вспыхнешь ты,
Упоена в волшебстве этом
Двойной отравой красоты!*

*Я буду ждать, любуясь втайне,
Ночных желаний не будя.
Твоих девичьих очертаний —
Не бойся — не спугну, дитя!*

*Но если ночь, встряхнув ветвями,
Захочет в небе изнемочь,
Я загляну в тебя глазами
Туманными, как эта ночь.*

*И будет миг, когда ты снидешь
Еще в иные небеса.
И в новых небесах увидишь
Лишь две звезды — мои глаза.
Миг! В этом небе глаз упорных
Ты вся отражена — смотри!
И под навес ветвей узорных
Проникло таинство зари.*

12 февраля 1906

Сольвейг

Сергею Городецкому

Ибсен. «Пер Гюнт»

*Сольвейг! Ты прибежала на лыжах
ко мне,
Улыбнулась пришедшей весне!*

Жил я в бедной и темной избушке
моей
Много дней, меж камней, без ог-
ней.

Но веселый, зеленый твой глаз
мне блеснул —
Я топор широко размахнул!

Я смеюсь и крушу вековую сосну,
Я встречаю невесту — весну!

Пусть над новой избой
Будет свод голубой —
Полно соснам скрывать синеву!

Это небо — твое!
Это небо — мое!
Пусть недаром я гордым слыву!

Жил в лесу, как во сне,
Пел молитвы сосне,
Надо мной распростершей красу.

Ты пришла — и светло,
Зимний сон разнесло,
И весна загудела в лесу!
Слышишь звонкий топор? Видишь

радостный взор,
На тебя устремленный в упор?

Слышишь песню мою? Я крушу и пою
Про весеннюю Сольвейг мою!

Под моим топором, распевая хвалы,
Раскачнулись в лазури стволы!

Голос твой — он звончей песен
старой сосны!
Сольвейг! Песня зеленой весны!

20 февраля 1906
**«Ты был осыпан звездным
цветом...»**

Г. Гюнтеру

Ты был осыпан звездным цветом
Ее торжественной весны,
И были пышно над поэтом
Восторг и горе сплетены.

Открылось небо над тобою,
Ты слушал пламенный хорал,
День белый с ночью голубою

Зарю алой сочетал.

*Но в мирной безраздумной сини
Очарованье доцвело,
И вот — осталась нежность ли-
ний
И в нимбе пепельном чело.*

*Склонясь на цвет полуувядший,
Стремиться не устанешь ты,
Но заглядишься, ангел падший,
В двойные, нежные черты.*

*И, может быть, в бреду ползу-
чем,
Межу не в силах обойти,
Ты увенчаешься колючим
Венцом запретного пути.*

*Так, — не забудь в венце из тер-
ний,
Кому молился в первый раз,
Когда обманет свет вечерний
Расширенных и светлых глаз.*

19 марта 1906
«Прошли года, но ты — всё та же...»
Я знал ее еще тогда,

*В те баснословные года.
Тютчев*

*Прошли года, но ты — всё та же:
Строга, прекрасна и ясна;
Лишь волосы немного глаже,
И в них сверкает седина.*

*А я — склонен над грудой книж-
ной,
Высокий, сгорбленный старик, —
С одною думой непостижной
Смотрю на твой спокойный лик.*

*Да. Нас года не изменили.
Живем и дышим, как тогда,
И, вспоминая, сохранили
Те баснословные года...*

*Их светлый пепел — в длинной ур-
не.
Наш светлый дух — в лазурной
мгле.
И всё чудесней, всё лазурней —
Дышать прошедшим на земле.*

30 мая 1906

Ангел-хранитель

Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во
мгле.
Во мгле, что со мною всегда на
земле.

За то, что ты светлой невестой
была,
За то, что ты тайну мою отня-
ла.

За то, что связала нас тайна и
ночь,
Что ты мне сестра, и невеста, и
дочь.

За то, что нам долгая жизнь
суждена,
О, даже за то, что мы — муж и
жена!

За цепи мои и заклятья твои.
За то, что над нами проклятье
семьи.

За то, что не любишь того, что
люблю.
За то, что о нищих и бедных
скорблю.

*За то, что не можем согласно
мы жить.*

*За то, что хочу и не смею
убить —*

*Отмстить малодушным, кто
жил без огня,
Кто так унижал мой народ и ме-
ня!*

*Кто запер свободных и сильных в
тюрьму,
Кто долго не верил огню моему.*

*Кто хочет за деньги лишит ме-
ня дня,
Собачью покорность купить у ме-
ня...*

*За то, что я слаб и смириться го-
тов,
Что предки мои — поколение ра-
бов,*

*И нежности ядом убита душа,
И эта рука не поднимет ножа...*

*Но люблю я тебя и за слабость
мою,*

За горькую долю и силу твою.

*Что огнем сожжено и свинцом
залито —
Того разорвать не посмеет ни-
кто!*

*С тобою смотрел я на эту за-
рю —
С тобой в эту черную бездну
смотрю.*

*И двойственно нам приказанье
судьбы:
Мы вольные души! Мы злые рабы!*

*Покорствуй! Дерзай! Не покинь!
Отойди!
Огонь или тьма — впереди?*

*Кто кличет? Кто плачет? Куда
мы идем?
Вдвоем — неразрывно — навеки
вдвоем!*

Воскреснем? Погибнем? Умрем?

17 августа 1906
«Есть лучше и хуже меня...»

*Есть лучше и хуже меня,
И много людей и богов,
И в каждом — метанье огня,
И в каждом — печаль облаков.*

*И каждый другого зажжет
И снова потушит костер,
И каждый печально вздохнет,
Взглянувши другому во взор...*

*Да буду я — царь над собой,
Со мною — да будет мой гнев,
Чтоб видеть над бездной глухой
Черты ослепительных дев!*

*Я сам свою жизнь сотворю,
И сам свою жизнь погублю.
Я буду смотреть на Зарю
Лишь с теми, кого люблю.*

Сентябрь 1906
«Шлейф, забрызганный звездами...»

*Шлейф, забрызганный звездами,
Синий, синий, синий взор.
Меж землей и небесами
Вихрем поднятый костер.*

Жизнь и смерть в круженьи веч-

ном,
Вся — в шелках тугих —
Ты — путям открыта млечным,
Скрыта в тучах грозových.

Пали душные туманы.
Гасни, гасни свет, пролейся
мгла...
Ты — рукою узкой, белой, стран-
ной
Факел-кубок в руки мне дала.

Кубок-факел брошу в купол си-
ний —
Расплеснется млечный путь.
Ты одна взойдешь над всей пусты-
ней
Шлейф кометы развернуть.

Дай серебряных коснуться скла-
док,
Равнодушным сердцем знать,
Как мой путь страдальный сла-
док,
Как легко и ясно умирать.

Сентябрь 1906

Русь

Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне — ты почиешь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна,

Где разноликие народы
Из края в край, из дола в дол
Ведут ночные хороводы
Под заревом горящих сел.

Где ведуны с ворожеями
Чаруют злаки на полях,
И ведьмы тешатся с чертями
В дорожных снеговых столбах.

Где буйно заметает вьюга
До крыши — уютное жилье,
И девушка на злого друга
Под снегом точит лезвее.

Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых пру-

тьях,
Поет преданья старины...
Так — я узнал в моей дремоте
Страны родимой нищету,
И в лоскутах ее лохмотий
Души скрываю наготу.

Тропу печальную, ночную
Я до погоста протоптал,
И там, на кладбище ночуя,
Подолгу песни распевал.

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил,
В какого бога страстно верил,
Какую девушку любил.

Живую душу укачала,
Русь, на своих просторах, ты,
И вот — она не запятнала
Первоначальной чистоты.

Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне поживает Русь,
Она и в снах необычайна.
Ее одежды не коснусь.

Моей матери

Сын осеняется крестом.
Сын покидает отчий дом.

В песнях матери оставленной
Золотая радость есть:
Только б он пришел прославлен-
ный,
Только б радость перенести!

Вот, в доспехе ослепительном,
Слышно, ходит сын во мгле,
Дух свой предал небожителям,
Сердце — матери-земле.

Петухи поют к заутрене,
Ночь испуганно бежит.
Хриплый рог туманов утренних
За спиной ее трубит.

Поднялись над луговинами
Кудри спутанные мхов,
Метят взорами совиными
В стаю легких облаков...

Вот он, сын мой, в светлом обла-
ке,

*В шлеме утренней зари!
Сылет он стрелами колкими
В чернолесья, в пустыри!..
Веет ветер очистительный
От небесной синевы.
Сын бросает меч губительный,
Шлем снимает с головы.*

*Точит грудь его пронзенная
Кровь и горные хвалы:
Здравствуй, даль, освобожденная
От ночной туманной мглы!*

*В сердце матери оставленной
Золотая радость есть:
Вот он, сын мой, окровавленный!
Только б радость перенести!*

*Сын не забыл родную мать:
Сын воротился умирать.*

4 октября 1906
«Нет имени тебе, мой дальний...»

*Нет имени тебе, мой дальний.
Вдали лежала мать, больна.
Над ней склонялась всё печальней
Ее сиделка — тишина.*

Но счастье было безначальней,
Чем тишина. Была весна.

Ты подходил к стеклянной двери
И там стоял, в саду, маня
Меня, задумчивую Мэри,
Голубоокою меня.

Я проходила тихой залой
Сквозь дрёму, шелесты и сны...
И на балконе тень дрожала
Ее сиделки — тишины...

Мгновенье — в зеркале старин-
ном
Я видела себя, себя...
И шелестила платьем длинным
По ступеням — встречать тебя.

И жали руку эти руки...
И трепетала в них она...
Но издали летели звуки:
Там... задыхалась тишина,
И миг еще — в оконной раме
Я видела — уходишь ты...

И в окна к бедной, бедной маме
С балкона кланялись цветы...

*К ней прилегла в опочивальне
Ее сиделка — тишина...*

*Я здесь, в моей девичьей спальне,
И рук не разомкнуть... одна...*

*Нет имени тебе, весна.
Нет имени тебе, мой дальний.*

Октябрь 1906

Угар

*Заплетаем, расплетаем
Нити дьявольской Судьбы,
Звуки ангельской трубы.
Будем счастьем, будем раем,
Только знайте: вы — рабы.*

*Мы ребенку кудри чешем,
Песни длинные поем,
Поиграем и потешим —
Будет маленьким царем,
Царь повырастет потом...*

*Вот ребенок засыпает
На груди твоей, сестра...
Слышишь, он во сне вздыхает, —
Видит красный свет костра:
На костер идти пора!*

Положи венок багряный
Из удушливых углей
В завитки его кудрей:
Пусть он грезит в час румяный,
Что на нем — венец царей...

Пойте стройную стихиру:
Царь отходит почивать!
Песня носится по миру —
Будут ангелы вздыхать,
Над костром, кружа, рыдать,
Тихо в сонной колыбели
Успокоился царек.
Девы-сестры улетели —
Сизый стелется дымок,
Рдеет красный уголек.

Октябрь 1906

Тишина цветет

Здесь тишина цветет и движет
Тяжелым кораблем души,
И ветер, пес послушный, лижет
Чуть пригнутые камыши.

Здесь в заводь праздную желанье
Свои приводит корабли.
И сладко тихое незнанье
О дальних ропотах земли.

*Здесь легким образам и думам
Я отдаю стихи мои,
И томным их встречают шумом
Реки согласные струи.*

*И, томно опустив ресницы,
Вы, девушки, в стихах прочли,
Как от страницы до страницы
В даль потянули журавли.*

*И каждый звук был вам намеком
И несказанным каждый стих.
И вы любили на широком
Просторе легких рифм моих.*

*И каждая навек узнала
И не забудет никогда,
Как обнимала, целовала,
Как пела тихая вода.*

Октябрь 1906
«Так окрыленно, так напевно...»

*Так окрыленно, так напевно
Царевна пела о весне.
И я сказал: «Смотри, царевна,
Ты будешь плакать обо мне».*

Но руки мне легли на плечи,

*И прозвучало: «Нет. Прости.
Возьми свой меч. Готовься к сече.
Я сохраню тебя в пути.*

*Иди, иди, вернешься молод
И долгу верен своему.
Я сохраню мой лед и холод,
Замкнусь в хрустальном терему.*

*И будет радость в долгих взорах,
И тихо протекут года.
Вкруг замка будет вечный шорох,
Во рву — прозрачная вода...*

*Да, я готова к поздней встрече,
Навстречу руки протяну
Тебе, несущему из сечи
На острие копья — весну».*

*Даль опустила синий полог
Над замком, башней и тобой.
Прости, царевна. Путь мой долог.
Иду за огненной весной.*

Октябрь 1906

«Ты можешь по траве зеленой...»

*Ты можешь по траве зеленой
Всю церковь обойти,*

*И сесть на паперти замшёной,
И кружево плести.*

*Ты можешь опустить ресницы,
Когда я прохожу,
Поправить кофточку из ситца,
Когда я погляжу.*

*Твои глаза еще невинны,
Как цветик голубой,
И эти косы слишком длинны
Для шляпки городской.*

*Но ты гуляешь с красным бан-
том
И семячки луцишь,
Телеграфисту с желтым кантом
Букетики даришь.*

*И потому — ты будешь рада
Сквозь мокрую траву
Прийти в туман чужого сада,
Когда я позову.*

Октябрь 1906

«Ищу огней — огней попутных...»

*Ищу огней — огней попутных
В твой черный, ведовской предел.*

Меж темных заводей и мутных
Огромный месяц покраснел.

Его двойник плывет над лесом
И скоро станет золотым.
Тогда — простор болотным бе-
сам,
И водяным, и лесовым.

Вертлявый бес вершушкой ели
Проткнет небесный золотой,
И долго будут петь свирели,
И стадо звякать за рекой...

И дальше путь, и месяц выше,
И звезды меркнут в серебре.
И тихо озарились крыши
В ночной деревне, на горе.

Иду, и холодеют росы,
И серебрятся о тебе,
Всё о тебе, расплетшей косы
Для друга тайного, в избе.

Дай мне пахучих, душистых зелий
И ядом сладким заморочь,
Чтоб, раз вкусив твоих веселий,
Навеки помнить эту ночь.

Октябрь 1906

Проклятый колокол

*Вёсны и зимы меняли убранство.
Месяц по небу катился — злове-
щий фонарь.*

*Вы, люди, рождались с желаньем
скорей умереть,
Страхом ночным обессилены.*

*А над болотом — проклятый зво-
нарь*

*Бил и будил колокольную медь.
Звуки летели, как филины,
В ночное пространство.*

*Колокол самый блаженный,
Самый большой и святой,
Тот, что утром скликал прихо-
жан,
По ночам расточал эти звуки.*

*Кто рассеет болотный туман,
Хоронясь за ночной темнотой?
Чьи качают проклятые руки
Этот колокол пленный?*

*В час угрюмого звона я был
Под стеной, средь болотной тра-*

вы,

Я узнал тебя, черный звонарь,
Но не мне укротить твою
медь!

Я в туманах бродил.
Люди спали. О, люди! Пока не про-
будитесь вы, —
Месяц будет вам — красный, зло-
вещий фонарь,
Страшный колокол будет
вам петь!

7 ноября 1906

«О жизни, догоревшей в хоре...»

О жизни, догоревшей в хоре
На темном клиросе твоём.
О Деве с тайной в светлом взоре
Над осиянным алтарем.

О томных девушках у двери,
Где вечный сумрак и хвала.
О дальней Мэри, светлой Мэри,
В чьих взорах — свет, в чьих ко-
сах — мгла.

Ты дремлешь, боже, на иконе,
В дыму камильниц голубых.

Я пред тобою, на амвоне,
Я — сумрак улиц городских.

Со мной весна в твой храм вступила,
Она со мной обручена.
Я — голубой, как дым кадила,
Она — туманная весна.

И мы под сводом веем, веем,
Мы стелемся над алтарем,
Мы над народом чары деем
И Мэри светлую поем.

И девушки у темной двери,
На всех ступенях алтаря —
Как засветлевшая от Мэри
Передзакатная заря.
И чей-то душный, тонкий волос
Скользит и веет вокруг лица,
И на амвоне женский голос
Поет о Мэри без конца.

О розах над ее иконой,
Где вечный сумрак и хвала,
О деве дальней, благосклонной,
В чьих взорах — свет, в чьих ко-
сах — мгла.

Ноябрь 1906

«В синем небе, в темной глуби...»

*В синем небе, в темной глуби
Над собором — тишина.
Мы одну и ту же любим,
Легковейная весна.*

*Как согласны мы мечтами,
Благосклонная весна!
Не шелками, не речами
Покорила нас она.*

*Удивленными очами
Мы с тобой покорены,
Над округлыми плечами
Косы в узел сплетены.*

*Эта девушка узнала
Чары легкие весны,
Мгла весенняя сплетала
Ей задумчивые сны.*

*Опустила покрывало,
Руки нежные сплела,
Тонкой стан заколдовала,
В храм вечерний привела,*

Обняла девичьи плечи,

*Поднялась в колокола,
Погасила в храме свечи,
Осенила купола,
И за девушкой — далече
В синих улицах — весна,
Смолкли звоны, стихли речи,
Кротко молится она...*

*В синем небе, в темной глубине
Над собором — тишина.
Мы с тобой так нежно любим,
Тиховейная весна!*

Ноябрь 1906

Балаган

*Ну, старая кляча, пойдём
ломать своего Шекспира!
Кин*

*Над черной слякотью дороги
Не поднимается туман.
Везут, побряхтывая, дроги
Мой полинялый балаган.*

*Лицо дневное Арлекина
Ещё бледней, чем лик Пьеро.
И в угол прячет Коломбина
Лохмотья, сшитые пестро...*

*Тащитесь, траурные клячи!
Актеры, правьте ремесло,
Чтобы от истины ходячей
Всем стало больно и светло!*

*В тайник души проникла плесень,
Но надо плакать, петь, идти,
Чтоб в рай моих заморских песен
Открылись торные пути.*

Ноябрь 1906

«Твоя гроза меня умчала...»

*Твоя гроза меня умчала
И опрокинула меня.
И надо мною тихо встала
Синь умирающего дня.*

*Я на земле грозою смятый
И опрокинутый лежу.
И слышу дальние раскаты,
И вижу радуги между.*

*Взойду по ней, по семицветной
И незапятнанной стезе —
С улыбкой тихой и приветной
Смотреть в глаза твоей грозе.*

Ноябрь 1906

«В час глухой разлуки с морем...»

*В час глухой разлуки с морем,
С тихо ропщущим прибоем,
С отуманенною далью —*

*Мы одни, с великим горем,
Седины́ свои закроем
Белым саваном — печалью.*

*Протекут еще мгновенья,
Канут в темные века.*

*Будут новые виденья,
Будет старая тоска.*

*И, в печальный саван кроясь,
Предаваясь тайно горю,
Не увидим мы тогда, —*

*Как горит твой млечный пояс!
Как летит к родному морю
Серебристая звезда!*

Ноябрь 1906

**«Сольвейг! О, Сольвейг! О,
Солнечный Путь!..»**

*Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнеч-
ный Путь!
Дай мне вздохнуть, освежить*

мою грудь!

*В темных провалах, где дышит
гроза,
Вижу зеленые злые глаза.*

*Ты ли глядишь, иль старуха — со-
ва?
Чьи раздаются во мраке слова?*

*Чей ослепительный плащ на лету
Путь открывает в твою высоту?*

*Знаю — в горах распевают рога,
Волей твоей зацветают луга.*

*Дай отдохнуть на уступе скалы!
Дай расколоть это зеркало мглы!*

*Чтобы лохматые тролли, визжа,
Вниз сорвались, как потоки до-
ждя,*

*Чтоб над омытой душой в выши-
не
День золотой был всерадостен
мне!*

Декабрь 1906

«В серебре росы трава...»

*В серебре росы трава.
Холодна ты, не жива.
Слышишь нежные слова?*

*Я склонился. Улыбнись.
Я прошу тебя: очнись.
Месяц залил светом высь.*

*Вдалеке поют ручьи.
Руки белые твои —
Две холодные змеи.*

*Шевельни смолистый знак.
Ты открой твой мертвый зрак.
Ты подай мне тихий знак.*

Декабрь 1906

Усталость

*Кому назначен темный жребий,
Над тем не властен хоровод.
Он, как звезда, утонет в небе,
И новая звезда взойдет.*

*И краток путь средь долгой ночи,
Друзья, близка ночная твердь!*

*И даже рифмы нет короче
Глухой, крылатой рифмы:
смерть.*

*И есть ланит живая алость,
Печаль свиданий и разлук...
Но есть паденье, и усталость,
И торжество предсмертных мук.*

14 февраля 1907
«Придут незаметные белые ночи...»

*Придут незаметные белые ночи.
И душу вытравят белым светом.
И бессонные птицы выключат
очи.
И буду ждать я с лицом возде-
тым,*

*Я буду мертвый — с лицом подъ-
ятым.
Придет, кто больше на свете лю-
бит:
В мертвые губы меня поцелует,
Закроет меня благовонным пла-
том.*

*Придут другие, разрыхлят глыбы,
Заруют, — уйдут беспокойно*

*прочь:
Они обо мне помолиться могли
бы,
Да вот — помешала белая ночь!*

18 марта 1907

**«Зачатый в ночь, я в ночь
рожден...»**

*Зачатый в ночь, я в ночь рожден,
И вскрикнул я, прозрев:
Так тяжек матери был стон,
Так черен ночи зев.*

*Когда же сумрак поредел,
Унылый день повлек
Клубок однообразных дел,
Безрадостный клубок.*

*Что быть должно — то быть
должно,
Так пела с детских лет
Шарманка в низкое окно,
И вот — я стал поэт.*

*Влюбленность расцвела в кудрях
И в ранней грусти глаз.
И был я в розовых цепях
У женщин много раз.*

И всё, как быть должно, пошло:
Любовь, стихи, тоска;
Всё приняла в свое русло
Спокойная река.

Как ночь слепая, так я был слеп,
И думал жить слепой...
Но раз открыли темный склеп,
Сказали: Бог с тобой.

В ту ночь был белый ледоход,
Разлив осенних вод.
Я думал: «Вот, река идет».
И я пошел вперед.

В ту ночь река во мгле была,
И в ночь и в темноту
Та — незнакомая — пришла
И встала на мосту.

Она была — живой костер
Из снега и вина.
Кто раз взглянул в желанный
взор,
Тот знает, кто она.

И тихо за руку взяла
И глянула в лицо.

*И маску белую дала
И светлое кольцо.*

*«Довольно жить, оставь слова,
Я, как метель, звонка,
Иною жизнью жива,
Иным огнем ярка».*

*Она зовет. Она манит.
В снегах земля и твердь.
Что́ мне поет? Что́ мне звенит?
Иная жизнь? Глухая смерть?*

12 апреля 1907

**«С каждой весной пути мои
круче...»**

*С каждой весной пути мои круче,
Мертвенней сумрак очей.
С каждой весной ясней и певучей
Таинства белых ночей.*

*Месяц ладью опрокинул в послед-
ней
Бледной могиле, — и вот
Стертые лица и пьяные бредни...
Карты... Цыганка поет.*

Смехом волнуемый черным и

громким,
 Был у нас пламенный лик.
Свет набежал. Промелькнули по-
темки.
 Вот он: бесстрастен и дик.

Видишь, и мне наступила на гор-
ло,
 Душит красавица ночь...
Краски последние смыла и стер-
ла...
 Что ж? Если можешь, про-
рочь...

Ласки мои неумелы и грубы.
 Ты же — нежнее, чем май.
Что же? Целуй в помертвелые гу-
бы.
 Пояс печальный снимай.

7 мая 1907

Девушке

Ты перед ним — что стебель гиб-
кий,
Он пред тобой — что лютый
зверь.
Не соблазняй его улыбкой,
Молчи, когда стучится в дверь.

*А если он ворвется силой,
За дверь стань и стереги:
Успеешь — в горнице немилрой
Сухие стены подожги.*

*А если близок час позорный,
Ты повернись лицом к углу,
Свяжи узлом платок свой черный
И в черный узел спрячь иглу.*

*И пусть игла твоя вонзится
В ладони грубые, когда
В его руках ты будешь биться,
Крича от боли и стыда...*

*И пусть в угаре страсти грубой
Он не запомнит, сгоряча,
Твои оттиснутые зубы
Глубоким шрамом вдоль плеча!*

6 июня 1907

«Когда я создавал героя...»

*Когда я создавал героя,
Кремень дробя, пласты деля,
Какого вечного покоя
Была исполнена земля!
Но в зацветающей лазури
Уже боролись свет и тьма,*

*Уже металась в синей буре
Одежды яркая кайма...
Щит ослепительно сверкучий
Сиял в разрыве синих туч,
И светлый меч, пронзая тучи,
Разил, как неуклонный луч...
Еще не явлен лик чудесный,
Но я провижу лик — зарю,
И в очи молнии небесной
С чудесным трепетом смотрю!*

3 октября 1907

«Всюду ясность божия...»

*Всюду ясность божия,
Ясные поля,
Девушки пригожие,
Как сама земля.*

*Только верить хочешь всё,
Что на склоне лет
Ты, душа, воротись
В самый ясный свет.*

3 октября 1907

«Она пришла с заката...»

*Она пришла с заката.
Был плащ ее заколот
Цветком нездешних стран.*

*Звала меня куда-то
В бесцельный зимний холод
И в северный туман.*

*И был костер в полночи,
И пламя языками
Лизало небеса.*

*Сияли ярко очи.
И черными змеями
Распуталась коса.*

*И змеи окрутили
Мой ум и дух высокий
Распяли на кресте.*

*И в вихре снежной пыли
Я верен черноокой
Змеиной красоте.*

8 ноября 1907

«Я миновал закат багряный...»

*Я миновал закат багряный,
Ряды строений миновал,
Вступил в обманы и туманы, —
Огнями мне сверкнул вокзал...*

Я сдавлен давкой человечесьей,

*Едва не оттеснен назад...
И вот — ее глаза и плечи,
И черных перьев водопад...*

*Проходит в час определенный,
За нею — карлик, шлейф влача...
И я смотрю вослед, влюбленный,
Как пленный раб — на палача...*

*Она проходит — и не взглянет,
Пренебрежением казня...
И только карлик не устанет
Глядеть с усмешкой на меня.*

Февраль 1908

«Твое лицо мне так знакомо...»

*Твое лицо мне так знакомо,
Как будто ты жила со мной.
В гостях, на улице и дома
Я вижу тонкий профиль твой.
Твои шаги звенят за мною,
Куда я ни войду, ты там.
Не ты ли легкою стопою
За мною ходишь по ночам?
Не ты ль проскальзываешь мимо,
Едва лишь в двери загляну,
Полувоздушна и незрима,
Подобна виденному сну?*

Я часто думаю, не ты ли
Среди погоста, за гумном,
Сидела, молча, на могиле
В платочке ситцевом своем?
Я приближался — ты сидела,
Я подошел — ты отошла,
Спустилась к речке и запела...
На голос твой колокола
Откликнулись вечерним звоном...
И плакал я, и робко ждал...
Но за вечерним перезвоном
Твой милый голос затихал...
Еще мгновенье — нет ответа,
Платок мелькает за рекой...
Но знаю горестно, что где-то
Еще увидимся с тобой.

1 августа 1908

Город (1904–1908)

Последний день

*Ранним утром, когда люди ленились шевелиться
Серый сон предчувствуя последних дней зимы,
Пробудились в комнате мужчина и блудница,
Медленно очнулись среди угарной тьмы.*

*Утро копошилось. Безнадёжно догорели свечи,
Опывший огарок маячил в опывших глазах.
За холодным окном дрожали женские плечи,
Мужчина перед зеркалом расчесывал пробор в волосах.*

*Но серое утро уже не обмануло:
Сегодня была она, как смерть, бледна.
Еще вечером у фонаря ее лицо блеснуло,
В этой самой комнате была*

влюблена.

Сегодня безобразно повисли складки рубашки,

На всем был серый постылый налет.

Углами торчала мебель, валялись окурки, бумажки,

Всех ужасней в комнате был красный комод.

И вдруг влетели звуки. Верба, раздувшая почки,

Раскачнулась под ветром, осыпая снег.

В церкви ударил колокол. Распахнулись форточки,

И внизу стал слышен торопливый бег.

Люди суетливо выбегали за ворота

(Улицу скрывал дощатый забор).

Мальчишки, женщины, дворники заметили что-то,

Махали руками, чертя незнакомый узор.

Бился колокол. Гудели крики, лай
и ржанье.
Там, на грязной улице, где люди
собрались,
Женщина-блудница — от ложа
пьяного желанья —
На коленях, в рубашке, поднимала
руки ввысь...

Высоко — над домами — в тумане
снежной бури,
На месте полуденных туч и полунощных звезд,
Розовым зигзагом в разверстой
лазури
Тонкая рука распластала тонкий
крест.

3 февраля 1904

Пётр

Евг. Иванову

Он спит, пока закат румян.
И сонно розовеют латы.
И с тихим свистом сквозь туман
Глядится Змей, копытом сжатый.

Сойдут глухие вечера,
Змей расклубится над домами.
В руке протянутой Петра
Запляшет факельное пламя.

Зажгутся нити фонарей,
Блеснут витрины и троттуары.
В мерцаньи тусклых площадей
Потянутся рядами пары.

Плащами всех укроет мгла,
Потонет взгляд в манящем
взгляде.
Пускай невинность из угла
Протяжно молит о пощаде!

Там, на скале, веселый царь
Взмахнул зловонное кадило,
И ризой городская гарь
Фонарь манящий облачила!

Бегите все на зов! на лов!
На перекрестки улиц лунных!
Весь город полон голосов
Мужских — крикливых, жен-
ских — струнных!

Он будет город свой беречь,

*И, заалев перед денницей,
В руке простертой вспыхнет меч
Над затихающей столицей.*

22 февраля 1904

Поединок

*Дни и ночи я безволен,
Жду чудес, дремлю без сна.
В песнях дальних колоколен
Пробуждается весна.*

*Чутко веет над столицей
Угнетенного Петра.
Вечерница льнет к деннице,
Несказанней вечера.*

*И зарей — очам усталым
Предстоит, озарена,
За прозрачным покрывалом
Лучезарная Жена...*

*Вдруг летит с отвагой ратной —
В бранном шлеме голова —
Ясный, Кроткий, Златолатный,
Кем возвысилась Москва!*

*Ангел, Мученик, Посланец
Поднял звонкую трубу...*

*Слышу ко́ней тяжкий танец,
Вижу смертную борьбу...*

*Светлый Муж ударил Деда!
Белый — черного коня!..
Пусть последняя победа
Довершится без меня!..
Я бегу на воздух вольный,
Жаром битвы утомлен...
Бейся, колокол раздолный,
Разглашай весенний звон!*

*Чуждый спорам, верный взорам
Девы алых вечеров,
Я опять иду дозором
В тень узорных теремов:*

*Не мелькнет ли луч в светлице?
Не зажгутся ль терема?
Не сойдет ли от божницы
Лучезарная Сама?*

22 февраля 1904

Обман

*В пустом переулке весенние воды
Бегут, бормочут, а девушка хохочет.
Пьяный красный карлик не дает*

проходу,
Пляшет, брызжет воду, платье
мочит.

Девушке страшно. Закрылась пла-
точком.

Темный вечер ближе. Солнце за
трубой.

Карлик прыгнул в лужицу крас-
ным комочком,
Гонит струйку к струйке смор-
щенной рукой.

Девушку манит и пугает отраже-
нье.

Издали мигнул одинокий фонарь.
Красное солнце село за строенье.
Хохот. Всплески. Брызги. Фабрич-
ная гарь.

Будто издали невнятно доносят-
ся звуки...

Где-то каплет с крыши... где-то
кашель старика...

Безжизненно цепляются холод-
ные руки...

В расширенных глазах не видно
зрачка...

.....

Как страшно! Как бездомно! Там,
у забора,
Легла некрасивым мокрым ком-
ком.
Плачет, чтобы ночь протянулась
не скоро —
Стыдно возвратиться с дьяволь-
ским клеймом...

Утро. Тучки. Дымы. Опрокинутые
кадки.
В светлых струйках весело пля-
шет синева.
По улицам ставят красные ро-
гатки.
Шлепают солдатики: раз! два!
раз! два!

В переулке у мокрого забора над
телом
Спящей девушки — трясется, бор-
мочет голова;
Безобразный карлик занят делом:
Спускает в ручеек башмаки: раз!
два!

Башмаки, крутясь, несутся по теченью,
Стремительно обгоняет их красный колпак...
Хохот. Всплески. Брызги. Еще мгновенье —
Плывут собачьи уши, борода и красный фрак...

Пронеслись, — и струйки шепчутся невнятно.
Девушка медленно очнулась от сна:
В глазах ее красно-голубые пятна.
Блестки солнца. Струйки. Брызги.
Весна.

5 марта 1904
«**Вечность бросила в город...**»

Вечность бросила в город
Оловянный закат.
Край небесный распорот,
Переулки гудят.

Всё бессилье гаданья
У меня на плечах.
В окнах фабрик — преданья
О разгульных ночах.

Оловянные кровли —
 Всем безумным приют.
В этот город торговли
 Небеса не сойдут.

Этот воздух так гулок,
 Так заманчив обман.
Уводи, переулок,
 В дымно-сизый туман...

26 июня 1904
 «Город в красные пределы...»

*Город в красные пределы
Мертвый лик свой обратил,
Серо-каменное тело
Кровью солнца окатил.*

*Стены фабрик, стекла окон,
Грязно-рыжее пальто,
Развевающийся локон —
Всё закатом залито.*

*Блещут искристые гривы
Золотых, как жар, коней,
Мчатся бешеные дива
Жадных облачных грудей,*

Красный дворник плещет ведра

*С пьяно-алою водой,
Пляшут огненные бедра
Проститутки площадной,*

*И на башне колокольной
В гулкий пляс и медный зык
Кажет колокол раздольный
Окровавленный язык.*

28 июня 1904
**«Я жалобной рукой сжимаю свой
КОСТЫЛЬ...»**

*Я жалобной рукой сжимаю свой
костыль.*

*Мой друг — влюблен в луну — жи-
вет ее обманом.*

*Вот — третий на пути. О, милый
друг мой, ты ль*

*В измятом картузе над взором
оловянным?*

*И — трое мы бредем. Лежит пла-
стами пыль.*

*Всё пусто — здесь и там — под
зноем неустанным.*

*Заборы — как гроба. В канавах
преет гниль.*

Всё, всё погребено в безлюдьи ока-

янном.

Стучим. Печаль в домах. Покойники в гробах.

Мы робко шепчем в дверь: «Не умер — спит ваш близкий...»
Но старая, в чепце, наморщив лоб свой низкий,
Кричит: «Ступайте прочь! Не оскорбляйте прах!»

И дальше мы бредем. И видим в щели зданий
Старинную игру вечерних содроганий.

3 июля 1904

Гимн

В пыльный город небесный кузнец
прикатил

Огневой переменчивый диск.
И по улицам — словно бесчисленных пил

Смех и скрежет и визг.

Вот в окно, где спокойно текла
Пыльно-серая мгла,
Луч вонзился в прожженное серд-

це стекла,
Как игла.

Все испуганно пьяной толпой
Покидают могилы домов...
Вот — всем телом прижат под
фабричной трубой
Незнакомый с весельем раз-
гульных часов...

Он вонзился ногтями в кирпич
В унижительной позе греха...
Но небесный кузнец раздувает ме-
ха,
И свистит раскаленный, пы-
лающий бич.

Вот — на груди горячих камней
Распростерта не смевшая
пасть...
Грудь раскрыта — и бродит меж
темных бровей
Набежавшая страсть...

Вот — монах, опустивший глаза,
Торопливо идущий вперед...
Но и тех, кто безумно обеты да-
ет,

Кто бесстрастные гимны поет,

Настигает гроза!

*Всем раскрывшим пред солнцем
тоскливую грудь
На распутьях, в подвалах, на башнях — хвала!
Солнцу, дерзкому солнцу, пробившему путь, —
Наши гимны, и песни, и сны — без числа!..*

Золотая игла!

*Исполинским лучом пораженная
мгла!*

*Опаленным, сметенным, сожженным дотла —
Хвала!*

27 августа 1904
«Поднимались из тьмы погребов...»

*Поднимались из тьмы погребов.
Уходили их головы в плечи.
Тихо выросли шумы шагов,
Словеса незнакомых наречий.*

Скоро прибыли толпы других,
Волочили кирки и лопаты.
Расползлись по камням мостовых,
Из земли воздвигали палаты.

Встала улица, серым полна,
Заткалась паутиною пряжей.
Шелестя, прибывала волна,
Затрудняя проток экипажей.

Скоро день глубоко отступил,
В небе дальнем расставивший зори.
А незримый поток шелестил,
Проливаясь в наш город, как в море.

Мы не стали искать и гадать:
Пусть заменят нас новые люди!
В тех же муках рождала их мать,
Так же нежно кормила у груди...

В пелене отходящего дня
Нам была эта участь понятна...
Нам последний закат из огня
Сочетал и соткал свои пятна.

*Не стерег иступленный дракон,
Не пылала под нами геенна.
Затопили нас волны времен,
И была наша участь — мгновен-
на.*

10 сентября 1904
«В высь изверженные дымы...»

*В высь изверженные дымы
Застилали свет зари.
Был театр окутан мглою.
Ждали новой пантомимы,
Над вечернею толпою
Зажигались фонари.*

*Лица плыли и сменились,
Утонули в темной массе
Прибывающей толпы.
Сквозь туман лучи дробились,
И мерцали в дальней касе
Золоченые гербы.*

*Гулкий город, полный дрожи,
Вырастал у входа в зал.
Звуки бешено ломились...
Но, взлетая к двери ложи,
Рокот смутно замирал,
Где поклонники толпились...*

*В темном зале свет заёмный
Мог мерцать и отдохнуть.
В ложе — вещая сибилла,
Облачась в убор нескромный,
Черный веер распустила,
Черным шелком оттенила
Бледно-матовую грудь.*

*Лишь в глазах таился вызов,
Но в глаза вливался мрак...
И от лож до темной сцены,
С позолоченных карнизов,
Отраженный, переменный —
Свет мерцал в глазах зевак...*

*Я покину сон угрюмый,
Буду первый пред толпой:
Взору смерти — взор ответный!
Ты пьяна вечерней думой,
Ты на очереди смертной:
Встану в очередь с тобой!*

25 сентября 1904
**«Блеснуло в глазах. Метнулось в
мечте...»**

*Блеснуло в глазах. Метнулось в
мечте.
Прильнуло к дрожащему сердцу.*

*Красный с козел прыгнул — и на
светлой черте
Распахнул каретную дверцу.*

*Нищий поднял дрожащий фонарь:
Афиша на мокром столбе...
Ступила на светлый троттуар,
Исчезла в толпе.*

*Луч дождливую мглу пронизал —
Богиня вступила в склеп...
Гори, маскарадный зал!
Здесь нищий во мгле ослеп.*

Сентябрь 1904

**«День поблек, изящный и
невинный...»**

*День поблек, изящный и невинный,
Вечер заглянул сквозь кружева.
И над книгою старинной
Закружилась голова.*

*Встала в легкой полутени,
Заструилась вдоль перил...
В голубых сетях растений
Кто-то медленный скользил.*

Тихо дрогнула портьера.

Принимала комната шаги
Голубого кавалера
И слуги.

Услыхала об убийстве —
Покачнулась — умерла.
Уронила матовые кисти
В зеркала.

24 декабря 1904
«В кабаках, в переулках, в
извивах...»

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в мол-
ву.

Были улицы пьяны от криков.
Были солнца в сверканьи витрин.
Красота этих женственных ли-
ков!
Эти гордые взоры мужчин!

Это были цари — не скитальцы!
Я спросил старика у стены:
«Ты украсил их тонкие пальцы
Жемчугами несметной цены?»

Ты им дал разноцветные шубки?
Ты зажег их снопами лучей?
Ты раскрасил пунцовые губки,
Синеватые дуги бровей?»

Но старик ничего не ответил,
Отходя за толпою мечтать.
Я остался, таинственно светел,
Эту музыку блеска впивать...

А они проходили всё мимо,
Смутно каждая в сердце тая,
Чтоб навеки, ни с кем не сравни-
мой,
Отлететь в голубые края.

И мелькала за парюю пара...
Ждал я светлого ангела к нам,
Чтобы здесь, в ликованьи трот-
туара,
Он одну приобщиц небесам...

А вверху — на уступе опасном —
Тихо съезжившись, карлик приник,
И казался нам знаменем красным
Распластавшийся в небе язык.

Декабрь 1904

«Барка жизни встала...»

Барка жизни встала
На большой мели.
Громкий крик рабочих
Слышен издали.
Песни и тревога
На пустой реке.
Входит кто-то сильный
В сером армяке.
Руль дощатый сдвинул,
Парус распустил
И багор закинул,
Грудью надавил.
Тихо повернулась
Красная корма,
Побежали мимо
Пестрые дома.
Вот они далёко,
Весело плывут.
Только нас с собою,
Верно, не возьмут!

Декабрь 1904

«Улица, улица.....»

Улица, улица...
Тени беззвучно спешащих
Тело продать,
И забвенье купить,
И опять погрузиться

*В сонное озеро города — зимнего
холода...*

*Спите. Забудьте слова лучезар-
ных.*

*О, если б не было в окнах
Светов мерцающих!
Штор и пунцовых цветочков!
Лиц, наклоненных над скудной ра-
ботой!*

*Всё тихо.
Луна поднялась.
И облачных перьев ряды
Разбежались далёко.*

Январь 1905

Повесть

Г. Чулкову

*В окнах, занавешенных сетью
мокрой пыли,
Темный профиль женщины накло-
нился вниз.
Серые прохожие усердно проноси-
ли
Груз вечерних сплетен, усталых*

стертых лиц.

Прямо перед окнами — светлый и упорный —

Каждому прохожему бросал лучи фонарь.

И в дождливой сети — не белой, не черной —

Каждый скрывался — не молод и не стар.

Были как виденья неживой столицы —

Случайно, нечаянно вступающие в луч.

Исчезали спины, возникали лица,
Робкие, покорные унынью низких туч.

И — нежданно резко — раздались проклятья,

Будто рассекая полосу дождя:

С головой открытой — кто-то в красном платье

Поднимал на воздух малое дитя...

Светлый и упорный, луч упал бес-
сменный —

И мгновенно женщина, ночных ве-
селый дочь,
Бешено ударилась головой о сте-
ну,
С криком исступленья, уронив ре-
бенка в ночь...

И столпились серые виденья мок-
рой скуки.
Кто-то громко ахал, качая голо-
вой.
А она лежала на спине, раскинув
руки,
В грязно-красном платье, на кро-
вавой мостовой.

Но из глаз открытых — взор упор-
но-дерзкий
Всё искал кого-то в верхних эта-
жах...
И нашел — и встретился в окне у
занавески
С взором темной женщины в
узорных кружевах.

Встретились и замерли в беззвуч-
ном вопле взоры,
И мгновенье длилось... Улица

ждала...

*Но через мгновенье наверху упали
шторы,*

*А внизу — в глазах открытых —
сила умерла...*

*Умерла — и вновь в дождливой се-
ти тонкой*

*Зычные, нестройные звучали го-
лоса.*

*Кто-то поднял на́ руки кричаще-
го ребенка*

*И, крестясь, украдкой утирал гла-
за...*

*Но вверху сомнительно молчали
стекла окон.*

*Плотно-белый занавес пустел в
сетях дождя.*

*Кто-то гладил бережно ребенку
мокрый локон.*

*Уходил тихонько. И плакал, ухо-
дя.*

Январь 1905

«Иду — и всё мимолетно...»

Иду — и всё мимолетно.

Вечереет — и газ зажгли.

*Музыка ведет бесповоротно,
Куда глядят глаза мои.*

*Они глядят в по́дворотни,
Где шарманщик вздыхал над те-
нью своей...
Не встречу ли оборотня?
Не увижу ли красной подруги мо-
ей?*

*Смотрю и смотрю внимательно,
Может быть, слишком упорно
еще...
И — внезапно — тенью гадатель-
ной —
Вольная дева в огненном плаще!..*

*В огненном! Выйди за поворот:
На глазах твоих повязка лежит
еще...
И она тебя кольцом неразлучным
сожмет
В змеином лóговище.*

9 марта 1905
Песенка («Она поет в печной трубе...»)

*Она поет в печной трубе.
Ее веселый голос тонок.*

*Мгла опочила на тебе.
За дверью плачет твой ребенок.*

*Весна, весна! Как воздух пуст!
Как вечер непомерно скуден!
Вон — тощей вербы голый куст —
Унылый призрак долгих буден.*

*Вот вечер кутает окно
Сплошными белыми тенями.
Мое лицо освещено
Твоими страшными глазами.*

*Но не боюсь смотреть в упор,
В душе — бездумность и беспеч-
ность!
Там — вихрем разметен костер,
Но искры улетели в вечность...*

*Глаза горят, как две свечи,
О чем она тоскует звонко?
Поймем. Не то пронзят ребенка
Безумных глаз твоих мечи.*

9 апреля 1905

Легенда

*Господь, ты слышишь? Господь,
простишь ли? —*

Весна плыла высоко в синеве.
На глухую улицу в полночь вышли
Веселые девушки. Было — две.

Но Третий за ними — за ними сле-
дом
Мелькал, неслышный, в луче фона-
ря.
Он был неведом... одной неведом:
Ей казалось... казалось, близка за-
ря.

Но синей и синее полночь мерцала,
Тая, млея, сгорая полношумной
весной.
И одна сказала... «Ты слышишь? —
сказала. —
О, как страшно, подруга... быть с
тобой».

И была эта девушка в белом... в
белом,
А другая — в черном... Твоя ли
дочь?
И одна — дрожала слабеньким
телом,
А другая — смеялась, бежала в
ночь...

Ты слышишь, господи? Сжалься!
О, сжалься!
Другая, смеясь, убежала прочь...
И на улице мертвой, пустынной
остались...
Остались... Третий, она и ночь.

Но, казалось, близко... Казалось,
близко
Трепетно бродит, чуть белеет за-
ря...
Но синий полог упал так низко
И задернул последний свет фона-
ря.

Был синий полог. Был сумрак до-
лог.
И ночь прошла мимо них, пьяна.
И когда в траве заблестел оско-
лок,
Она осталась совсем одна.

И первых лучей протянулись ни-
ти,
И слабые руки схватили нить...
Но уж город, гудя чредою собы-
тий,
Где-то там, далеко, начал

жить...

*Был любовный напиток — в красной пачке кредиток,
И заря испугалась. Но рукою Судьбы
Кто-то городу дал непомерный избыток,
И отравленной пыли полетели столбы.*

*Подходили соседи и шептались докучно.
Дымно-сизый старик оперся на костыль —
И кругом стало душно... А в полях однозвучно
Хохотал Невидимка — и разбрасывал пыль.*

*В этом огненном смерче обняла она крепче
Пыльно-грязной земли раскаленную печь...
Боже правый! Соделай, чтобы твердь стала легче!
Отврати твой разящий и карающий меч!*

*И откликнулось небо: среди пыли
и давки
Появился архангел с убеленной ру-
кой:
Всем казалось — он вышел из ма-
ленькой лавки,
И казалось, что был он — пере-
пачкан мукой...*

*Но уж твердь разрывало. И земля
отдыхала.
Под дождем умолкала песня
дальних колес...
И толпа грохотала. И гроза захо-
тала.
Ангел белую девушку в дом свой
унес.*

15 апреля 1905

«Я вам поведал неземное...»

*Я вам поведал неземное.
Я всё сковал в воздушной мгле.
В ладье — топор. В мечте — ге-
рои.
Так я причаливал к земле.*

*Скамья ладьи красна от крови
Моей растерзанной мечты,*

Но в каждом доме, в каждом кро-
ве
Ищу отважной красоты.

Я вижу: ваши девы слепы,
У юношей безогнен взор.
Назад! Во мглу! В глухие склепы!
Вам нужен бич, а не топор!

И скоро я расстанусь с вами,
И вы увидите меня
Вон там, за дымными горами,
Летящим в облаке огня!

16 апреля 1905

Невидимка

Веселье в ночном кабаке.
Над городом синяя дымка.
Под красной зарей вдалеке
Гуляет в полях Невидимка.

Танцует над топью болот,
Кольцом окружающих дома,
Протяжно зовет и поет
На голос, на голос знакомый.

Вам сладко вздыхать о любви,
Слепые, продажные твари?

*Кто небо запачкал в крови?
Кто вывесил красный фонарик?*

*И воеет, как брошенный пес,
Мяучит, как сладкая кошка,
Пучки вечеряющих роз
Швыряет блудницам в окошко...*

*И ломится в черный притон
Ватага веселых и пьяных,
И каждый во мглу увлечен
Толпой проституток румяных...*

*В тени гробовой фонари,
Смолкает над городом грохот...
На красной полоске зари
Беззвучный качается хохот...
Вечерняя надпись пьяна
Над дверью, отворенной в лавку...
Вмешалась в безумную давку
С расплеснутой чашей вина
На Звере Багряном — Жена.*

16 апреля 1905

МИТИНГ

*Он говорил умно и резко,
И тусклые зрачки
Метали прямо и без блеска*

Слепые огоньки.

*А снизу устремлялись взоры
От многих тысяч глаз,
И он не чувствовал, что скоро
Пробьет последний час.*

*Его движенья были верны,
И голос был суров,
И борода качалась мерно
В такт запыленных слов.*

*И серый, как ночные своды,
Он знал всему предел.
Цепями тягостной свободы
Уверенно гремел.*

*Но те, внизу, не понимали
Ни чисел, ни имен,
И знаком долга и печали
Никто не заклеял.*

*И тихий ропот поднял руку,
И дрогнули огни.
Пронесся шум, подобный звуку
Упавшей головни.*

Как будто свет из мрака брызнул,

Как будто был намек...
Толпа проснулась. Дико взвизгнул
Пронзительный свисток.

И в звоны стекол перебитых
Ворвался стон глухой,
И человек упал на плиты
С разбитой головой.

Не знаю, кто ударом камня
Убил его в толпе,
И струйка крови, помню ясно,
Осталась на столбе.

Еще свистки ломали воздух,
И крик еще стоял,
А он уж лег на вечный отдых
У входа в шумный зал...

Но огонек блеснул у входа...
Другие огоньки...
И звонко брякнули у свода
Взведенные курки.

И промелькнуло в беглом свете,
Как человек лежал,
И как солдат ружье над мерт-
вым

Наперевес держал.

*Черты лица бледней казались
От черной бороды,
Солдаты, молча, собирались
И строились в ряды.*

*И в тишине, внезапно вставшей,
Был светел круг лица,
Был тихий ангел пролетающий,
И радость — без конца.*

*И были строги и спокойны
Открытые зрачки,
Над ними вытянулись стройно
Блестящие штыки.*

*Как будто, спрятанный у входа
За черной пастью дул,
Ночным дыханием свободы
Уверенно вздохнул.*

10 октября 1905
«Вися над городом всемирным...»

*Вися над городом всемирным,
В пыли прошедшей заточен,
Еще монарха в утре лирном
Самодержавный клонит сон.*

*И предок царственно-чугунный
Всё так же бредит на змее,
И голос черни многострунный
Еще не властен на Неве.*

*Уже на дóмах веют флаги,
Готовы новые птенцы,
Но тихи струи невской влаги,
И слепы темные дворцы.*

*И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.*

18 октября 1905
«Еще прекрасно серое небо...»

*Еще прекрасно серое небо,
Еще безнадежна серая даль.
Еще несчастных, просящих хлеба,
Никому не жаль, никому не жаль!*

*И над заливами голос черни
Пропал, развеялся в невском сне.
И дикие вопли: «Свергни! О, свергни!»
Не будят жалости в сонной волне...*

*И в небе сером холодные светлы
Одели Зимний дворец царя,
И латник в черном не даст отве-
та,
Статуя на кровле Зимнего дворца
Пока не застигнет его заря.*

*Тогда, аляя над водной бездной,
Пусть он угрюмей опустит меч,
Чтоб с дикой чернью в борьбе бес-
полезной
За древнюю сказку мертвым
лечь...*

18 октября 1905
«Ты проходишь без улыбки...»

*Ты проходишь без улыбки,
Опустившая ресницы,
И во мраке над собором
Золотятся купола.*

*Как лицо твое похоже
На вечерних богородиц,
Опускающих ресницы,
Пропадающих во мгле...*

*Но с тобой идет кудрявый
Кроткий мальчик в белой шапке,*

Ты ведешь его за ручку,
Не даешь ему упасть.

Я стою в тени портала,
Там, где дует резкий ветер,
Застылающий слезами
Напряженные глаза.

Я хочу внезапно выйти
И воскликнуть: «Богоматерь!
Для чего в мой черный город
Ты Младенца привела?»

Но язык бессилен крикнуть.
Ты проходишь. За тобою
Над священными следами
Почивает синий мрак.

И смотрю я, вспоминая,
Как опущены ресницы,
Как твой мальчик в белой шапке
Улыбнулся на тебя.

29 октября 1905

Перстень-страданье

Шел я по улице, горем убитый.
Юность моя, как печальная ночь,
Бледным лучом упала на пли-

ты,
Гасла, плелась, и шарахалась
прочь.

Горькие думы — лохмотья печалей —
Нагло просили на чай, на ночлег,
И пропадали средь уличных далей,
За вереницей зловонных телег.

Господи боже! Уж утро клубится,
Где, да и как этот день проживу?..
Узкие окна. За ними — девица.
Тонкие пальцы легли на канву.

Локоны пали на нежные ткани —
Верно, работала ночь напролет...
Щеки бледны от бессонных мечтаний,
И замирающий голос поет:

«Что́ я сумела, когда полюбила?
Бросила мать и ушла от отца...
Вот я с тобою, мой милый, мой
милый...
Перстень-Страданье нам свяжет
сердца.

Что́ я могу? Своей алой кровью
Нежность мою для тебя укра-
шать...
Верностью женской, вечной любо-
вью
Перстень-Страданье тебе ско-
вать».

30 октября 1905

Сытые

Они давно меня томили:
В разгаре девственной мечты
Они скучали, и не жили,
И мяли белые цветы.

И вот — в столовых и гостиных,
Над грудой рюмок, дам, старух,
Над скукой их обедов чинных —
Свет электрический потух.

К чему-то вносят, ставят свечи,
На лицах — желтые круги,
Шипят пергаментные речи,
С трудом шевелятся мозги.

Так — негодует всё, что сыто,
Тоскует сытость важных чрев:
Ведь опрокинуто корыто,

Встревоженных прогнанный хлеб!

*Теперь им выпал скудный жребий:
Их дом стоит неосвещен,
И жгут им слух мольбы о хлебе
И красный смех чужих знамен!*

*Пусть доживут свой век привычно —
НО —
Нам жаль их сытость разрушать.
Лишь чистым детям — неприлично
НО
Их старой скуке подражать.*

10 ноября 1905
«Лазурью бледной месяц плыл...»

*Лазурью бледной месяц плыл
Изогнутым перстом.
У всех, к кому я приходил,
Был алый рот крестом.*

*Оскал зубов являл печаль,
И за венцом волос
Качалась мерно комнат даль,
Где властвовал хаос.*

У женщин взор был тускл и туп,

И страшен был их взор:
Я знал, что судороги губ
Открыли их позор,

Что пили ночь и забытье,
Но день их опалил...
Как страшно мирное жилье
Для тех, кто изменил!

Им смутно помнились шаги,
Падений тайный страх,
И плыли красные круги
В измученных глазах.

Меня сжимал, как змей, диван,
Пытливый гость — я знал,
Что комнат бархатный туман
Мне душу отравлял.
Но, душу нежную губя,
В себя вонзая нож,
Я в муках узнавал тебя,
Блистательная ложь!

О, запах пламенный духов!
О, шелестящий миг!
О, речи магов и волхвов!
Пергамент желтых книг!

Ты, безымянная! Волхва
Неведомая дочь!
Ты нашептала мне слова,
Свивающие ночь.

Январь 1906
«Твое лицо бледней, чем было...»

Твое лицо бледней, чем было
В тот день, когда я подал знак,
Когда, замедлив, торопила
Ты легкий, предвечерний шаг.

Вот я стою, всему покорный,
У немерцающей стены.
Что́ сердце? Свиток чудотвор-
ный,
Где страсть и горе сочтены!

Поверь, мы оба небо знали:
Звездой кровавой ты текла,
Я измерял твой путь в печали,
Когда ты падать начала.

Мы знали знаньем несказанным
Одну и ту же высоту
И вместе пали за туманом,
Чертя уклонную черту.

*Но я нашел тебя и встретил
В неосвященных воротах,
И этот взор — не меньше светел,
Чем был в туманных высотах!*

*Комета! Я прочел в светилах
Всю повесть раннюю твою,
И лживый блеск созвездий милых
Под черным шелком узнаю!*

*Ты путь свершаешь предо мною,
Уходишь в тени, как тогда,
И то же небо за тобою,
И шлейф влачишь, как та звезда!*

*Не медли, в темных теньях кро-
ясь,
Не бойся вспомнить и взглянуть.
Серебряный твой узкий пояс —
Сужденный магу млечный путь.*

Март 1906

Незнакомка

*По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными
Весенний и тлетворный дух.*

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булоч-
ной,
И раздаётся детский плач.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки.

Над озером скрипят уключины,
И раздаётся женский визг,
А в небе, ко всему приученный,
Бессмысленно кривится диск.

И каждый вечер друг единствен-
ный
В моем стакане отражен
И влагой терпкой и таинствен-
ной,
Как я, смирен и оглушен.

А рядом у соседних столиков
Лакеи сонные торчат,
И пьяницы с глазами кроликов
«In vino veritas!»[2] кричат.

*И каждый вечер, в час назначен-
ный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схвачен-
ный,
В туманном движется окне.*

*И медленно, пройдя меж пьяны-
ми,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.*

*И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.*

*И странной близостью закован-
ный,
Смотрю за темную вуаль,
И вижу берег очарованный
И очарованную даль.*

*Глухие тайны мне поручены,
Мне чье-то солнце вручено,
И все души моей излучины
Пронзило терпкое вино.*

*И перья страуса склоненные
В моем качаются мозгу,
И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.*

*В моей душе лежит сокровище,
И ключ поручен только мне!
Ты право, пьяное чудовище!
Я знаю: истина в вине.*

24 апреля 1906. Озерки
«Там дамы щеголяют модами...»

*Там дамы щеголяют модами,
Там всякий лицеист остер —
Над скукой дач, над огородами,
Над пылью солнечных озер.*

*Туда манит перстами алыми
И дачников волнует зря
Над запыленными вокзалами
Недостижимая заря.*

*Там, где скучаю так мучительно,
Ко мне приходит иногда
Она — бесстыдно упоительна
И унижительно горда.*

За толстыми пивными кружка-

ми,
За сном привычной суеты
Сквозит вуаль, покрытый мушка-
ми,
Глаза и мелкие черты.

Чего же жду я, очарованный
Моей счастливою звездой,
И оглушенный и взволнованный
Вином, зарею и тобой?

Вздыхая древними поверьями,
Шелками черными шумна,
Под шлемом с траурными перья-
ми
И ты вином оглушена?

Средь этой пошлости таинствен-
ной,
Скажи, что́ делать мне с то-
бой —
Недостижимой и единственной,
Как вечер дымно-голубой?

Апрель 1906 — 28 апреля 1911
«Передвечернею порою...»

*Передвечернею порою
Сходил я в сумерки с горы,*

*И вот передо мной — за мглою —
Черты печальные сестры.*

*Она идет неслышным шагом.
За нею шевелится мгла,
И по долинам, по оврагам
Вздыхают груди без числа.*

*«Сестра, откуда в дождь и холод
Идешь с печальной толпой,
Кого бичами выгнал голод
В могилы жизни кочевой?»*

*Вот подошла, остановилась
И факел подняла во мгле,
И тихим светом озарилось
Всё, что незримо на земле.*

*И там, в канавах придорожных,
Я, содрогаясь, разглядел
Черты мучений невозможных
И корчи ослабевших тел.*

*И вновь опущен факел душный,
И, улыбаясь мне, прошла —
Такой же дымной и воздушной,
Как окружающая мгла.*

Но я запомнил эти лица
И тишину пустых орбит,
И обреченных вереница
Передо мной всегда стоит.

Сентябрь 1906

Холодный день

Мы встретились с тобою в храме
И жили в радостном саду,
Но вот зловонными дворами
Пошли к проклятью и труду.

Мы миновали все ворота
И в каждом видели окне,
Как тяжело лежит работа
На каждой согнутой спине.

И вот пошли туда, где будем
Мы жить под низким потолком,
Где прокляли друг друга люди,
Убитые своим трудом.

Стараясь не запачкать платья,
Ты шла меж спящих на полу;
Но самый сон их был проклятье,
Вон там — в заплеванном углу...

Ты обернулась, заглянула

*Доверчиво в мои глаза...
И на щеке моей блеснула,
Скатилась пьяная слеза.*

*Нет! Счастье — праздная забота,
Ведь молодость давно прошла.
Нам скоротает век работа,
Мне — молоток, тебе — игла.*

*Сиди, да шей, смотри в окошко,
Людей повсюду гонит труд,
А те, кому трудней немножко,
Те песни длинные поют.*

*Я близ тебя работать стану,
Авось, ты не припомнишь мне,
Что я увидел дно стакана,
Топя отчаянье в вине.*

Сентябрь 1906

В октябре

*Открыл окно. Какая хмурая
Столица в октябре!
Забитая лошадка бурая
Гуляет на дворе.*

*Снежинка легкою пушинкою
Порхает на ветру,*

*И елка слабенькой вершинкою
Мотаает на юру.*

*Жилось легко, жилось и молодо —
Прошла моя пора.
Вон — мальчик, посинев от холо-
да,
Дрожит среди двора.*

*Всё, всё по старому, бывалому,
И будет как всегда:
Лошадке и мальчишке малому
Не сладки холода.*

*Да и меня без всяких поводов
Загнали на чердак.
Никто моих не слушал доводов,
И вышел мой табак.*

*А всё хочу свободной волею
Свободного житья,
Хоть нет звезды счастливой бо-
лее
С тех пор, как за́пил я!*

*Давно звезда в стакан мой кану-
ла, —
Ужели навсегда?..*

*И вот душа опять воспрянула:
Со мной моя звезда!*

*Вот, вот — в глазах плывет ма-
нящая,
Качается в окне...*

*И жизнь начнется настоящая,
И крылья будут мне!*

*И даже всё мое имущество
С собою захвачу!
Познал, познал свое могущество!..
Вот вскрикнул... и лечу!*

*Лечу, лечу к мальчишке малому,
Средь вихря и огня...
Всё, всё по старому, бывалому,
Да только — без меня!*

Октябрь 1906
«К вечеру вышло тихое солнце...»

*К вечеру вышло тихое солнце,
И ветер понес дымки из труб.
Хорошо прислониться к дверному
косяку
После ночной попойки моей.*

Многое миновалось

*И много будет еще,
Но никогда не перестанет радо-
ваться сердце
Тихою радостью
О том, что вы придете,
Сядете на этом старом диване
И скажете простые слова
При тихом вечернем солнце,
После моей ночной попойки.*

*Я люблю ваше тонкое имя,
Ваши руки и плечи
И черный платок.*

Октябрь 1906

«Ночь. Город угомонился...»

*Ночь. Город угомонился.
За большим окном
Тихо и торжественно,
Как будто человек умирает.*

*Но там стоит просто грустный,
Расстроенный неудачей,
С открытым воротом,
И смотрит на звезды.*

*«Звезды, звезды,
Расскажите причину грусти!»*

И на звезды смотрит.

*«Звезды, звезды,
Откуда такая тоска?»*

*И звезды рассказывают.
Всё рассказывают звезды.*

Октябрь 1906

«Я в четырех стенах — убитый...»

*Я в четырех стенах — убитый
Земной заботой и нуждой.
А в небе — золотом расшитый
Наряд бледнеет голубой.*

*Как сладко, и светло, и больно,
Мой голубой, далекий брат!
Душа в слезах, — она довольна
И благодарна за наряд.*

*Она — такой же голубою
Могла бы стать, как в небе —
ты,
Не удрученный тяготою
Дух глубины и высоты.*

*Но и в стенах — моя отрада
Лазурию твоей гореть,*

*И думать, что близка награда,
Что суждено мне умереть...*

*И в бледном небе — тихим ды-
мом*

*Голубоватый дух певца
Смешается с тобой, родимым,
На лоне Строгого Отца.*

Октябрь 1906

Окна во двор

*Одна мне осталась надежда:
Смотреться в колодезь двора.
Светает. Белеет одежда
В рассеянном свете утра.*

*Я слышу — старинные речи
Проснулись глубоко на дне.
Вон теплятся желтые свечи,
Забывшие в чьем-то окне.*

*Голодная кошка прижалась
У жолоба утренних крыш.
Заплакать — одно мне осталось,
И слушать, как мирно ты спишь.*

*Ты спишь, а на улице тихо,
И я умираю с тоски,*

*И злое, голодное Лихо
Упорно стучится в виски...*

*Эй, мальй, взгляни мне в оконце!..
Да нет, не заглянешь — прой-
дешь...
Совсем я на зимнее солнце,
На глупое солнце похож.*

Октябрь 1906

«Хожу, брожу понурый...»

*Хожу, брожу понурый,
Один в своей норе.
Придет шарманщик хмурый,
Заплачет на дворе...*

*О той свободной доле,
Что мне не суждена,
О том, что ветер в поле,
А на дворе — весна.*

*А мне — какой дело?
Брожу один, забыт.
И свечка догорела,
И маятник стучит.*

*Одна, одна надежда
Вон там, в ее окне.*

Светла ее одежда,
Она придет ко мне.

А я, нахмутив брови,
Ей в сотый передам,
Как много портил крови
Знакомым и друзьям.

Опять нам будет сладко,
И тихо, и тепло...
В углу горит лампадка,
На сердце отлегло...

Зачем она приходит
Со мною говорить?
Зачем в иглу проводит
Веселенькую нить?

Зачем она роняет
Веселые слова?
Зачем лицо склоняет
И прячет в кружева?

Как холодно и тесно,
Когда ее здесь нет!
Как долго неизвестно,
Блеснет ли в окнах свет...

*Лицо мое белее,
Чем белая стена...
Опять, опять сробею,
Когда придет она...*

*Ведь нечего бояться
И нечего терять...
Но надо ли сказаться?
Но можно ли сказать?*

*И что́ ей молвить — нежной?
Что сердце расцвело?
Что ветер веет снежный?
Что в комнате светло?*

7 декабря 1906

Пожар

*Понеслись, блеснули в очи
Огневые языки,
Золотые брызги ночи,
Городские мотыльки.*

*Зданье дымом затянуло,
Толпы темные текут...
Но вдали несутся гулы,
Светы новые бегут...*

Крики брошены горстями

Золотых монет.
Над вспененными конями
Факел стелет красный свет.

И, крутя живые спицы,
Мчатся вихрем колесницы,
Впереди скакун с трубой
Над испуганной толпой.

Скок по камню тяжело звонок,
Голос хриплой меди тонок,
Расплеснулась, широка,
Гулкой улицы река.

На блистательные шлемы
Каплет снежная роса...
Дети ночи черной — где мы?..
Чьи взывают голоса?..

Нет, опять погаснут зданья,
Нет, опять он обманул, —
Отдаленного восстанья
Надвигающийся гул...

Декабрь 1906

**«На серые камни ложилась
дремота...»**

На серые камни ложилась дремо-

та,
Но прялкой вилась городская забота.
Где храмы подъяты и выступы круты, —

Я видел вас, женщины в темных одеждах,
С молитвой в глазах и с изменой в надеждах —
О, женщины помнят такие минуты!

Сходились, считая ступень за ступенью,
И вновь расходились, томимые тенью,
Сияя очами, сливаясь с тенями...

О, город! О, ветер! О, снежные бури!
О, бездна разорванной в клочья лазури!
Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!

Декабрь 1906
«Ты смотришь в очи ясным зорям...»

Ты смотришь в очи ясным зорям,
А город ставит огоньки,
И в переулках пахнет морем,
Поют фабричные гудки.

И в суете непобедимой
Душа туманам предана...
Вот красный плащ, летящий ми-
мо,
Вот женский голос, как струна.

И помыслы твои несмелы,
Как складки современных риз...
И женщины ресницы-стрелы
Так часто опускают вниз.

Кого ты в скользкой мгле заме-
тил?
Чьи окна светят сквозь туман?
Здесь ресторан, как храмы, све-
тел,
И храм открыт, как ресторан...

На безысходные обманы
Душа напрасно понеслась:
И взоры дев, и рестораны
Погаснут все — в урочный час.

Декабрь 1906

На чердаке

*Что́ на свете выше
Светлых чердаков?
Вижу трубы, крыши
Дальних кабаков.*

*Путь туда заказан,
И на что — теперь?
Вот — я с ней лишь связан...
Вот — закрыта дверь...*

*А она не слышит —
Слышит — не глядит,
Тихая — не дышит,
Белая — молчит...*

*Уж не просит кушать...
Ветер свищет в щель.
Как мне любо слушать
Вьюжную свирель!*

*Ветер, снежный север,
Давний друг ты мне!
Подари ты веер
Молодой жене!*

Подари ей платье

*Белое, как ты!
Нанеси в кровать ей
Снежные цветы!*

*Ты дарил мне горе,
Тучи, да снега...
Подари ей зори,
Бусы, жемчуга!*

*Чтоб была нарядна
И, как снег, бела!
Чтоб глядел я жадно
Из того угла!..*

*Слаще пой ты, вьюга,
В снежную трубу,
Чтоб спала подруга
В ледяном гробу!*

*Чтоб она не встала,
Не скрипи, доска...
Чтоб не испугала
Милого дружка!*

Декабрь 1906

Клеопатра

*Открыт паноптикум печальный
Один, другой и третий год.*

Толпою пьяной и нахальной
Спешим... В гробу царица ждет.

Она лежит в гробу стеклянном,
И не мертва и не жива,
А люди шепчут неустанно
О ней бесстыдные слова.

Она раскинулась лениво —
Навек забыть, навек уснуть...
Змея легко, неторопливо
Ей жалит восковую грудь...

Я сам, позорный и продажный,
С кругами синими у глаз,
Пришел взглянуть на профиль
важный,
На воск, открытый напоказ...

Тебя рассматривает каждый,
Но, если б гроб твой не был пуст,
Я услышал бы не однажды
Надменный вздох истлевших уст:

«Кадите мне. Цветы рассыпьте.
Я в незапамятных веках
Была царицею в Египте.
Теперь — я воск. Я тлен. Я

прах». —

*«Царица! Я пленен тобою!
Я был в Египте лишь рабом,
А ныне суждено судьбою
Мне быть поэтом и царем!*

*Ты видишь ли теперь из гроба,
Что Русь, как Рим, пьяна тобой?
Что я и Цезарь — будем оба
В веках равны перед судьбой?»*

*Замолк. Смотрю. Она не слышит.
Но грудь колыхается едва
И за прозрачной тканью дышит...
И слышу тихие слова:*

*«Тогда я исторгала грозы.
Теперь исторгну жгучей всех
У пьяного поэта — слезы,
У пьяной проститутки — смех».*

16 декабря 1907

Не пришел на свиданье

*Поздним вечером ждала
У кисейного окна
Вплоть до раннего утра.*

Нету милого — ушла.
Нету милого — одна.
Даль мутна, светла, сыра.

Занавесила окно,
Засветила огонек,
Наклонилась над столом...

Загляни еще в окно!
Загляни еще разок!
Загляни одним глазком!

Льется, льется холодок.
Догорает огонек.

«Как он в губы целовал...
Как невестой называл...»

Рано, холодно, светло.
Ветер ломится в стекло.

Посмотри одним глазком,
Что там с миленьким друж-
ком?..
Белый саван — снежный плат.
А под платом — голова...
Тяжело проспать в гробу.

*Ноги вытянулись в ряд...
Протянулись рукава...
Ветер ломится в трубу...*

*Выйди, выйди из ворот...
Лейся, лейся ранний свет,
Белый саван, распухай...*

*Приподымишь белый край —
И сомнений больше нет:
Провалился мертвый рот.*

Февраль 1908. Ревель

Снежная маска (1907)

Посвящается Н.Н.В.

Снега Снежное вино

*И вновь, сверкнув из чаши винной,
Ты поселила в сердце страх
Своей улыбкою невинной
В тяжелозмейных волосах.*

*Я опрокинут в темных струях
И вновь вдыхаю, не любя,
Забывший сон о поцелуях,*

О снежных вьюгах вокруг тебя.

*И ты смеешься дивным смехом,
Змеишься в чаше золотой,
И над твоим собольим мехом
Гуляет ветер голубой.*

*И как, глядясь в живые струи,
Не увидать себя в венце?
Твои не вспомнить поцелуи
На запрокинутом лице?*

29 декабря 1906

Снежная вязь

*Снежная мгла взвилась.
Легли сугробы кругом.*

*Да. Я с тобой незнаком.
Ты — стихов моих пленная вязь.*

*И, тайно сплетая вязь,
Нити снежные тку и плету.*

*Ты не первая мне предалась
На темном мосту.*

*Здесь — электрический свет.
Там — пустота морей,*

И скована льдами злая вода.

Я не открою тебе дверей.

Нет.

Никогда.

*И снежные брызги влача за собой,
Мы летим в миллионы бездн...
Ты смотришь всё той же пленной
душой*

В купол всё тот же — звездный...

И смотришь в печали,

И снег синей...

Темные дали,

И блистательный бег саней...

*И когда со мной встречаются
Неизбежные глаза, —*

*Глуби снежные вскрываются,
Приближаются уста...*

Вышина. Глубина. Снеговая тишь.

И ты молчишь.

*И в душе твоей безнадежной
Та же легкая, пленная грусть.*

*О, стихи зимы среброснежной!
Я читаю вас наизусть.*

З января 1907

Последний путь

*В снежной пене — предзакат-
ная —*

*Ты встаешь за мной вдали,
Там, где в дали невозвратные
Повернули корабли.*

*Не видать ни мачт, ни паруса,
Что манил от снежных мест,
И на дальнем храме безрадостно
Догорел последний крест.*

*И на этот путь оснеженный
Если встанешь — не сойдешь.
И душою безнадежной
Безотзывное поймешь.*

*Ты услышишь с белой пристани
Отдаленные рога.
Ты поймешь растущий издали
Зов закованной в снега.*

З января 1907

На страже

*Я — непокорный и свободный.
Я правлю вольною судьбой.
А Он — простерт над бездной вод-
ной
С поднятой к небесам трубой.*

*Он видит все мои измены,
Он исчисляет все дела.
И за грядой туманной пены
Его труба всегда светла.*

*И, опустивший меч на струи,
Он не смежит упорный взор.
Он стережет все поцелуи,
Паденья, клятвы и позор.*

*И Он потребует ответа,
Подъемля засветлевший меч.
И канет темная комета
В пучины новых темных встреч.*

3 января 1907

Второе крещение

*Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,
И в новой снеговой купели
Крещен вторым крещеньем я.*

*И, в новый мир вступая, знаю,
Что люди есть, и есть дела,
Что путь открыт наверно к раю
Всем, кто идет путями зла.*

*Я так устал от ласк подруги
На застывающей земле.
И драгоценный камень вьюги
Сверкает льдиной на челе.*

*И гордость нового крещенья
Мне сердце обратила в лед.
Ты мне сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придет?*

*Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет —
Смерть.*

3 января 1907

Настигнутый метелью

*Вьюга пела.
И кололи снежные иглы.
И душа леденела.
Ты меня настигла.*

Ты запрокинула голову в высь.
Ты сказала: «Глядись, глядись,
Пока не забудешь
Того, что любишь».

И указала на дальние города ли-
нии,
На поля снеговые и синие,
На бесцельный холод.

И снежных вихрей подъятый мо-
лот
Бросил нас в бездну, где искры нес-
лись,
Где снежинки пугливо вились...

Какие-то искры,
Каких-то снежинок неверный по-
лет...
Как быстро — так быстро
Ты надо мной
Опрокинула свод
Голубой...

Метель взвилась,
Звезда сорвалась,
За ней другая...
И звезда за звездой

Понеслась,
Открывая
Вихрям звездным
Новые бездны.

В небе вспыхнули темные очи
Так ясно!
И я позабыл приметы
Страны прекрасной —
В блеске твоём, комета!
В блеске твоём, среброснежная
ночь!

И неслись опустошающие
Непомерные года,
Словно сердце застывающее
Закатилось навсегда.

Но бредет за дальним полюсом
Солнце сердца моего,
Льдяным скованное поясом
Безначалья твоего.

Так взойди ж в морозном инее,
Непомерный свет — заря!
Подними над далью синей
Жезл померкшего царя!

3 января 1907

На зов метелей

Белоснежней не было зим
И перистей тучек.
Ты дала мне в руки
Серебряный ключик,
И владел я сердцем твоим.
Тихо всходил над городом дым,
Умиralи звуки.

Белые встали сугробы,
И мраки открылись.
Выплыл серебряный серп.
И мы уносились,
Обреченные оба
На ущерб.

Ветер взвихрил снега.
Закатился серп луны.
И пронзительным взором
Ты измерила даль страны,
Откуда звучали рога
Снежным, метельным хором.

И мгла заломила руки,
Заломила руки в высь.
Ты опустила очи,
И мы понеслись.

И навстречу вставляли новые звуки:
Летели снега,
Звенели рога
Налетающей ночи.

3 января 1907

Её песни

Не в земной темнице душной
Я гублю.
Душу вверх ладье воздушной —
Кораблю.
Ты пойми душой послушной,
Что люблю.

Взор твой ясный к выси звездной
Обрати.
И в руке твой меч железный
Опусти.
Сердце с дрожью бесполезной
Укrotи.
Вихри снежные над бездной
Закрути.

Рукавом моих метелей
Задушу.
Серебром моих веселий
Оглушу.

На воздушной карусели
Закружусь.
Пряжей спутанной кудели
Обовью.
Легкой брагой снежных хмелей
Напою.

4 января 1907

Крылья

*Крылья легкие раскину,
Стены воздуха раздвину,
Страны дольные покину.*

*Вейтесь, искристые нити,
Льдинки звездные, плывите,
Вьюги дольные, вздохните!*

*В сердце — легкие тревоги,
В небе — звездные дороги,
Среброснежные чертоги.*

*Сны метели светлозмейной,
Песни вьюги легковейной,
Очи девы чародейной.*

*И какие-то печали
Издали,
И туманные скрижали*

От земли.
И покинутые в дали
Корабли.
И какие-то за мысом
Паруса.
И какие-то над морем
Голоса.
И расплеснут меж мирами,
Над забытыми пирами —
Кубок долгой страстной ночи,
Кубок темного вина.

4 января 1907

**Влюбленность («И опять твой
сладкий сумрак, влюбленность...»)**

И опять твой сладкий сумрак,
влюбленность.
И опять: «Навеки. Опустит глаза
твои».
И дней туманность, и ночная бес-
сонность,
И вдали, в волнах, вдали — проле-
тевшие ладьи.

И чему-то над равнинами снеж-
ными
Улыбнувшаяся задумчиво заря.
И ты, осенившая крылами бело-

снежными
На вечный покой отходящего ца-
ря.

Ангел, гневно брови изламываю-
щий,
Два луча — два меча скрестил в
вышине.

Но в гневах стали звенящей и па-
дающей
Твоя улыбка струится во мне.

4 января 1907

Не надо

Не надо кораблей из дали,
Над мысом почивает мрак.
На снежно-синем покрывале
Читаю твой условный знак.

Твой голос слышен сквозь метели,
И звезды сыплют снежный прах.
Ладьи ночные пролетели,
Ныряя в ледяных струях.

И нет моей завидней доли —
В снегах забвенья догореть,
И на прибрежном снежном поле
Под звонкой вьюгой умереть.

*Не разгадать живого мрака,
Которым стан твой окружен.
И не понять земного знака,
Чтоб не нарушить снежный сон.*

4 января 1907

Тревога

*Сердце, слышишь
Легкий шаг
За собой?*

*Сердце, видишь:
Кто-то подал знак,
Тайный знак рукой?*

*Ты ли? Ты ли?
Вьюги плыли,
Лунный серп застыл...*

*Ты ль нисходишь?
Ты ль уводишь, —
Ты, кого я полюбил?*

*Над бескрайными снегами
Возлетим!
За туманными морями
Догорим!*

*Птица вьюги
Темнокрылой,
Дай мне два крыла!*

*Чтоб с тобою, сердцу милой,
В серебристом лунном круге
Вся душа изнемогла!
Чтоб огонь зимы палящей
Сжег грозящий
Дальний крест!*

*Чтоб лететь стрелой звенящей
В пропасть черных звезд!*

4 января 1907

Прочь!

*И опять открыли солнца
Эту дверь.
И опять влекут от сердца
Эту тень.*

*И опять, остерегая,
Знак дают,
Чтобы медленный растаял
В келье лед.*

*«Кто ты? Кто ты?
Скован дрёмой,*

Пробудись!

*От дремоты
Незнакомой
Исцелись!*

*Мы — целители истомы,
Нашей медленной заботе
Покорись!*

*В златоверхие хоромы,
К созидающей работе
Воротись!»
— Кто вы? Кто вы?
Рая дочери!
Прочь! Летите прочь!*

*Кто взломал мои засовы?
Ты кому открыла двери,
Задремав, служанка-ночь?*

*Стерегут мне келью совы, —
Вам забвенью и потере
Не помочь!*

*На груди — снегов оковы,
В ледяной моей пещере —
Вихрей северная дочь!*

Из очей ее крылатых
Светит мгла.
Трехвенечная тиара
Вкруг чела.
Золотистый уголь в сердце
Мне возгла!

Трижды северное солнце
Обошло подвластный мир!
Трижды северные фьорды
Знали тихий лёт ночей!
Трижды красные герольды
На кровавый звали пир!
Мне — мое открыло сердце
Снежный мрак ее очей!

Прочь лети, святая стая,
К старой двери
Умиряющего рая!
Стерегите, злые звери,
Чтобы ангелам самим
Не поднять меня крылами,
Не вскружить меня хвалами,
Не пронзить меня Дарами
И Причастием своим!

У меня в померкшей келье —
Два меча.

*У меня над ложем — знаки
Черных дней.*

*И струит мое веселье
Два луча.*

*То горят и дремлют маки
Злых очей.*

8 января 1907

И опять снега

*И опять, опять снега
Замели следы...*

*Над пустыней снежных мест
Дремлют две звезды.*

*И поют, поют рога.
Над парами злой воды
Вьюга строит белый крест,
Рассыпает снежный крест,
Одинокий смерч.*

*И вдали, вдали, вдали,
Между небом и землей
Веселится смерть.*

И за тучей снеговой

*Задремали корабли —
Опрокинутые в твердь
Станы снежных мачт.*

*И в полях гуляет смерть —
Снеговой трубач...*

*И вздымает вьюга смерч,
Строит белый, снежный крест,
Заметает твердь...
Разрушает снежный крест
И бежит от снежных мест...
И опять глядится смерть
С беззакатных звезд...*

8 января 1907

Голоса

(Двое проносятся в сфере метелей)

О^н

*Нет исхода вьюгам певучим!
Нет заката очам твоим звезд-
ным!*

*Рукою, поднятой к тучам,
Ты влечешь меня к безднам!*

Она

*О, настигай! О, догони!
Померкли дни.*

Столетья мінут.
Земля остынет.
Луна опрокинет
Свой лик к земле!

Он

Кто жребий мой вынет,
Тот опрокинут
В бездонной мгле!

Она

Оставь тревоги,
Метель в дороге
Тебя застигла.
Ласкают вьюги,
Ты — в лунном круге,
Тебя пронзили снежные иглы!

Он

Сердце — громада
Горной лавины —
Катится в бездны...
Ты гибели рада,
Дева пучины
Звездной!

Она

Я укачала

*Царей и героев...
Слушай снега!
Из снежного зала,
Из надзвездных покоев
Поют боевые рога!*

Он

*Меч мой железный
Утонул в серебряной вьюге...
Где меч мой? Где меч мой!*

Она

*Внимай! Внимай! Я — ветер
встречный!
Мы — в лунном круге!
Мы — в бездне звездной!*

Он

*Прости, отчизна!
Здравствуй, холод!
Отвори мне застывшие руки!*

Она

*Слушай, слушай трубные звуки!
Кто молод, —
Расстанься с дольней жизнью!*

Он

*Прости! Прости!
Остыло сердце!
Где ты, солнце?*

(Вьюга вздымает белый крест)

8 января 1907

В снегах

*И я затянут
Лентой млечной!
Тобой обманут,
О, Вечность!*

*Подо мной растянут
В дали бесконечной
Твой узор, Бесконечность,
Темница мира!*

*Узкая лира,
Звезда богини,
Снежно стонет
Мне.*

*И корабль закатный
Тонет
В нежно-синей
Глубине.*

9 января 1907

Маски **Под масками**

*А под маской было звездно.
Улыбалась чья-то повесть,
Короталась тихо ночь.*

*И задумчивая совесть,
Тихо плавая над бездной,
Уводила время прочь.*

*И в руках, когда-то строгих,
Был бокал стеклянных влаг.
Ночь сходила на чертоги,
Замедляя шаг.*

*И позвякивали миги,
И звенела влага в сердце,
И дразнил зеленый зайчик
В догоревшем хрустале.*

*А в шкапу дремали книги.
Там — к резной старинной дверце
Прилепился голый мальчик
На одном крыле.*

9 января 1907

Бледные сказанья

— *Посмотри, подруга, эльф твой*

Улетел!
— Посмотри, как быстролетны
Времена!

Так смеется маска маске,
Злая маска, к маске скромной
Обратясь:
— Посмотри, как темный рыцарь
Скажет сказки третьей маске...

Темный рыцарь вокруг девицы
Заплетает вязь.

Тихо шепчет маска маске,
Злая маска — маске скромной...
Третья — смущена...

И еще темней — на темной
Завесе окна
Темный рыцарь — только мнит-
ся...

И стрельчатые ресницы
Опускает маска вниз.
Снится маске, снится рыцарь...
— Темный рыцарь, улыбнись...

Он рассказывает сказки,

*Опершись на меч.
И она внимает в маске.
И за ними — тихий танец
Отдаленных встреч...*

*Как горит ее румянец!
Странен профиль темных плеч!
А за ними — тихий танец
Отдаленных встреч.*

*И на завесе оконной
Золотится
Луч, протянутый от сердца —
Тонкий цепкий шнур.*

*И потерянный, влюбленный
Не умеет прицепиться
Улетевший с книжной дверцы
Амур.*

9 января 1907

Сквозь винный хрусталь

*В длинной сказке
Тайно кроясь,
Бьет условный час.*

*В темной маске
Прорезь*

Ярких глаз.

*Нет печальней покрывала,
Тоньше стана нет...*

*— Вы любезней, чем я знала,
Господин поэт!*

*— Вы не знаете по-русски,
Госпожа моя...*

*На плече за тканью тусклой,
На конце ботинки узкой
Дремлет тихая змея.*

9 января 1907

В углу дивана

*Но в камине дозвенели
Угольки.*

*За окошком догорели
Огоньки.*

*И на вьюжном море тонут
Корабли.*

*И над южным морем стонут
Журавли.*

*Верь мне, в этом мире солнца
Больше нет.*

*Верь лишь мне, ночное сердце,
Я — поэт!*

*Я какие хочешь сказки
Расскажу,*

*И какие хочешь маски
Приведу.*

*И пройдут любые тени
При огне,*

*Странных очерки видений
На стене.*

*И любой колени склонит
Пред тобой...*

*И любой цветок уронит
Голубой...*

9 января 1907

Тени на стене

*Вот прошел король с зубчатым
Пляшущим венцом.*

*Шут прошел в плаще крылатом
С круглым бубенцом.*

*Дамы с шлейфами, пажами,
В розовых тенях.*

*Рыцарь с темными цепями
На стальных руках.*

*Ах, к походке вашей, рыцарь,
Шел бы длинный меч!*

*Под забралом вашим, рыцарь,
Нежный взор желанных
встреч!*

*Ах, петуший гребень, рыцарь,
Ваш украсил шлем!*

*Ах, скажите, милый рыцарь,
Вы пришли зачем?*

*К нашим сказкам, милый рыцарь,
Приклоните слух...*

*Эти розы, милый рыцарь,
Подарил мне друг.*

*Эти розаны — мне, рыцарь,
Милый друг принес...*

*Ах, вы сами в сказке, рыцарь!
Вам не надо роз...*

9 января 1907

Насмешница

*Подвела мне брови красным,
Поглядела и сказала:
«Я не знала:
Тоже можешь быть прекрасным,
Темный рыцарь, ты!»*

*И, смеясь, ушла с другими.
А под сводами ночными
Плыли тени пустоты,
Догорали хрустали.*

*Тени плыли, колдовали,
Струйки винные дремали,
И вдали
Заливалось утро криком
Петуха...
И летели тройки с гиком...*

*И она пришла опять
И сказала: «Рыцарь, что ты?»*

*Это — сны твоей дремоты...
Что́ ты хочешь услышать?
Ночь глуха.
Ночь не может понимать
Петуха».*

10 января 1907

Они читают стихи

*Смотри: я спутал все страницы,
Пока глаза твои цвели.
Большие крылья снежной птицы
Мой ум метелью замели.*

*Как странны были речи маски!
Понятны ли тебе? — Бог весть!
Ты твердо знаешь: в книгах —
сказки,
А в жизни — только проза есть.*

*Но для меня неразделимы
С тобою — ночь, и мгла реки,
И застывающие дымы,
И рифм веселых огоньки.*

*Не будь и ты со мною строгой
И маской не дразни меня,
И в темной памяти не трогай
Иного — страшного — огня.*

10 января 1907

Неизбежное

*Тихо вывела из комнат,
Затворила дверь.*

*Тихо. Сладко. Он не вспомнит,
Не запомнит, что теперь.*

*Вьюга память похоронит,
Навсегда затворит дверь.*

*Сладко в очи поглядела
Взором как стрела.*

*Слушай, ветер звезды гонит,
Слушай, пасмурные кони
Топчут звездные пределы
И кусают удила...*

*И под маской — так спокойно
Расцвели глаза.*

*Неизбежно и спокойно
Взор упал в ее глаза.*

13 января 1907

Здесь и там

Ветер звал и гнал погоню,
Черных масок не догнал...
Были верны наши кони,
Кто-то белый помогал...

Заметал снегами сани,
Кóней иглами дразнил,
Строил башни из тумана,
И кружил, и пел в тумане,
И из снежного бурана
Оком темным сторожил.

И метался ветер быстрый
По бурьянам,
И снопами мчались искры
По туманам, —
Ветер масок не догнал,
И с высот серебровзвездных
Тучу белую сорвал...

И в открытых синих безднах
Обозначились две тени,
Улетающие в дали
Незнакомой стороны...

Странных очерки видений
В черных масках танцовали —
Были влюблены.

Смятение

*Мы ли — пляшущие тени?
Или мы бросаем тень?
Снов, обманов и видений
Догоревший полон день.*

*Не пойму я, что нас манит,
Не поймешь ты, что со мной,
Чей под маской взор туманит
Сумрак вьюги снеговой?*

*И твои мне светят очи
Наяву или во сне?
Даже в полдне, даже в дне
Разметались космы ночи...*

*И твоя ли неизбежность
Совлекла меня с пути?
И моя ли страсть и нежность
Хочет вьюгой изойти?*

*Маска, дай мне чутко слушать
Сердце темное твое,
Возврати мне, маска, душу,
Горе светлое мое!*

13 января 1907

Обреченный

*Тайно сердце просит гибели.
Сердце легкое, скользи...
Вот меня из жизни вывели
Снежным серебром стези...*

*Как над тою дальней прорубью
Тихий пар струит вода,
Так своею тихой поступью
Ты свела меня сюда.*

*Завела, сковала взорами
И рукою обняла,
И холодными призорами
Белой смерти предала...*

*И в какой иной обители
Мне влачиться суждено,
Если сердце хочет гибели,
Тайно просится на дно?*

12 января 1907

Нет исхода

*Нет исхода из вьюг,
И погибнуть мне весело.
Завела в очарованный круг,*

Серебром своих вьюг занавесила...

*Тихо смотрит в меня,
Темноокая.*

*И, колеблемый вьюгами Рока,
Я взвиваюсь, звеня,
Пропадаю в метелях...*

*И на снежных постелях
Спят цари и герои
Минувшего дня
В среброснежном покое —
О, Твои, Незнакомая, снежные
жертвы!*

*И приветно глядит на меня:
«Восстань из мертвых!»*

13 января 1907

Сердце предано метели

*Сверкни, последняя игла,
В снегах!*

*Встань, огнедышащая мгла!
Взмети твой снежный прах!*

Убей меня, как я убил

Когда-то близких мне!

*Я всех забыл, кого любил,
Я сердце вьюгой закрутил,
Я бросил сердце с белых гор,
Оно лежит на дне!*

*Я сам иду на твой костер!
Сжигай меня!*

*Пронзай меня,
Крылатый взор,
Иглою снежного огня!*

13 января 1907

На снежном костре

*И взвился костер высокий
Над распятым на кресте.
Равнодушны, снежнооки,
Ходят ночи в высоте.*

*Молодые ходят ночи,
Сестры — пряжи снежных зим,
И глядят, открывши очи,
Завивают белый дым.*

*И крылатыми очами
Нежно смотрит высота.*

*Вейся, легкий, вейся, пламень,
Увивайся вокруг креста!*

*В снежной маске, рыцарь милый,
В снежной маске ты гори!
Я ль не пела, не любила,
Поцелуев не дарила
От зари и до зари?*

*Будь и ты моей любовью,
Милый рыцарь, я стройна,
Милый рыцарь, снежной кровью
Я была тебе верна.*

*Я была верна три ночи,
Завивалась и звала,
Я дала глядеть мне в очи,
Крылья легкие дала...*

*Так гори, и яр и светел,
Я же — легкою рукой
Размету твой легкий пепел
По равнине снеговой.*

13 января 1907

Фаина (1906–1908)

«Вот явилась. Заслонила...»

*Вот явилась. Заслонила
Всех нарядных, всех подруг,
И душа моя вступила
В предназначенный ей круг.*

*И под знойным снежным стоном
Расцвели черты твои.
Только тройка мчит со звоном
В снежно-белом забытьи.*

*Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...
Душишь черными шелками,
Распахнула соболя...*

*И о той ли вольной воле
Ветер плачет вдоль реки,
И звенят, и гаснут в поле
Бубенцы, да огоньки?*

*Золотой твой пояс стянут,
Нагло скромн дикий взор!
Пусть мгновенья все обманут,
Канут в пламенный костер!*

*Так пускай же ветер будет
Петь обманы, петь шелка!
Пусть навек не знают люди,
Как узка твоя рука!*

*Как за темною вуалью
Мне на миг открылась даль...
Как над белой снежной далью
Пала темная вуаль...*

Декабрь 1906

«Я был смущенный и веселый...»

*Я был смущенный и веселый.
Меня дразнил твой темный шелк.
Когда твой занавес тяжелый
Раздвинулся — театр умолк.*

*Живым огнем разъединило
Нас рампы светлое кольцо,
И музыка преобразила
И обожгла твое лицо.*

*И вот — опять сияют свечи,
Душа одна, душа слепа...
Твои блистательные плечи,
Тобою пьяная толпа...*

Звезда, ушедшая от мира,

Ты над равниной — вдалеке...
Дрожит серебряная лира
В твоей протянутой руке...

Декабрь 1906

**«Я в дольний мир вошла, как в
ложу...»**

Н.Н.В.

*Я в дольний мир вошла, как в ло-
жу.*

*Театр взволнованный погас.
И я одна лишь мрак тревожу
Живым огнем крылатых глаз.*

*Они поют из темной ложи:
«Найди. Люби. Возьми. Умчи».
И все, кто властен и ничтожен,
Опустят предо мной мечи.*

*И все придут, как волны в море,
Как за грозой идет гроза.
Пылайте, траурные зори,
Мои крылатые глаза!*

*Взор мой — факел, к высям ки-
нут,
Словно в небо опрокинут*

*Кубок темного вина!
Тонкий стан мой шелком схвачен.
Темный жребий вам назначен,
Люди! Я стройна!*

*Я — звезда мечтаний нежных,
И в венце метелей снежных
Я плыву, скользя...
В серебре метелей кроюсь,
Ты горшишь, мой узкий пояс —
Млечная стезя!*

1 января 1907

«Ушла. Но гиацинты ждали...»

*Ушла. Но гиацинты ждали,
И день не разбудил окна,
И в легких складках женской ша-
ли
Цвела ночная тишина.*

*В косых лучах вечерней пыли,
Я знаю, ты придешь опять
Благоуханьем нильских лилий
Меня пленять и опьянять.*

*Мне слабость этих рук знакома,
И эта шепчущая речь,
И стройной талии истома,*

И матовость покатых плеч.

*Но в имени твоём — безмерность,
И рыжий сумрак глаз твоих
Таит змеиную неверность
И ночь преданий грозových.*

*И, миру долънему подвластна,
Меж всех — не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна,
Какою верой крещена.*

*Войди, своей не зная воли,
И, добрая, в глаза взгляни,
И темным взором острой боли
Живое сердце полосни.*

*Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Косою черной задуши.*

31 марта 1907
«За холмом отзвенели упругие латы...»

За холмом отзвенели упругие латы,

И копьё потерялось во мгле.
Не сияет и шлем — золотой и
пернатый —
 Всё, что было со мной на зем-
ле.

Встанет утро, застанет раски-
нувшим руки,
 Где я в небо ночное смотрел.
Солнцебоги, смеясь, напрягут
свои луки,
 Обольют меня тучами
стрел.

Если близкое утро пророчит мне
гибель,
 Неужели твой голос молчит?
Чую, там, под холмами, на гор-
ном изгибе
 Лик твой молнийный гневом
горит!

Воротясь, ты направишь копьё
полуночи
 Солнцебогу веселому в грудь.
Я увижу в змеиных кудрях твои
очи,
 Я услышу твой голос: «За-

будь».

Надо мною ты в синем своем покрывале,

С исцеляющим жалом — змея...

Мы узнаем с тобою, что прежде знавали,

*Под неверным мерцаньем ко-
пья!*

2 апреля 1907

«Я насадил мой светлый рай...»

Моей матери

*Я насадил мой светлый рай
И оградил высоким тыном,
И в синий воздух, в дивный край
Приходит мать за милым сыном.*

*«Сын, милый, где ты?» — Тишина.
Над частым тыном солнце зре-
ет,*

*И медленно и верно греет
Долину райского вина.*

*И бережно обходит мать
Мои сады, мои заветы,*

*И снова кличет: «Сын мой! Где ты?»,
Цветов стараясь не измять...*

*Всё тихо. Знает ли она,
Что сердце зреет за оградой?
Что прежней радости не надо
Вкусившим райского вина?*

А прель 1907
«В этот серый летний вечер...»

*В этот серый летний вечер,
Возле бедного жилья,
По тебе томится ветер,
Черноокая моя!*

*Ты в каких степях гуляла,
Дожидалась до звезды,
Не дождавшись, обнимала
Прутья ивы у воды?*

*Разлюбил тебя и бросил,
Знаю — взял, чего хотел,
Бросил, вскинул пару весел,
Уплывая, не запел...*

*Долго ль песни заунывной
Ты над берегом ждала,*

*И какой реке разливной
Душу-бурю предала?*

25 июня 1907

Осенняя любовь

1

*Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний
гвоздь, —*

*Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —*

*Тогда — просторно и далеко
Смотрю сквозь кровь предсмерт-
ных слез,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.*

*В глазах — такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.*

*Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И челн твой — будет ли причален
К моей распятой высоте?*

2

*И вот уже ветром разбиты, убиты
Кусты облетелой ракиты.*

*И прахом дорожным
Угрюмая старость легла на ланитах.
Но в темных орбитах
Взглянули, сверкнули глаза невозможным...*

*И радость, и слава —
Всё в этом сияньи бездонном,
И дальном.*

*Но смятые травы
Печальны,
И листья крутятся в лесу обнаженном...*

И снится, и снится, и снится:

*Бывалое солнце!
Тебя мне всё жальче и жальче...*

*О, глупое сердце,
Смеющийся мальчик,
Когда перестанешь ты биться?*

3

*Под ветром холодные плечи
Твои обнимать так отраднo:
Ты думаешь — нежная ласка,
Я знаю — восторг мятежа!*

*И теплятся очи, как свечи
Ночные, и слушаю жадно —
Шевелится страшная сказка,
И звездная дышит межа...*

*О, в этот сияющий вечер
Ты будешь всё так же прекрасна,
И, верная темному раю,
Ты будешь мне светлой звездой!*

*Я знаю, что холоден ветер,
Я верю, что осень бесстрастна!
Но в темном плаще не узнают,
Что ты пировала со мной!..*

*И мчимся в осенние дали,
И слушаем дальние трубы,
И мерим ночные дороги,
Холодные выси мои...*

*Часы торжества миновали —
Мои опьяненные губы
Целуют в предсмертной тревоге
Холодные губы твои.*

3 октября 1907

«В те ночи светлые, пустые...»

*В те ночи светлые, пустые,
Когда в Неву глядят мосты,
Они встречались как чужие,
Забыв, что есть простое ты.*

*И каждый был красив и молод,
Но, окрыляясь пустотой,
Она таила странный холод
Под одичалой красотой.*

*И, сердцем вечно строгим мера,
Он не умел, не мог любить.
Она любила только зверя
В нем раздражить — и укротить.*

И чуждый — чуждой жал он руки,

*И север сам, спеша помочь
Красивой нежности и скуке,
В день превращал живую ночь.*

*Так в светлоте ночной пустыни,
В объятья ночи не спеша,
Гляделась в купол бледно-синий
Их обреченная душа.*

10 октября 1907

Снежная дева

*Она пришла из дикой дали —
Ночная дочь иных времен.
Ее родные не встречали,
Не просиял ей небосклон.*

*Но сфинкса с выщербленным ли-
ком
Над исполинскую Невой
Она встречала с легким вскриком
Под бурей ночи снеговой.*

*Бывало, вьюга ей осыплет
Звездами плечи, грудь и стан, —
Всё снится ей родной Египет
Сквозь тусклый северный туман.*

И город мой железно-серый,

Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой
Она, как царство, приняла.

Ей стали нравиться громады,
Уснувшие в ночной глуши,
И в окнах тихие лампы
Слились с мечтой ее души.

Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома —
Весь город мой непостижимый —
Непостижимая сама.

Она дарит мне перстень вьюги
За то, что плащ мой полон звезд,
За то, что я в стальной кольчуге,
И на кольчуге — строгий крест.

Она глядит мне прямо в очи,
Хваля неробкого врага.
С полей ее холодной ночи
В мой дух врываются снега.

Но сердце Снежной Девы немо
И никогда не примет меч,
Чтобы ремень стального шлема
Рукою страстную рассечь.

*И я, как вождь враждебной рати,
Всегда закованный в броню,
Мечту торжественных объятий
В священном трепете храню.*

17 октября 1907

«И я провел безумный год...»

*И я провел безумный год
У шлейфа черного. За муки,
За дни терзаний и невзгод
Моих волос касались руки,
Смотрели темные глаза,
Дышала синяя гроза.*

*И я смотрю. И синим кругом
Мои глаза обведены.
Она зовет печальным другом.
Она рассказывает сны.
И в темный вечер, в долгий вечер
За окнами кружится ветер.*

*Потом она кончает прясть
И тихо складывает пряжу.
И перешла за третью стражу
Моя нерадостная страсть.
Смотрю. Целую черный волос,
И в сердце льется темный голос.*

Так провожу я ночи, дни
У шлейфа девы, в тихой зале.
В камине умерли огни,
В окне быстрее заплясали
Снежинки быстрые — и вот
Она встает. Она уйдет.

Она завязывает туго
Свой черный шелковый платок,
В последний раз ласкает друга,
Бросая ласковый намек,
Идет... Ее движенья быстры,
В очах, тускнея, гаснут искры.

И я прислушиваюсь к стуку
Стеклянной двери вдалеке,
И к замирающему звуку
Углей в потухшем камельке...
Потом — опять бросаюсь к двери,
Бегу за ней... В морозном сквере

Вздыхает по дорожкам ночь.
Она тихонько огибает
За клумбой клумбу; отступает;
То подойдет, то прянет прочь...
И дальний шум почти не слышен,
И город спит, морозно пышен...

Лишь в воздухе морозном — гулко
Звонят шаги. Я узнаю
В неверном свете переулка
Мою прекрасную змею:
Она ползет из света в свет,
И вьется шлейф, как хвост коме-
ты...

И, настигая, с новым жаром
Шепчу ей нежные слова,
Опять кружится голова...
Далеким озарен пожаром,
Я перед ней, как дикий зверь...
Стучит зевающая дверь, —

И, словно в бездну, в лоно ночи
Вступаем мы... Подъем наш
крут...
И бред. И мрак. Сияют очи.
На плечи волосы текут
Волной свинца — чернее мрака...
О, ночь мучительного брака!..
Мятеж мгновений. Яркий сон.
Напрасных бешенство объятый,
—
И звонкий утренний трезвон:
Толпятся ангельские рати
За плотной завесой окна,

*Но с нами ночь — буйна, хмель-
на...*

*Да! с нами ночь! И новой властью
Дневная ночь объемлет нас,
Чтобы мучительною страстью
День обессиленный погас, —
И долгие часы над нами
Она звенит и бьет крылами...*

И снова вечер...

21 октября 1907

Заклятие огнем и мраком

*За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пусты-
не.*

Лермонтов

1

*О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!*

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабьих трудов!

И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных
кудрях,
С неразгаданным именем бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:

За мученья, за гибель — я знаю —
Всё равно: принимаю тебя!

24 октября 1907

2

Приявший мир, как звонкий дар,
Как злата горсть, я стал богат.
Смотрю: растет, шумит по-
жар —
Глаза твои горят.

Как стало жутко и светло!
Весь город — яркий сноп огня,
Река — прозрачное стекло,
И только — нет меня...

Я здесь, в углу. Я там, распят.
Я пригвожден к стене — смотри!
Горят глаза твои, горят,
Как черных две зари!

Я буду здесь. Мы все сгорим:
Весь город мой, река, и я...
Крести крещеньем огневым,
О, милая моя!

26 октября 1907

3

Я неверную встретил у входа:
Уронила платок — и одна.
Никого. Только ночь и свобода.
Только жутко стоит тишина.

Говорил ей несвязные речи,
Открывал ей все тайны с людьми,
Никому не поведал о встрече,
Чтоб она прошептала: возьми...

Но она ускользающей птицей
Полетела в ненастье и мрак,
Где взвился огневой багряницей
Засыпающий праздничный флаг.

И у светлого дома, тревожно,
Я остался вдвоем с темнотой.
Невозможное было возможно,
Но возможное — было мечтой.

23 октября 1907

4

Перехожу от казни к казни
Широкой полосой огня.
Ты только невозможным драз-
нишь,
Немыслимым томишь меня...

И я, как темный раб, не смею
В огне и мраке потонуть.
Я только робкой тенью вею,
Не смея в небо заглянуть...

Как ветер, ты целуешь жадно.
Как осень, шлейфом шелестя,
Храня в темнице безотрадной
Меня, как бедное дитя...

Рабом безумным и покорным
До времени таюсь и жду
Под этим взором, слишком чер-
ным.
В моем пылающем бреду...

Лишь утром смею покидать я
Твое высокое крыльцо,
А ночью тонет в складках пла-
тья
Мое безумное лицо...

Лишь утром воронам бросаю
Свой хмель, свой сон, свою меч-
ту...
А ночью снова — знаю, знаю
Твою земную красоту!

Что́ быть бесстрастным? Что́ —
крылатым?
Сто раз бичуй и укори,
Чтоб только быть на миг про-
клятым
С тобой — в огне ночной зари!

Октябрь 1907

5

Пойми же, я спутал, я спутал
Страницы и строки стихов,
Плащом твои плечи окутал,
Остался с тобою без слов...

Пойми, в этом сумраке — магом
Стою над тобою и жду
Под бьющимся праздничным фла-
гом,
На страже, под ветром, в бреду...

И ветер поет и пророчит
Мне в будущем — сон голубой...
Он хочет смеяться, он хочет,
Чтоб ты веселилась со мной!

И розы, осенние розы
Мне снятся на каждом шагу
Сквозь мглу, и огни, и морозы,

На белом, на легком снегу!

О будущем ветер не скажет,
Не скажет осенний цветок,
Что милая тихо развяжет
Свой шелковый, черный платок...

Что только звенящая снится
И душу палящая тень...
Что сердце — летящая птица...
Что в сердце — щемящая лень...

21 октября 1907

6

В бесконечной дали корридоров
Не она ли там пляшет вдали?
Не меня ль этой музыкой споров
От нее в этот час отвели?

Ничего вы не скажете, люди,
Не поймете, что темен мой
храм.
Трепетанья, вздыхания груди
Воспаленным открыты глазам.

Сердце — легкая птица забвений
В золотой пролетающий час:
То она, в опьяненьи кружений,

Пляской тризну справляет о вас.

*Никого ей не надо из скромных,
Ей не ум и не глупость нужны,
И не любит, наверное, темных,
Прислоненных, как я, у стены...*

*Сердце, взвейся, как легкая птица,
Полети ты, любовь разбуди,
Истоми ты истомой ресницы,
К бледно-смуглым плечам припади!*

*Сердце бьется, как птица томится —
То вдали закружилась она —
В легком танце летящая птица,
Никому, ничему не верна...*

23 октября 1907

7

*По улицам метель метет,
Свивается, шатается.
Мне кто-то руку подает
И кто-то улыбается.*

*Ведет — и вижу: глубина,
Гранитом темным сжатая.*

Течет она, поет она,
Зовет она, проклятая.

Я подхожу и отхожу,
И замер в смутном трепете:
Вот только перейду между —
И буду в струйном лепете.

И шепчет он — не отогнать
(И воля уничтожена):
«Пойми: уменьем умирать
Душа облагорожена.

Пойми, пойми, ты одинок,
Как сладки тайны холода...
Взгляни, взгляни в холодный ток,
Где всё навеки молодо...»

Бегу! Пусти, проклятый, прочь!
Не мучь ты, не испытывай!
Уйду я в поле, в снег и в ночь,
Забьюсь под куст ракитовый!

Там воля всех вольнее воль
Не приневолит вольного,
И более всех больнее боль
Вернет с пути окольного!

26 октября 1907

О, что мне закатный румянец,
Что злые тревоги разлук?
Всё в мире — кружащийся танец
И встречи трепещущих рук!

Я бледные вижу ланиты,
Я поступь лебязью ловлю,
Я слушаю говор открытый,
Я тонкое имя люблю!

И новые сны, залетая,
Тревожат в усталом пути...
А всё пелена снеговая
Не может меня занести...

Неситесь, кружитесь, томите,
Снежинки — холодная весть...
Души моей тонкие нити,
Порвитесь, развейтесь, сгорите...

Ты, холод, мой холод, мой зимний,
В душе моей — страстное есть...
Стань, сердце, вздыхающий схим-
ник,
Умрите, умрите, вы, гимны...

Вновь летит, летит, летит,

Звенит, и снег крутит, крутит,
Налетает вихрь
Снежных искр...
Ты виденьем, в пляске нежной
Посреди подруг
Обошла равниной снежной
Быстротечный
Бесконечный круг...

Слышу говор твой открытый,
Вижу бледные ланиты,
В ясный взор гляжу...

Всё, что не скажу,
Передам одной улыбкой...
Счастье, счастье! С нами ночь!
Ты опять тропкою зыбкой
Улетаешь прочь...
Заметая, запевая,
Стан твой гибкий
Вихрем туча снеговая
Обдала,
Отняла...

И опять метель, метель
Вьет, поет, кружит...
Всё — виденья, всё — измены...
В снежном кубке, полном пены,

Хмель
Звенит...
Заверти, замчи,
Сердце, замолчи,
Замети девичий след —
Смерти нет!
В темном поле
Бродит свет!
Горькой доле —
Много лет...

И вот опять, опять в возвратный
Пустилась пляс...
Метель поет. Твой голос — внят-
ный.
Ты понеслась
Опять по кругу,
Земному другу
Сверкнув на миг...

Какой это танец? Каким это све-
том
Ты дразнишь и мáнишь?
В кружении этом
Когда ты устанешь?
Чьи песни? И звуки?
Чего я боюсь?
Щемящие звуки

И — вольная Русь?

*И словно мечтанье, и словно кру-
женье,
Земля убегает, вскрывается
твердь,
И словно безумье, и словно муче-
нье,
Забвенье и удаль, смятенье и
смерть, —*

*Ты мчишься! Ты мчишься!
Ты бросила руки
Вперед...*

И песня встает...

*И странным сияньем сияют чер-
ты...*

Удалая пляска!

*О, песня! О, удаль! О, гибель! О,
маска...*

Гармоника — ты?

1 ноября 1907

9

*Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!
Эй, желтенькие лютики,
Весенние цветки!*

Там с посвистом да с присвистом
Гуляют до зари,
Кусточки тихим шелестом
Кивают мне: смотри.

Смотрю я — руки вскинула,
В широкий пляс пошла,
Цветами всех осыпала
И в песне изошла...

Неверная, лукавая,
Коварная — пляши!
И будь навек отравой
Растраченной души!

С ума сойду, сойду с ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты — ночь, и вся ты —
тьма,
И вся ты — во хмелю...

Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебе, тебе пою,
И песням нет числа!..

9 ноября 1907

Работай, работай, работай:
Ты будешь с уродским горбом
За долгой и честной работой,
За долгим и честным трудом.

Под праздник — другим будет
сладко,
Другой твои песни поет,
С другими лихая солдатка
Пойдет, подбочась, в хоровод.

Ты знай про себя, что не хуже
Другого плясал бы — вон как!
Что мог бы стянуть и потуже
Свой золотом шитый кушак!

Что ростом и станом ты вышел
Статнее и краше других,
Что та молодница — повыше
Других молодиц удалых!
В ней сила играющей крови,
Хоть смуглые щеки бледны,
Тонки ее черные брови,
И строгие речи хмельны...

Ах, сладко, как сладко, так слад-
ко
Работать, пока рассветет,

*И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, в хоровод!*

26 октября 1907

11

*И я опять затих у ног —
У ног давно и тайно милой,
Заносит вьюга на порог
Пожар метели белокрылой...*

*Но имя тонкое твое
Твердить мне дивно, больно, слад-
ко...
И целовать твой шлейф украд-
кой,
Когда метель поет, поет...*

*В хмельной и злой своей темнице
Заночевало, сердце, ты,
И тихие твои ресницы
Смежили снежные цветы.*

*Как будто, на середине бега,
Я под метелью изнемог,
И предо мной возник из снега
Холодный, неживой цветок...*

И с тайной грустью, с грустью

нежной,
Как снег спадает с лепестка,
Живое имя Девы Снежной
Еще слетает с языка...

8 ноября 1907

Инок

Никто не скажет: я безумен.
Поклон мой низок, лик мой строг.
Не позовет меня игумен
В ночи на строгий свой порог.

Я грустным братьям — брат
примерный,
И рясу черную несу,
Когда с утра походкой верной
Сметаю с бледных трав росу.

И, подходя ко всем иконам,
Как строгий и смиренный брат,
Творю поклон я за поклоном
И за обрядами обряд.

И кто поймет, и кто узнает,
Что ты сказала мне: молчи...
Что воск души блаженной тает
На яром пламени свечи...

Что никаких молитв не надо,
Когда ты ходишь по реке
За монастырскою оградой
В своем монашеском платке.

Что вот — меня цветистым хме-
лем
Безумно захлестнула ты,
И потерял я счет неделям
Моей преступной красоты.

6 ноября 1907

Песня Фаины

Когда гляжу в глаза твои
Глазами узкими змеи
И руку жму, любя,

Эй, берегись! Я вся — змея!
Смотри: я миг была твоя,
И бросила тебя!

Ты мне постыл! Иди же прочь!
С другим я буду эту ночь!
Ищи свою жену!

Ступай, она разгонит грусть,
Ласкает пусть, целует пусть,
Ступай — бичом хлестну!

*Попробуй кто, приходи в мой сад,
Взгляни в мой черный, узкий
взгляд,
Сгоришь в моем саду!*

*Я вся — весна! Я вся — в огне!
Не подходи и ты ко мне,
Кого люблю и жду!*

*Кто стар и сед и в цвете лет,
Кто больше звонких даст монет,
Приди на звонкий клич!
Над красотой, над сединой,
Над вашей глупой головой —
Свисти, мой тонкий бич!*

Декабрь 1907
«Всю жизнь ждала. Устала ждать...»

*Всю жизнь ждала. Устала
ждать.
И улыбнулась. И склонилась.
Волос распущенная прядь
На плечи темные спустилась.*

*Мир не велик и не богат —
И не глядеть бы взором черным!
Ведь только люди говорят,
Что надо ждать и быть покор-*

НЫМ...

А здесь — какая-то свирель
Поет надрывно, жалко, тонко:
«Качай чужую колыбель,
Ласкай немилого ребенка...»

Я тоже — здесь. С моей судьбой,
Над лирой, гневной, как секира,
Такой приниженный и злой,
Торгуюсь на базарах мира...

Я верю мгле твоих волос
И твоему великолепью.
Мой сирый дух — твой верный пес,
У ног твоих грохочет цепью...

И вот опять, и вот опять,
Встречаясь с этим темным
взглядом,
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить с тобою рядом...

Мечта! Что жизни сон глухой?
Отрава — вслед иной отраве...
Я изменю тебе, как той,
Не изменяя, не лукавя...

*Забавно жить! Забавно знать,
Что под луной ничто не ново!
Что мертвому дано рождать
Бушующее жизнью слово!*

*И никому заботы нет,
Что людям дам, что ты дала
мне,
А люди — на могильном камне
Начертят прозвище: Поэт.*

13 января 1908
«Когда вы стоите на моем пути...»

*Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?*

*О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я — сочинитель,*

Человек, называющий всё по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Всё же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как — только влюбленный
Имеет право на звание человека.

6 февраля 1908

«Она пришла с мороза...»

Она пришла с мороза,
Раскрасневшаяся,
Наполнила комнату

Ароматом воздуха и духов,
Звонким голосом
И совсем неуважительной к заня-
тиям
Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
Толстый том художественного
журнала,
И сейчас же стало казаться,
Что в моей большой комнате
Очень мало места.

Всё это было немножко досадно
И довольно нелепо.
Впрочем, она захотела,
Чтобы я читал ей вслух «Мак-
бэ́та».

Едва дойдя до пузырей земли,
О которых я не могу говорить без
волнения,
Я заметил, что она тоже волну-
ется
И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый
кот

*С трудом лепится по краю кры-
ши,
Подстерегая целующихся голубей.
Я рассердился больше всего на то,
Что целовались не мы, а голуби,
И что прошли времена Паоло и
Франчески.*

6 февраля 1908

«Я помню длительные муки...»

*Я помню длительные муки:
Ночь догорала за окном;
Ее заломленные руки
Чуть брезжили в луче дневном.*

*Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;
А там, как призрак возраста,
День обозначил купола;*

*И под окошком участились
Прохожих быстрые шаги;
И в серых лужах расходились
Под каплями дождя круги;*

*И утро длилось, длилось, дли-
лось...
И праздный тяготил вопрос;*

*И ничего не разрешилось
Весенним ливнем бурных слез.*

4 марта 1908

«Своими горькими слезами...»

*Своими горькими слезами
Над нами плакала весна.
Огонь мерцал за камышами,
Дразня лихого скакуна...*

*Опять звала бесчеловечным,
Ты, отданная мне давно!..
Но ветром буйным, ветром
встречным
Твое лицо опалено...*

*Опять — бессильно и напрасно —
Ты отстранялась от огня...
Но даже небо было страстно,
И небо было за меня!..*

*И стало всё равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...*

И всё равно, чей вздох, чей шопот, —

Быть может, здесь уже не ты...
Лишь скакуна неровный топот,
Как бы с далекой высоты...

Так — сведены с ума мгнове-
нием —
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своим уничтоженьем,
Твоим превратностям, любовь!

Теперь, когда мне звезды ближе,
Чем та неистовая ночь,
Когда еще безмерно ниже
Ты пала, униженья дочь,

Когда один с самим собою
Я проклиная каждый день, —
Теперь проходит предо мною
Твоя развенчанная тень...

С благоволеньем? Иль с укором?
Иль ненавдя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мне пригово-
ром? —
Не знаю: я забыл тебя.

20 ноября 1908

Вольные мысли (1907)

(Посв. Г. Чулкову)

О смерти

*Всё чаще я по городу брожу.
Всё чаще вижу смерть — и улыба-
юсь
Улыбкой рассудительной. Ну, что
же?
Так я хочу. Так свойственно мне
знать,
Что и ко мне придет она в свой
час.*

*Я проходил вдоль скачек по шоссе.
День золотой дремал на грудях
щебня,
А за глухим забором — ипподром
Под солнцем зеленел. Там стебли
злаков
И одуванчики, раздутые весной,
В ласкающих лучах дремали. А
вдали
Трибуна придавила плоской кры-
шей
Толпу зевак и модниц. Маленькие*

флаги

Пестрели там и здесь. А на заборе
Прохожие сидели и глазели.

Я шел и слышал быстрый гон ко-
ней

По грунту легкому. И быстрый
топот

Копыт. Потом — внезапный крик:
«Упал! Упал!» — кричали на забо-
ре,

И я, вскочив на маленький пенёк,
Увидел всё зараз: вдали летели
Жокеи в пестром — к тонкому
столбу.

Чуть-чуть отстав от них, скака-
ла лошадь

Без седока, взметая стремяна.

А за листвой кудрявеньких бере-
зок,

Так близко от меня — лежал жо-
кей,

Весь в желтом, в зеленях весенних
злаков,

Упавший навзничь, обратив лицо
В глубокое ласкающее небо.

Как будто век лежал, раскинув ру-
ки

И ногу подогнув. Так хорошо лежал.

К нему уже бежали люди. Издали,
Поблескивая медленными спицами, ландо

Катилось мягко. Люди подбежали

И подняли его...

И вот повисла

Беспомощная желтая нога
В обтянутой рейтузе. Завалилась
Им на плечи куда-то голова...

Ландо подъехало. К его подушкам
Так бережно и нежно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человек

Вскочил неловко на подножку, замер,

Поддерживая голову и ногу,
И важный кучер повернул назад.

И так же медленно вертелась
спица,

Поблескивали козла, оси, крылья...

Так хорошо и вольно умереть.

Всю жизнь скакал — с одной упорной мыслью,

Чтоб первым доскакать. И на скаку

Запнулась запыхавшаяся лошадь,
Уж силой ног не удержать седла,
И утлые взмахнулись стремяна,
И полетел, отброшенный толчком...

Ударился затылком о родную,
Весеннюю, приветливую землю,
И в этот миг — в мозгу прошли
все мысли,
Единственные нужные. Прошли —
И умерли. И умерли глаза.
И труп мечтательно глядит наверх.

Так хорошо и вольно.

Однажды брел по набережной я.
Рабочие возили с барок в тачках
Дрова, кирпич и уголь. И река
Была еще синей от белой пены.
В отстегнутые ворота рубах
Глядели загорелые тела,
И светлые глаза привольной Руси
Блестели строго с почерневших
лиц.
И тут же дети голыми ногами
Месили груды желтого песка,

Таскали — то кирпичик, то поле-
но,
То бревнышко. И прятались. А
там
Уже сверкали грязные их пятки,
И матери — с отвислыми грудя-
ми
Под грязным платьем — ждали
их, ругались
И, надавав затрещин, отбирали
Дрова, кирпичики, бревёшки. И та-
щили,
Согнувшись под тяжелой ношей,
вдаль.
И снова, воротясь гурьбой весе-
лой,
Ребятки начинали воровать:
Тот бревнышко, другой — кирпи-
чик...

И вдруг раздался всплеск воды и
крик:
«Упал! Упал!» — опять кричали с
барки.
Рабочий, ручку тачки отпустив,
Показывал рукой куда-то в воду,
И пестрая толпа рубах неслась
Туда, где на траве, в камнях бу-

лыжных,
На самом берегу — лежала сот-
ка.
Один тащил багор.

А между свай,
Забитых возле набережной в воду,
Легко покачивался человек
В рубахе и в разорванных портках.
Один схватил его. Другой помог,
И длинное растянутое тело,
С которого ручьем лилась вода,
Втащили на берег и положили.
Городовой, гремя о камни шаш-
кой,
Зачем-то щеку приложил к груди
Намокшей, и прилежно слушал,
Должно быть, сердце. Собрался
народ,
И каждый вновь пришедший зада-
вал
Одни и те же глупые вопросы:
Когда упал, да сколько пролежал
В воде, да сколько выпил?
Потом все стали тихо отходить,
И я пошел своим путем, и слушал,
Как истовый, но выпивший рабо-
чий

Авторитетно говорил другим,
Что губит каждый день людей
вино.

Пойду еще бродить. Покуда солн-
це,
Покуда жар, покуда голова
Тупа, и мысли вялы...

Сердце!
Ты будь вожааем моим. И
смерть
С улыбкой наблюдай. Само уста-
нешь,
Не вынесешь такой веселой жиз-
ни,
Какую я веду. Такой любви
И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.

Хочу,
Всегда хочу смотреть в глаза
людские,
И пить вино, и женщин целовать,
И яростью желаний полнить ве-
чер,
Когда жара мешает днем меч-
тать

*И песни петь! И слушать в мире
ветер!*

Над озером

*С вечерним озером я разговор веду
Высоким ладом песни. В тонкой
чаще
Высоких сосен, с выступов песча-
ных,
Из-за могил и склепов, где огни
Лампад и сумрак дымно-сизый —
Влюбленные ему я песни шлю.*

*Оно меня не видит — и не надо.
Как женщина усталая, оно
Раскинулось внизу и смотрит в
небо,
Туманится, и даль поит туманом,
И отняло у неба весь закат.
Все исполняют прихоти его:
Та лодка узкая, ласкающая гладь,
И тонкоствольный строй сосно-
вой рощи,
И семафор на дальнем берегу,
В нем отразивший свой огонь зе-
лень —
Как раз на самой розовой воде.*

К нему ползет трехглазая змея
Своим единственным стальным
путем,

И, прежде свиста, озеро доносит
Ко мне — ее ползучий, хриплый
шум.

Я на уступе. Надо мной — могила
Из темного гранита. Подо
мной —

Белеющая в сумерках дорожка.
И кто посмотрит снизу на меня,
Тот испугается: такой я непо-
движный,

В широкой шляпе, средь ночных
могил,

Скрестивший руки, стройный и
влюбленный в мир.

Но некому взглянуть. Внизу идут
Влюбленные друг в друга: нет им
дела

До озера, которое внизу,
И до меня, который наверху.

Им нужны человеческие вздохи,
Мне нужны вздохи сосен и воды.

А озеру — красавице — ей нужно,
Чтоб я, никем не видимый, запел
Высокий гимн о том, как ясны зо-

ри,
Как стройны сосны, как вольна
душа.

Прошли все пары. Сумерки синей,
Белей туман. И девичьего платья
Я вижу складки легкие внизу.
Задумчиво прошла она дорожку
И одиноко села на ступеньки
Могилы, не заметивши меня...
Я вижу легкий профиль. Пусть не
знает,
Что знаю я, о чем пришла меч-
тать
Тоскующая девушка... Светлеют
Все окна дальних дач: там — са-
мовары,
И синий дым сигар, и плоский
смех...
Она пришла без спутников сюда...
Наверное, наверное прогонит
Затянутого в китель офицера
С вихляющим задом и ногами,
Завернутыми в трубочки шта-
нов!
Она глядит как будто за туман-
ны,
За озеро, за сосны, за холмы,

Куда-то так далёко, так далёко,
Куда и я не в силах заглянуть...

О, нежная! О, тонкая! — И быстро

Ей мысленно приискиваю имя:
Будь Аделиной! Будь Марией! Теклой!

Да, Теклой!.. — И задумчиво глядит

В клубящийся туман... Ах, как прогонит!..

А офицер уж близко: белый китель,

Над ним усы и пуговица-нос,
И плоский блин, приплюснутый фуражкой...

Он подошел... он жмет ей руку!..
смотрят

Его гляделки в ясные глаза!..

Я даже выдвинулся из-за склепа...

И вдруг... протяжно чмокает ее,
Дает ей руку и ведет на дачу!

Я хохочу! Взбегаю вверх. Бросаю
В них шишками, песком, визжу,
пляшу

Среди могил — незримый и высоко

кий...

Кричу: «Эй, Фёкла! Фёкла!» — И
они

Испуганы, сконфужены, не знают,
Откуда шишки, хохот и песок...

Он ускоряет шаг, не забывая
Вихлять проворно задом, и она,
Прижавшись крепко к кителю, по-
чти

Бегом бежит за ним...

Эй, доброй ночи!

И, выбегая на крутой обрыв,
Я отражаюсь в озере... Мы видим
Друг друга: «Здравствуй!» — я
кричу...

И голосом красавицы — леса
Прибрежные отвечают мне:
«Здравствуй!»

Кричу: «Прощай!» — они кричат:
«Прощай!»

Лишь озеро молчит, влача туман-
ны,

Но явственно на нем отражены
И я, и все союзники мои:

Ночь белая, и бог, и твердь, и сос-
ны...

*И белая задумчивая ночь
Несет меня домой. И ветер сви-
щет
В горячее лицо. Вагон летит...
И в комнате моей белеет утро.
Оно на всем: на книгах и столах,
И на постели, и на мягком крес-
ле:
И на письме трагической актри-
сы:
«Я вся усталая. Я вся больная.
Цветы меня не радуют. Пиши-
те...
Простите и сожгите этот
бред...»*

*И томные слова... И длинный по-
черк,
Усталый, как ее усталый шлейф...
И томностью пылающие буквы,
Как яркий камень в черных воло-
сах.*

Шувалово

В северном море

*Что сделали из берега морского
Гуляющие модницы и франты?
Наставили столов, дымят, жу-*

ют,
Пьют лимонад. Потом бредут по
пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздух сплетнями. По-
том
Погонщики вывозят их в кибит-
ках,
Кокетливо закрытых парусиной,
На мелководье. Там, переменив
Забавные тальеры и мундиры
На легкие купальные костюмы,
И дряблость мускулов и грудей
обнажив,
Они, визжа, влезают в воду. Ша-
рят
Неловкими ногами дно. Кричат,
Стараясь показать, что веселят-
ся.

А там — закат из неба сотворил
Глубокий многоцветный кубок.
Руки
Одна заря закинула к другой,
И сестры двух небес прядут
один —
То розовый, то голубой туман.
И в море утопающая туча

В предсмертном гневе мечет из
очей
То красные, то синие огни.

И с длинного, протянутого в мо-
ре,
Подгнившего, сереющего мола,
Прочтя все надписи: «Навек с то-
бой»,
«Здесь были Коля с Катей», «Дио-
дор
Иеромонах и послушник Исидор
Здесь были. Дивны божии дела», —
Прочтя все надписи, выходим в
море
В пузатой и смешной моторной
лодке.

Бензин пыхтит и пахнет. Два
крыла
Бегут в воде за нами. Вьется
быстрый след,
И, обогнув скучающих на пляже,
Рыбачьи лодки, узкий мыс, маяк,
Мы выбегаем многоцветной ря-
бью
В просторную ласкающую соль.

На горизонте, за спиной, далёко
Безмолвным заревом стоит по-
жар.

Рыбачий Вольный остров распро-
стерт
В воде, как плоская спина морско-

го
Животного. А впереди, вдали —
Огни судов и сноп лучей бродячих
Прожектора таможенного суд-
на.

И мы уходим в голубой туман.
Косым углом торчат над морем
вехи,

Метелками фарватер оградив,
И далекó — от вехи и до вехи —
Рыбачьих шхун маячат паруса...

Над морем — штиль. Под всеми
парусами

Стоит красавица — морская ях-
та.

На тонкой мачте — маленький
фонарь,
Что камень драгоценной феронье-
ры,

Горит над матовым челом небес.

На острогрудой, в полной тишине,

В причудливых сплетениях снастей,

Сидят, скрестивши руки, люди в светлых

Панамах, сдвинутых на строгие черты.

А посреди, у самой мачты, молча,
Стоит матрос, весь темный, и
глядит.

Мы огибаем яхту, как прилично,
И вежливо и тихо говорит

Один из нас: «Хотите на буксир?»
И с важной простотой нам отвечает

Суровый голос: «Нет. Благодарю».

И, снова обогнув их, мы глядим
С молитвенной и полною душою

На тихо уходящий силуэт
Красавицы под всеми парусами...
На драгоценный камень фероньеры,

Горящий в смуглых сумерках чела.

Сестрорецкий курорт
В дюнах

*Я не люблю пустого словаря
Любовных слов и жалких выраже-
ний:*

*«Ты мой», «Твоя», «Люблю», «Наве-
ки твой».*

*Я рабства не люблю. Свободным
взором*

*Красивой женщине смотрю в гла-
за*

*И говорю: «Сегодня ночь. Но зав-
тра —*

Сияющий и новый день. Приди.

*Бери меня, торжественная
страсть.*

А завтра я уйду — и запою».

*Моя душа проста. Соленый ветер
Морей и смольный дух сосны
Ее питал. И в ней — всё те же зна-
ки,*

*Что на моем обветренном лице.
И я прекрасен — нищей красотой
Зыбучих дюн и северных морей.*

*Так думал я, блуждая по границе
Финляндии, вникая в темный го-*

вор
Небритых и зеленоглазых финнов.
Стояла тишина. И у платформы
Готовый поезд разводил пары.
И русская таможенная стража
Лениво отдыхала на песчаном
Обрыве, где кончалось полотно.
Там открывалась новая страна —
И русский бесприютный храм гля-
дел

В чужую, незнакомую страну.
Так думал я. И вот она пришла
И встала на откосе. Были рыжи
Ее глаза от солнца и песка.
И волосы, смолистые как сосны,
В отливах синих падали на плечи.
Пришла. Скрестила свой звериный
взгляд

С моим звериным взглядом. За-
смеялась
Высоким смехом. Бросила в меня
Пучок травы и золотую горсть
Песку. Потом — вскочила
И, прыгая, помчалась под откос...

Я гнал ее далёко. Исцарапал
Лицо о хвои, окровавил руки
И платье изорвал. Кричал и гнал

*Ее, как зверя, вновь кричал и звал,
И страстный голос был как звуки
рога.*

*Она же оставляла легкий след
В зыбучих дюнах, и пропала в сос-
нах,
Когда их заплела ночная синь.*

*И я лежу, от бега задыхаясь,
Один, в песке. В пылающих глазах
Еще бежит она — и вся хохочет:
Хохочут волосы, хохочут ноги,
Хохочет платье, вздутое от бе-
га...*

*Лежу и думаю: «Сегодня ночь
И завтра ночь. Я не уйду отсюда,
Пока не затравлю ее, как зверя,
И голосом, зовущим, как рога,
Не прегражу ей путь. И не скажу:
„Моя! Моя!“ — И пусть она мне
крикнет:
„Твоя! Твоя!“»*

ДЮНЫ
Июнь-июль 1907

Стихотворения, не вошедшие в основное собрание (1904–1908)

Разные стихотворения

Неоконченная поэма

(Bad Nauheim. 1897–1903)

1

*Я видел огненные знаки
Чудес, рожденных на заре.
Я вышел — пламенные маки
Сложить на горном алтаре.
Со мною утро в дымных ризах
Кадило в голубую твердь,
И на уступах, на карнизах
Бездымно испарялась смерть.
Дремали розовые башни,
Курились росы в вышине.
Какой-то призрак — сон вчераш-
ний —
Кривлялся в голубом окне.
Еще мерцал вечерний хаос —
Восторг, достигший торже-
ства, —*

Но всё, что в пурпур облекалось,
Шептало белые слова.
И жизнь казалась смутной тай-
ной...
Что́ в утре раннем, полном сна,
Я вскрыл, мудрец необычайный,
Чья усмехнулась глубина?

2

Там, на горах, белели виллы,
Алели розы в цепком сне.
И тайна смутно нисходила
Чертой, в горах неясной мне.
О, как в горах был воздух кроток!
Из парка бешено взывал
И спорил с грохотом пролетов
Веками стиснутый хорал.
Там — к исцеляющим истокам
Увечных кресла повлеклись,
Там — в парке, на лугу широком,
Захлопал мяч и lawn-tennis[3];
Там — нить железная гудела,
И поезда вверху, внизу
Вонзали пламенное тело
В расплавленную бирюзу.
И в двери, в окна пыльных зданий
Врывался крик продавщика
Гвоздик и лилий, роз и тканей,

И cartes postales, и kodak'a.[4]

3

*Я понял; шествие открыто, —
Узор явлений стал знаком.
Но было смутно, было слито,
Терялось в небе голубом.
Она сходила в час веселый
На городскую суету.
И тихо возгорались доли,
Приемля горную мечту...
И в диком треске, в зыбком гуле
День уползал, как сонный змей...
Там счастью в очи не взглянули
Миллионы сумрачных людей.*

4

*Ее огнем, ее Вечерней
Один дышал я на горе,
А город грохотал безмерней
На возрастающей заре.
Я шел свободный, утоленный...
А день в померкшей синеве
Еще вздыхал, замороженный,
И росы прятались в траве.
Они сверкнут завтра снова,
И встанет Горная — средь роз,
У склона дымно-голубого,*

В сияньи золотых волос...

8-12 мая 1904

«Полон визга веретен...»

*Полон визга веретен
Двор, открытый лунным блес-
кам,
Проплываю вдоль окón
С тихим плеском.*

*Разметавшись, спит она
В голубом чаду алькова.
Ночь пьяна, рука сильна,
Лодка быстрая готова.*

Июнь 1904

Андрею Белому

*Ты открывал окно. Туман
Гасил свечу.
Я был в ту ночь от счастья пьян,
И я молчу.
О, я не мог тебе помочь!
Я пел мой стих...
И снова сон, и снова ночь,
Но сны — черней твоих.
Но где же ложь? Один обман
Мой факел задувал,
Когда ты пил ночной туман,*

Когда я ликовал.

Лето 1904

Колыбельная песня

Спят луга, спят леса,
Пала божия роса,

В небе звездочки горят,
В речке струйки говорят,

К нам в окно луна глядит,
Малым детям спать велит:

«Спите, спите, поздний час,
Завтра брат разбудит вас.

Братний в золоте кафтан,
В серебре мой сарафан,

Встречу брата и пойду,
Спрячусь в божием саду,

А под вечер брат уснет
И меня гулять пошлет.

Сладкий сон вам пошлю,
Тихой сказкой усыплю,

Сказку сонную скажу,
Как детей сторожу...

Спите, спите, спать пора.
Детям спится до утра...»

25 сентября 1904

«**Веселимся, кру́жимся...**»

Веселимся, кру́жимся,
Хороводом тешимся —

Мальчики да девочки —
Ясные звездочки.

Красное солнце!
Глянь-ка в оконце!

А в оконце — глянь-ка,
Мамка да нянька!

Белая хатка,
Смуглая солдатка!

Старшая сестрица,
Дай-ка нам водицы!

Эй вы, ребятки,
Врозь во все лопатки!

Скидавайте шапки.

Осень 1904

«Мы в круге млечного пути...»

*Мы в круге млечного пути,
Земные замерли мечты.
Мы можем в высь перенести
Свои надежды — я и ты.*

*Еще прозрачней станешь ты,
Еще бессмертней стану я.
Залог кружащейся мечты —
Душа последняя моя.*

Осень 1904

Война

*Вот поднялась. В железных лапах
Визжит кровавой смерти весть.
В горах, в долинах, на этапах
Щетиной заметалась месть.*

*Не в силах мстительная гор-
дость
Противостать тому кольцу,
Чьи равнодушие и твердость
Встречают смерть лицом к лицу.*

И вот в парáх и тучах тучных,

*Гремя вблизи, свистя вдали,
Она краями крыльев звучных
Пускает кó дну корабли.*

*Но в воплях исполинской бури,
В мечте бойца, в его крови,
Одушевительница фурий —
Она вздыхает о Любви.*

28 мая 1905

Подражание

*Сновидец в розовой дремѣ
Ты — опрокинутый над бездной —
И долу грезой бесполезной
Поникший кормщик на корме.
Так двойники — свершений
нить —
Во мраке дня, тоскуя, рыщут,
И двое — бесполезно ищут
Друг друга в Третьем воплотить.*

7 июля 1905

«По зеленым обрывам...»

*По зеленым обрывам
Я искал мое чудо.
Раскалялись туманы,
Поднимались красные пыли,
Зацветали колосья,*

Долетали пестрые звуки.

*Но один услышав звук,
Становился над обрывом.
Ветер меч мой колыхал,
И позванивали латы.*

*И стоял я мертволик,
Слушая, дивясь:
Угадать бы, услышать бы
И в пути не умереть.*

Лето 1905

«Ночью пыльной легла...»

*Ночью пыльной легла
Девушка в белый гроб.
Ночью встала белая мгла,
Никто не расслышал слов.*

*В словах шелестела муть,
На словах почивала сонь.
Только призраком белый конь
Мог в тумане гривой взмахнуть.*

*И означился в небе раствóренном
Проходящий шагом ускоренным
В голубом, голубом,
Закрyто лицо щитом.*

*Тогда кто-то встал за столом
И сказал: «Самовар!»
Принесли паровое золото,
Расставили белые чашки
И стали хлебать и гордиться.*

Лето 1905

«Я сойду и намечу...»

*Я сойду и намечу
Мой вечерний путь.
Выходи навстречу —
В высоте отдохнуть.*

*Полюби мои зори —
Знак моей любви.
И в свободное море
Навсегда плыви.*

*Я сойду и раскину
Заревой небосклон,
Я тебя отодвину
Навсегда в мой сон.*

*Так и будешь реять
В догорающем дне,
Так и будешь вейть
В тишине.*

Осень 1905

«Всё так же бродим по земле...»

*Всё так же бродим по земле —
Ты — ангел спящий непробудно,
А я — незнающий и скудный,
В твоём завернутый крыле.*

*Слепец ведет с собой слепца,
Но чаще вокруг мелькают стрелы,
И я рукой оторопелой
Храню взаимные сердца.*

*Но, если ангел-лебедь никнет,
Что́ я могу в его крыле?
Стрела отыщет и проникнет
И пригнетет к родной земле.*

*Но будем вместе. Лебедь сонный
И я — поверженный за ним —
Как дым кадыльный, благовонный,
К началам взнесшийся своим.*

17 октября 1905

**«Лишь заискрится бархат
небесный...»**

*Лишь заискрится бархат небес-
ный*

*И дневные крики замрут,
Выхожу я улицей тесной
На сверкающий льдистый пруд.*

*Лишь заслышу издали скрипки
И коньков скрежещущий ход,
Не сдержу веселой улыбки
И сбегу на серебряный лед.*

*Там среди толпы беспокойной
Различу я твой силуэт,
Очертанья фигуры стройной
И широкий белый берет.*

*Буду слушать скрипок аккорды
Под морозный говор и крик
И, любуясь на профиль гордый,
Позабудусь на миг, на миг.*

*Я уйду, очарованный взглядом,
И, не раз обернувшись вслед,
Посмотрю, возвращаясь садом,
Не мелькнет ли белый берет?*

1⁹⁰⁵

«Безрадостна бывает грусть...»

*Безрадостна бывает грусть,
Как тополь, в синеву смотрящий.*

О, да, я знаю наизусть
Ее туман непреходящий.

1⁹⁰⁵ «Свободны дали. Небо открыто...»

*Свободны дали. Небо открыто.
Смотрите на нас, планеты,
Как наше веселое знамя развито,
Вкруг каждого лика — круг из света.*

*Нам должно точить такие косы,
Такие плуги,
Чтоб уронить все слезные росы,
Чтоб с кровью вскрыть земляные
глуби.*

*Друзья! Над нами лето, взгляните —
Безоблачен день, беззакатно светел.
И солнце стоит высоко — в зените,
И утро пропел давно уже петел.*

*Мы все, как дети, слепнем от света,
И сердце встало в избытке сча-*

стья.

О, нет, не темница наша планета:

Она, как солнце, горит от страсти!

И Дева-Свобода в дали несказанной

Открылась всем — не одним пророкам!

Так все мы — равные дети вселенной,

Любовники Счастья...

1⁹⁰⁵

Учитель

Кончил учитель урок,
Мирно сидит на крылечке.
Звонко кричит пастушок.
Скачут барашки, овечки.

Солнце за горку ушло,
Светит косыми лучами.
В воздухе сыро, тепло,
Белый туман за прудами.

Старый учитель сидит, —
Верно, устал от работы:

*Завтра ему предстоит
Много трудов и заботы.*

*Завтра он будет с утра
Школить упрямых ребяток,
Чтобы не грызли пера
И не марали тетрадок.*

*Стадо идет и пылит,
Дети за ним — врассыпную.
Старый учитель сидит,
Голову клонит седую.*

1 -10 февраля 1906

Ветхая избушка

*Ветхая избушка
Вся в снегу стоит.
Бабушка-старушка
Из окна глядит.*

*Внукам-шалунишкам
По колено снег.
Весел ребятишкам
Быстрых санок бег...*

*Бегают, смеются,
Лепят снежный дом,
Звонко раздаются*

Голоса кругом...

*В снежном доме будет
Резвая игра...
Пальчики застудят, —
По домам пора!*

*Завтра выпьют чаю,
Глянут из окна, —
Ан, уж дом растаял,
На дворе — весна!*

1-10 февраля 1906

Снег да снег

*Снег да снег. Всю избу занесло.
Снег белеет кругом по колено.
Так морозно, светло и бело!
Только черные, черные стены...*

*И дыханье выходит из губ
Застывающим в воздухе паром.
Вон дымок выползает из труб;
Вон в окошке сидят с самоваром;*

*Старый дедушка сел у стола,
Наклонился и дует на блюдце;
Вон и бабушка с печки сползла,
И кругом ребятишки смеются.*

Притаились ребята, глядят,
Как играет с котятами кошка...
Вдруг ребята пискливых котят
Побросали обратно в лукошко...

Прочь от дома на снежный про-
стор
На салазках они покатали.
Оглашается криками двор —
Великана из снега слепили!

Палку в нос, провертели глаза
И надели лохматую шапку.
И стоит он, ребячья гроза, —
Вот возьмет, вот ухватит в
охапку!

И хохочут ребята, кричат,
Великан у них вышел на славу!
А старуха глядит на внучат,
Не перечит ребячьему нраву.

1 -10 февраля 1906

Зайчик

Маленькому зайчику
На сырой ложбинке
Прежде глазки тешили
Белые цветочки...

Осенью расплакались
Тонкие былинки,
Лапки наступают
На желтые листочки.

Хмурая, дождливая
Наступила осень,
Всю капусту сняли,
Нечего украсть.

Бедный зайчик прыгает
Возле мокрых сосен,
Страшно в лапы волку
Серому попасть...

Думает о лете,
Прижимает уши,
На небо косится —
Неба не видать...

Только б потеплее,
Только бы посуше...
Очень неприятно
По воде ступать!

1⁹⁰⁶

Деве-Революции

О, Дева, иду за тобой —

*И страшно ль идти за тобой
Влюбленному в душу свою,
Влюбленному в тело свое?*

19 августа 1906
Малиновая гора

«Маска открыла блестящие зубы...»

*Маска открыла блестящие зубы
И скрыла черты.
Улыбаются алые губы.
Это ты, иль не ты?*

Маска! Откройся!

*Я другую за тонкую талию
Обнимаю и мчусь по блистатель-
ным залам,
Ослепленный сверкающим ба-
лом...
Ты бежишь от меня, пропадая за
далью.*

*И горят миллионами свечи.
Ты с другим в ослепительной паре
Предо мною несешься — куда?
О, все женщины помнят о встре-
че
На вечернем троттуаре,*

Не забудут ее никогда.

Ты явилась тогда на вечернем троттуаре.

Продавалась ли ты?
Кто тогда, восхищенный, провидел
За густою вуалью иные черты?
Кто тебя, как блудницу, обидел?
Кто до звездной тебя возносил
высоты?

Или кто-нибудь жалкий и слабый
Только женщину понял в тебе?
Но ведь ты засмеяться могла бы,
Ты могла не склониться к мольбе,
Ты звездою над нами взошла бы.

Но даешь ты себя обнимать,
И какие-то слушаешь речи!
И смеяться ты можешь и можешь
плясать,
Затмевая бриллиантами свечи!
Но ты можешь меня не узнать,
И забыть о ... встрече!

Осень 1906

«Как наши окна были близко!..»

*Как наши окна были близко!
Я наблюдал, когда она,
Задумчивая, в кресле низком,
Смотрела в небо из окна,*

*Когда молилась иль грустила,
Была тиха иль весела, —
Всё предо мною проходило,
И жизнь моя была светла.*

*И что теперь! Из тучи душевной
На небесах забил набат,
И в окнах девушки воздушной
Запрыгал, заметался град.*

*И я услышал голос шумный
И, подойдя к окну, внимал
И голос воли безраздумной
В весенней песне угадал.*

1⁹⁰⁶

«Ты с вершин печальных гор...»

*Ты с вершин печальных гор
К нам сошла пропеть и сгинуть
И опять с вершины кинуть*

Искрометный свой костер.

*Так пройди же в пляске быстрой,
Радость, горняя гроза!
Чтобы искра вслед за искрой
Сожигала нам глаза!*

1⁹⁰⁶

Рождество

*Звонким колокол ударом
Будит зимний воздух.
Мы работали не даром,
Будет светел отдых.*

*Серебрится легкий иней
Около подъезда.
Серебристые на синей
Ясной тверди звезды.*

*Как прозрачен, белоснежен
Блеск узорных окон!
Как пушист и мягко нежен
Золотой твой локон!*

*Как тонка ты в красной шубке,
С бантиком в косице!
Засмеешься — вздрогнут губки,
Задрожат ресницы.*

Веселишь ты всех прохожих —
Молодых и старых,
Некрасивых и пригожих,
Толстых и поджарых.

Подивятся, улыбнутся,
Поплетутся дале,
Будто вовсе, как смеются
Дети, не видали.

И пойдешь ты дальше с мамой
Покупать игрушки
И рассматривать за рамой
Звезды и хлопушки...

Сестры будут куклам рады,
Братья просят пушек,
А тебе совсем не надо
Никаких игрушек.

Ты сама нарядишь елку
В звезды золотые
И привяжешь к ветке колкой
Яблоку большие,

Ты на елку бусы кинешь,
Золотые нити.
Ветки крепкие раздвинешь,

Крикнешь: «Посмотрите!»

*Крикнешь ты, поднимешь ветку
Тонкими руками...
А уж там смеется дедка
С белыми усами!*

7 ноября 1906

«Серебристым, снежным хмелем...»

*Серебристым, снежным хмелем
Опьяню и опьянюсь:
Сердцем, преданным метелям,
К высям неба унесусь.*

*В далях снежных веют крылья, —
Слышу, слышу белый зов;
В вихре звездном, без усилия
Сброшу звенья всех оков.*

*Опьянись же светлым хмелем,
Снежноокиим будь и Ты...
Ах, потерян счет неделям
В вихре белой красоты!*

1906⁻¹⁹⁰⁷

«Отдавшись снежной вьюге...»

*Отдавшись снежной вьюге,
Тону в твоих глазах;*

*В холодном, звездном круге
Мы стынем в белых снах.*

*В крылатой колыбели
Засни среди снегов;
Пойми напев метели
В строках моих стихов.*

*Пойми всю силу зова
Победных зимних дней, —
Предайся вьюге снова,
Истаяв сердцем в ней!*

1906⁻¹⁹⁰⁷ «Вот река полноводнее...»

*Вот река полноводнее
Тянет белые льды.
Дышит лето господнее
От холодной воды.*

*Я с мятежными думами
Да с душою хмельной
Полон вешними шумами,
Залит синей водой.*

*И смотрю, торжествующий,
В ледоходную даль...*

Ненужная весна

1

*Отсеребрилась, отзвучала...
И вот из-за домов, пьяна,
В пустую комнату стучала
Ненужно ранняя весна.*

*Она сера и неумыта,
Она развратна до конца,
Как свиньи тычатыся в корыто,
Храпит у моего крыльца.*

*И над неубранной постелью
Склонилась, давит мне на грудь,
И в сердце, смятое метелью,
Бесстыдно хочет заглянуть.*

*Ну, что же! Стисну зубы, встречу,
И, выбрав хитрый, ясный миг,
Ее заклятьем изувечу
И вырву пожелтелый клык!*

*Пускай трясет визгливым рылом:
Зачем непрошеной вошла,
Куда и солнце не входило,
Где ночь метельная текла!*

2

*В глазах ненужный день так ярок,
Но в сердце — неотлучно ночь.
За красоту мою в подарок
Старуха привела мне дочь.*

*«Вот, проводи с ней дни и ночи:
Смотри, она стройна, как та.
Она исполнит всё, что хочешь:
Она бесстыдна и проста».*

*Смотрю. Мой взор — слепой и зор-
кий:*

*«Она красива, дочь твоя.
Вот, погоди до Красной Горки:
Тогда с ней повенчаюсь я».*

3

*Зима прошла. Я болен.
Я вновь в углу, средь книг.
Он, кажется, доволен,
Досужий мой двойник.*

*Да мне-то нет досуга
Болтать про всякий вздор.
Мы поняли друг друга?
Ну, двери на запор.*

*Мне гости надоели.
Скажите, что грущу.
А впрочем, на неделе —
Лишь одного впушу:*

*Того, кто от занятий
Утратил цвет лица,
И умер от заклятий
Волшебного кольца.*

18 марта 1907

**«В темной комнате ты
обещена...»**

*В темной комнате ты обещае-
на,
Светлой улице ты предана,
Ты идешь, красивая женщина,
Ты пьяна!
Шлейф ползет за тобой и треп-
лется,
Как змея, умирая в пыли...
Видишь ты: в нем жизнь еще теп-
лится!
Запыли!*

12 апреля 1907

«Ты пробуждалась утром рано...»

Ты пробуждалась утром рано

*И покидала милый дом.
И долго, долго из тумана
Копье мерцало за холмом.*

*А я, чуть отрок, слушал толки
Про силу дивную твою,
И шевелил мечей осколки,
Тобой разбросанных в бою.*

*Довольно жить в разлуке преж-
ней —
Не выйдешь из дому с утра.
Я всё влюбленней и мятежней
Смотрю в глаза твои, сестра!*

*Учи меня дневному бою —
Уже не прежний отрок я,
И миру тесному открою
Полет свободного копья!*

А прель (?) 1907
«И мы подыдем их на вилы...»

*И мы подыдем их на вилы,
Мы а петлях раскачем тела,
Чтоб лопнули на шее жилы,
Чтоб кровь проклятая текла.*

З (?) июня 1907
«Сырое лето. Я лежу...»

Сырое лето. Я лежу
В постели — болен. Что-то под-
ступает
Горячее и жгучее в груди.
А на усадьбе, в тѣнях светлой но-
чи,
Собаки с лаем носятся вокруг до-
ма.
И меж своих — я сам не свой. Меж
кровных
Бескровен — и не знаю чувств род-
ства.
И люди опостылели немногим
Лишь меньше, чем убитый мной
комар.
И свечкою давно озарено
То место в книжке, где профессор
скучный,
Как ноющий комар, — поет мне в
уши,
Что женщина у нас угнетена
И потому сходна судьбой с рабо-
чим.
Постой-ка! Вот портрет: седой
профессор —
Прилизанный, умытый, трид-
цать пять
Изданий книги выпустивший!

Стой!

Ты говоришь, что угнетен рабочий?

Постой: весной я видел смельчака,

Рабочего, который смело на смерть

Пойдет, и с ним — друзья. И горы замолчат,

И останутся работы разом

На фабриках. И жирный фабрикант

Поклонится рабочим в ноги.

Стой!

Ты говоришь, что женщина — раба?

Я знаю женщину. В ее душе

Был сноп огня. В походке — ветер.

В глазах — два моря скорби и страстей.

И вся она была из легкой персти —

Дрожащая и гибкая. Так вот,

Профессор, четырех стихий союз

Был в ней одной. Она могла

убить —

Могла и воскресить. А ну-ка, ты

Убей, да воскреси потом! Не мо-

жешь?

А женщины с рабочим могут.

20 июня 1907

Песельник

Там за лесом двадцать девок
Расцветало краше дня.
Сергей Городецкий

Я — песельник. Я девок вывожу
В широкий хоровод. Я с ветром во-
рожу.

Я голосом тот край, где синь ту-
ман, бужу,
Я песню длинную прилежно выво-
жу.

Ой, дальний край! Ты — мой! Ой,
косыньку развей!

Ой, девка, заводи в глухую топь
весной!

Эй, девка, собирай лесной туман
косой!

Эй, песня, веселей! Эй, сарафан,
алей!

Легла к земле косой, туманится
росой...

*Яр темных щек загар, что твой
лесной пожар...
И встала мне женой... Ой, синь
туман, ты — мой!
Ал сарафан — пожар, что девичий
загар!*

24 июня 1907

**«Везде — над лесом и над
пашней...»**

*Везде — над лесом и над пашней,
И на земле, и на воде —
Такою близкой и вчерашней
Ты мне являешься — везде.*

*Твой стан под душной летней ту-
чей,
Твой стан, закутанный в меха,
Всегда пою — всегда певучий,
Клубясь туманами стиха.*

*И через годы, через воды,
И на кресте и во хмелю,
Тебя, Дитя моей свободы,
Подруга Светлая, люблю.*

8 июля 1907

«Меня пытали в старой вере...»

Меня пытали в старой вере.
В кровавый прóсвет колеса
Гляжу на вас. Чтó взяли звери?
Чтó встали дыбом волоса?

Глаза уж не глядят — клоками
Кровавой кожи я покрыт.
Но за ослепшими глазами
На вас иное поглядит.

27 октября 1907
«Ходит, бродит, колобродит...»

Ходит, бродит, колобродит
Старый дед — сердечный хмель.

В прялке — вечная кудель,
Прялка песенку заводит.

27 октября 1907
«Стучится тихо. Потом погромче...»

Стучится тихо. Потом погром-
че.

Потом смеется.
И смех всё ярче, желанней, звонче,
И сердце бьется.

Я сам не знаю,
О чем томится

Мое жильё?

*Не сам впускаю
Такую птицу
В окно свое!
И что мне снится
В моей темнице,
Когда поет
Такая птица?*

*Прочь из темницы
Куда зовет?*

24 декабря 1907

**«Их было много — дев
прекрасных...»**

*Их было много — дев прекрасных.
Ущелья гор, хребты холмов
Полны воспоминаний страстных
И потаенных голосов...*

*Они влеклись в дорожной пыли
Отвека ведомым путем,
Они молили и грозили
Кинжалом, ядом и огнем...*

*Подняв немые покрывала,
Они пасли стада мои,*

*Когда я крепко спал, усталый,
А в даях плакали ручьи...*

*И каждая прекрасной ложью
Со мною связана была,
И каждая заветной дрожью
Меня томила, жгла и жгла...*

*Но над безумной головою
Я бич занес, собрал стада
И вышел горною тропюю,
Чтоб не вернуться — никогда!*

*Здесь тишина. Здесь ходят тучи.
И ветер шелестит травой.
Я слушаю с заветной кручи
Их дольний ропот под горой.*

*Когда, топча цветы лазури
Копытом черного коня,
Вернусь, как царь в дыханьи бу-
ри, —
Вы не узнаете меня!*

Март-июнь 1908
«В глубоких сумерках собора...»

*В глубоких сумерках собора
Прочитан мною свиток твой;*

Твой голос — только стон из хора,
Стон протяжённый и глухой.

И испытать тебя мне надо;
Их много, ищущих меня,
Неповторяемого взгляда,
Неугасимого огня.

И вот тебе ответный свиток
На том же месте, на стене,
За то, что много страстных пы-
ток
Узнал ты на пути ко мне.

Кто я, ты долго не узнаешь,
Ночами глаз ты не сомкнешь,
Ты, может быть, как воск, иста-
ешь,
Ты смертью, может быть,
умрешь.

Твои стенанья и мученья,
Твоя тоска — что мне до них?
Ты — только смутное виденье
Миров далеких и глухих.

Смотри, ты многого ль достоин?

*Смотри, как жалок ты и слаб,
Трусливый и безвестный воин,
Ленивый и лукавый раб!*

*И если отдаленным эхом
Ко мне дойдет твой вздох «люб-
лю»,
Я громовым холодным смехом
Тебя, как плетью, опалю!*

25 мая 1908

По православному

*Ты не получишь воздаянья,
Ты не узнаешь ничего,
Но быть дала ты обещанье
Хозяйкой дома моего.*

М ай 1908

«Чудесно всё, что узнаю...»

*Чудесно всё, что узнаю,
Постыдно всё, что совершаю.
Готов идти навстречу раю,
И медлю в сумрачном краю.*

6 июля 1908

«Ты помнишь — в лодке в час заката...»

Ты помнишь — в лодке в час зака-

*та
Я задержал на миг весло?
Какая горькая утрата!
Какое счастье прошло!
Прошло и кануло навеки...*

2 августа 1908

Королевна

*Не было и нет во всей подлунной
Белоснежной плеч.
Голос нежный, голос многострун-
ный,
Льстивая, смеющаяся речь.*

*Все певцы полночные напевы
Ей слагают, ей.
Шепчутся завистливые девы
У ее немых дверей.*

*Темный рыцарь, не подняв забра-
ла,
Жадно рвется в бой;
То она его на смерть послала
Белоснежною рукой.*

*Но, когда одна, с холодной башни
Всё глядит она
На поля, леса, озера, пашни*

Из высокого окна.

*И слеза сияет в нежном взоре,
А вдали, вдали
Ходят тучи, да алеют зори,
Да летают журавли...*

*Да еще — души ее властитель,
Тот, кто навсегда
Путь забыл в далекую обитель, —
Не вернется никогда!*

28 ноября 1908 — 16 мая 1914

«Не могу тебя не звать...»

*Не могу тебя не звать,
Счастье мое!
Имя нежное твое
Сладко повторять!
Вся ты — бурная весна,
Вся ты — мной одним пьяна,
Не беги же прочь!
Хочешь дня —
Проходит ночь...
Не избежешь ты меня!*

*Золотистая коса, расплетись!
В эти жадные глаза заглядись!
Долгожданная гроза, разразись!*

30 ноября 1908

Стихотворные переводы

Верхарн. Шаги

*В зимний вечер, когда запирались
С пронзительным визгом ставни,
И зажигались
В низенькой кухне лампы,
Тогда звенели шаги, звенели шаги,
Вдоль стены, на темной пане-
ли — шаги, шаги.*

*Уже дети в постелях закута-
лись,
Их игры спутались;
И деревня сгустила тени крыш
Под колокольней;
Колокол бросил в мир дольний из
ниши
Часы — один — и один — и
два.
И страхи, страхи без числа;
Сердца стуки — вечерние звуки.*

*Воля моя покидала меня:
К ставне прильнув, я слушал то-
мительно,*

Как те же шаги, всё те же
шаги

Уходят в даль повели-
тельно,
Во мглу и печаль, где не видно ни
зги.

Я различал шаги старушки,
Фонарщиков, дельцов
И мелкие шажки калечной по-
бирушки

С корзиной мертвых барсуков;
Разносчика газет и продащи-
цы,

И Питер-Хоста, шедшего с
отцом,

Воздвигшего вблизи распятья
дом,

Где золотой орел блестит на
легком шпиге.

Я знал их все: одним звучала в
лад клюка

Часовщика; другим — ко-
стыль убогий

Монашенки, в молитвах
слишком строгой;

Шаги пономаря, что пьет ис-

подтишка, —

Я различал их все, но остальные
чьи же?

Они звенели, шли — бог весть, от-
куда шли?

Однообразные, как «Отче наш»,
они звучали ближе,

Или пугливые — то сумасшедшие
брели вдали, —

Иль тяжкие шаги, — каза-
лось,

Томленьем всех времен и всех про-
странств обременялась

Подошва башмака.

И был их стук печален и
угрюм

Под праздник Всех Святых, когда
протяжен шум, —

То ветер в мертвый рог трубит
издалека.

Из Франции влачили ноги,
Встречались на большой доро-
ге, —

Когда сошлись, куда опять ушли?
И, углубясь опять, бредут в тени

бессменной

В тот мертвый час, когда тре-
вожные шмели

По четырем углам вселенной
Звенели, как шаги.

О, дум их, их забот бесцельные
круги!

О, сколько их прошло, мной всё не
позабывших!

Кто перескажет мне язык их
страстий скрытых,

Когда я их стерег, зимой, ис-
подтишка,

Когда их шарканьем ждала
моя тоска,

За ставней запертой, на дне
деревни старой? —

Раз вечером, в телеге па-
рой,

Железо, громыхая, провез-
ли

И у реки извозчика убитого
нашли;

Он рыжий парень был, из Фланд-
рии брел к дому.

Убийцу не нашли с тех
пор,

Но я... о! чувство мне знако-
мо,

Когда вдоль стен моих царапался

топор.

А вот еще: свой труд дневной
кончая,

Наш пекарь, весь в муке, ларек
свой запирает

И даму странную однажды
увидел, —

Колдунья здесь она, а там —
святая, —

Соломой золотой одета, за
углом

Исчезла — и вошла на кладби-
ще потом;

А я, в тот самый миг, в припадке,
Услышал, как плаща свернулись
складки:

Так землю иногда скребут скреб-
ком.

И сердце так стучало,
Что после долго — из глубин
Души — мне смерть кива-
ла.

А тем, — что делать им среди
равнин,
Другим шагам, несметным и бес-
плодным,
Подслушанным на Рождестве хо-

лодном,

Влекущимся от Шельды,
сквозь леса? —

Сиянье красное кусало
небеса.

Одних и тех же мест алкая,
Издавна, издали, в болотах, меж
травы,

Они брели, как бродит сила
злая.

И вопль их возлетал, как хрип со-
вы.

Могильщик шел с лопатой
следом

И хоронил под ярким снегом
Громаду сложенных вет-
вей

И окровавленных зверей.

Душа еще дрожит, и ясно помнит
разум

Могильщика с лопатой на
снегу,

И призраки сквозь ночь мигают
мертвым глазом,

Взметенные в пылающем усталос-
тью мозгу, —

Шаги, услышанные в детстве,

Мучительно пронзившие меня
В сторожкие часы, во сне, в бреду
мучений,

Когда душа больна и стисну-
ты колени,
Они бегут, в крови ритмически
звения.

Из тэней дальних, далее синих
Угрюмо-грузные, в упорной и тя-
желой тишине.

Земля пьяна от них. Со-
чти их!

Сочти листья, колосья, снег в
небесной вышине!

Они, как вести грозной ме-
сти, —

С раскатным шорохом, вдали,
В ночной тени, верста к версте,
они

Протянут тусклые рем-
ни,

И от одной страны, и от одной
петли

Замкнется обруч их вдоль всей
земли.

О! как впились и плоть про-

жгли

*Шаги, шаги декабрьской
тьмы,*

*И светлые пути зимы, —
Со всех концов земли — сквозь
комнату прошли!*

22-24 декабря 1905

Байрон. Подражание Тибуллу

*Серинф жестокий! Ты ль невер-
ным сердцем рад*

*Мученьям без числа, что грудь
мою язвят?*

*Увы! Стремилась я лишь муку
утишить,*

*Чтоб снова для любви и для тебя
мне жить.*

*Но плакать над судьбой я больше
не должна,*

*И ненависть твою излечит
смерть одна.*

3 ноября 1905

Байрон. Подражание Катуллу

Елене

О, только б огонь этих глаз целовать, —
Я тысячи раз не устал бы желать!
Всегда погружать мои губы в их свет,
В одном поцелуе прошло бы сто лет!
Но разве душа утолится, любя?
Всё льнул бы к тебе, целовал бы тебя.
Ничто б не могло губ от губ оторвать:
Мы всё б целовались опять и опять:
И пусть поцелуям не будет числа,
Как зернам на ниве, где жатва спела.
И мысль о разлуке — не стоит труда;
Могу ль изменить? — Никогда, никогда!

3 ноября 1905

Байрон. Посвящается Мэрион

*Что ты, Мэрион, так грустна?
Или жизнью смущена?
Гнев нахмуренных бровей
Не к лицу красе твоей.*

*Не любовью ты больна,
Нет, ты сердцем холодна.
Ведь любовь — печаль в слезах,
Смех, иль ямки на щеках,
Или склон ресницы томной, —
Ей противен холод темный.
Будь же светлой, как была,
Всем по-прежнему мила,
А в снегах твоей зимы
Холодны, бездушны мы.*

*Хочешь верности покорной —
Улыбайся, хоть притворно.
Суждено ль — и в грустный час
Прятать прелесть этих глаз?
Что ни скажешь — всё напрасно;
Их лучей игра прекрасна,
Губы... Но чиста, скромна,
Муза петь их не должна:
Она краснеет, хмурит брови,
Велит бежать твоей любви,*

Вот рассудок принесла,
Сердце вовремя спасла.
Так одно сказать могу
(Что б ни думал я — солгу):
Губы нежные таят
 Не одной насмешки яд.
Так, в советах беспристрастных
Утешений нет опасных:
Песнь моя к тебе проста,
Лесть не просится в уста;
 Я, как брат, учить обязан,
Сердцем я с другими связан;
Обману ли я тебя,
Сразу дюжину любя?
Так, прости! Прими без гнева
 Мой совет немилый, дева;
Я чтоб не был мне в упрек
Мой докучливый урок,
Опишу тебе черты
Властной женской красоты:
 Как ни сладостна для нас
Алость губ, лазурность глаз,
Как бы локон завитой
Не прельщал нас красотой,
Всё же это плен мгновенный, —
 Как нас свяжет неизменно
Легкий очерк красоты?
Нет в нем строгой полноты.

*Но открыть ли, что нас свяжет,
Что пажам вас чтить прикажет
Королевами всего?
Сердце, — больше ничего.*

7 ноября 1905

Байрон. Отрывок

*Бесплодные места, где был я серд-
цем молод,
 Аннслейские холмы!
Бушуя, вас одел косматой тенью
холод
 Бунтующей зимы.*

*Нет прежних светлых мест, где
сердце так любило
 День долгий коротать:
Вам небом для меня в улыбке Мэ-
ри милой
 Уже не заблестать.*

7 ноября 1905

Байрон. Георгу, графу Делавару

*О, да, я признаюсь, мы с вами
близки были:
Связь мимолетная для детских
лет — вечна:
Нам чувства братские сердца со-
единили,
И нам была любовь взаимная да-
на.
Но краткий миг сметет, что со-
здано годами, —
Так дружбы легкая непостоянна
власть;
Как Страсть, она шумит воздуш-
ными крылами,
Но гаснет в миг один, когда не
гаснет Страсть.*

*По Иде некогда бродили мы вес-
ною,
И, помню, юных дней блаженны
были сны.
Как твердь была ясна над нашей
головою!
Но бури хмурых зим теперь нам
суждены.*

И память милая, соединясь с печалью,
Нам детство воскрешать не будет с этих пор:
Пусть гордость закалит мне сердце твердой сталью,
Что было мило мне — отныне мой позор.

Но избранных моих я, друг, не унижаю —
И вас, по-прежнему, я должен уважать, —
Нас случай разделил, но тот же случай, знаю,
Заставит вас назад обет неверный взять.

Остывшую любовь во мне не сменит злора.
И жалобную боль я в сердце не впускаю:
Спокойно мыслю я, что мы неправы оба,
И вам легко простить — как я легко прощу.

Вы знали — жизнь моя всегда го-

рячей кровью
На первый ваш призыв отклик-
нуться ждала:
Вы знали, что душа, впоенная
любовью,
Пространства и года преодолеть
могла.

Вы знали, — но к чему, напрасно
вспоминая,
Разорванную цепь стараться
удержать!
Вам поздно, над былым печально
поникая,
О друге прежних лет томитель-
но вздыхать.

Расстанемся, — я жду, мы вновь
сойдемся вместе.
Пусть время и печаль соединят
нас вновь:
Я требую от вас — одной защиты
чести;
Пусть распрю разрешит прошед-
шая любовь.

9 ноября 1905

Байрон. Дамет

Бесправный, как дитя, и мальчик
по летам,
Душою преданный убийственным
страстям,
Не ведая стыда, не веря в добродетель,
Обмана бес и лжи сочувственный
свидетель,
Искусный лицемер от самых ранних
дней,
Изменчивый, как вихрь на вольности
полей,
Обманщик скромных дев, друзей
неосторожных,
От школьных лет знаток условий
света ложных, —
Дамет изведal путь порока до
конца
И прежде остальных достиг его
венца:
Но страсти, до сих пор терзая
сердце, властно
Велят ему вкушать подонки чаши
страстной;
Пронизан похотью, он цепь за це-

пью рвет
И в чаше прежних нег свою поги-
бель пьет.

9 ноября 1905

Байрон. L'Amitié Est L'Amour Sans Ailes[5]

К чему скорбеть больной душою,
Что молодость ушла?
Еще дни радости за мною;
Любовь не умерла.
И в глубине былых скитаний,
Среди святых воспоминаний —
Восторг небесный я вкусил:
Несите ж, ветры золотые,
Туда, где пелось мне впервые:
«Союз друзей — Любовь без
крыл!»

В мимолетающих лет потоке
Моим был каждый миг!
Его и в туче слез глубоких
И в свете я постиг:
И что б судьба мне ни судила, —
Душа бывшее возлюбила,
И мыслью страстной я судил;

О, дружба! чистая отрада!
Миров блаженных мне не надо:
«Союз друзей — Любовь без
крыл!»

Где тисы ветви чуть колышут,
Под ветром наклонясь, —
Душа с могилы чутко слышит
Ее простой рассказ;
Вокруг ее резвится младость,
Пока звонок, спугнувший радость,
Из школьных стен не прозвонил:

А я, средь этих мест печальных,
Всё узнаю в слезах прощальных;
«Союз друзей — Любовь без
крыл!»

Перед твоими алтарями,
Любовь, я дал обет!
Я твой был — сердцем и мечта-
ми, —
Но стерт их легкий след;
Твои, как ветер, быстры крылья,
И я, склонясь над дольней пылью,
Одну лишь ревность уловил.
Прочь! Улетай, призра́к влекущий!
Ты посетишь мой час грядущий,

Быть может, лишь без этих
крыл!

О, шпиль дальних колоколен!
Как сладко вас встречать!
Здесь я пылать, как прежде, во-
лен,

Здесь я — дитя опять.
Аллея вязов, холм зеленый;
Иду, восторгом упоенный, —
И венчик — каждый цвет от-
крыл;

И вновь, как встарь, при ясной
встрече,
Мой милый друг мне шепчет ре-
чи:

«Союз друзей — Любовь без
крыл!»

Мой Ликус! Слез не лей напрасных,
Верна тебе любовь;
Она лишь грезит в снах прекрас-
ных,

Она проснется вновь.
Недолго, друг, нам быть в разлу-
ке,
Как будет сладко жать нам руки!
Моих надежд как жарок пыл!

Когда сердца так страстно
юны, —
Когда поют разлуки струны:
«Союз друзей — Любовь без
крыл!»

Я силе горьких заблуждений
Предаться не хотел.
Нет, — я далек от угнетений
И жалкого презрел.
И тем, кто в детстве был мне ве-
рен,
Как брат, душой нелицемерен, —
Сердечный жар я возвратил.
И, если жизнь не прекратится,
Тобой лишь будет сердце биться,
О, Дружба! наш союз без крыл!

Друзья! душою благородной
И жизнью — с вами я!
Мы все — в одной любви свобод-
ной —
Единая семья!
Пусть королям под маской лжи-
вой,
В одежде пестрой и красивой —
Язык медовый Лесть точил;
Мы, окруженные врагами,

Друзья, забудем ли, что с нами —
«Союз друзей — Любовь без
крыл!»

Пусть барды вымыслы слагают
Певучей старины;
Меня Любовь и Дружба знают,
Мне лавры не нужны;
Всё, всё, чего бежала Слава
Стезей волшебной и лукавой, —
Не мыслью — сердцем я от-
крыл;
И пусть в душе простой и юной
Простую песнь рождают струны:
«Союз друзей — Любовь без
крыл!»
13 ноября 1905

Байрон. Строки, написанные под вязом на кладбище в Гарроу

*Места родимые! Здесь ветви вздо-
хов полны,
С безоблачных небес струятся
ветра волны:
Я мыслю, одинок, о том, как здесь
бродил
По дерну свежесму я с тем, кого
любил,
И с теми, кто сейчас, как я, — за
синей далью, —
Быть может, вспоминал прошед-
шее с печалью:
О, только б видеть вас, извилины
холмов!
Любить безмерно вас я всё еще го-
тов;
Плакучий вяз! Ложась под твой
шатер укромный,
Я часто размышлял в час суме-
ренно-скромный:
По старой памяти склоняюсь под
тобой,
Но, ах! уже мечты бывалой нет
со мной;*

И ветви, простонав под ветром —
пред ненастьем, —
Зовут меня вздохнуть над отси-
явшим счастьем,
И шепчут, мнится мне, дрожа-
щие листья:
«Помедли, отдохни, прости, мой
друг, и ты!»
Но охладит судьба души моей
волненье,
Заботам и страстям пошлет
успокоенье,
Так часто думал я, — пусть близ-
кий смертный час
Судьба мне усладит, когда огонь
погас;
И в келью тесную, иль в узкую мо-
гилу —
Хочу я сердце скрыть, что мед-
лить здесь любило;
С мечтою страстной мне отрад-
но умирать,
В излюбленных местах мне слад-
ко почивать;
Уснуть навеки там, где все меч-
ты кипели,
На вечный отдых лечь у детской
колыбели;

*Навеки отдохнуть под пологом
ветвей,
Под дерном, где, резвясь, вставало
утро дней;
Окутаться землей на родине мне
милой,
Смешаться с нею там, где грусть
моя бродила;
И пусть благословят — знакомые
листья,
Пусть плачут надо мной — дру-
зья моей мечты;
О, только те, кто был мне дорог
в дни былые, —
И пусть меня вовек не вспомнят
остальные.*

13 ноября 1905

Байрон. Из дневника в Кефалонии

*Встревожен мертвых сон — могу
ли спать?*

*Тираны давят мир — я ль уступ-
лю?*

*Созрела жатва — мне ли мед-
лить жать?*

*На ложе — колкий терн; я не
дремлю;*

*В моих ушах, что день, поет тру-
ба,*

Ей вторит сердце...

4 января 1906

Байрон. Люсьетта (отрывок)

*Люсьетта, голубка,
Твою прелесть живую
Создавали одни поцелуи;
Но в любви, без сомненья,
Есть странней положенья;
Я знаю — другая
Мне близкая, злая,
Лукавой приманкой,
Чародейной осанкой —
То дразнит и мстит мне,
То сладкую муку дарит мне.*

Caétera desunt.[6]
4 января 1906

Байрон. Любовь и смерть

*Я на тебя взирал, когда наш враг
шел мимо,
Готов его сразить, иль пасть с
тобой в крови,
И, если б пробил час, — делить с
тобой, любимой,
Всё, верность сохранив свободе и
любви.*

*Я на тебя взирал в морях, когда о
скалы
Ударился корабль в хаосе бурных
волн,
И я молил тебя, чтоб ты мне до-
веряла;
Гробница — грудь моя, рука —
спасенья челн.*

*Я взор мой устремлял в больной и
мутный взор твой,
И ложе уступил, и, бденьем ис-
томлен,
Прильнув к ногам, готов земле
отдаться мертвой,
Когда б ты перешла так рано в*

смертный сон.

Землетрясение шло и стены со-
трясало,
И всё, как от вина, качалось предо
мною.
Кого я так искал среди пустого
зала?
Тебя. Кому спасал я жизнь? Тебе
одной.

И судорожный вздох спирало мне
страданье,
Уж погасала мысль, уже язык
немел,
Тебе, тебе даря — последнее дыха-
нье,
Ах, чаще, чем должно, мой дух к
тебе летел.

О, многое прошло; но ты не полю-
била,
Ты не полюбишь, нет! Всегда воль-
на любовь.
Я не виню тебя, но мне судьба су-
дила —
Преступно, без надежд, — лю-
бить всё вновь и вновь.

4 января 1906

Байрон. Песнь к Сулиотам

*Дети Сули! Киньтесь в битву,
Долг творите, как молитву!
Через рвы, через ворота:
Бауа! Бауа! Сулиоты!
Есть красотки, есть добыча,
В бой! Творите свой обычай!*

*Знамя вылазки святое,
Разметавшей вражьи строи,
Ваших гор родимых знамя,
Знамя ваших жен над нами,
В бой, на приступ, стратиоты,
Бауа! Бауа! Сулиоты!*

*Плуг наш — меч: так дайте
клятву
Здесь собратъ златую жатву;
Там, где брешь в стене пробита,
Там врагов богатство скрыто:
Есть добыча — слава с нами, —
Так вперед, на спор с громами!*

4 января 1906

Байрон. На рождение Джона Вильяма Риццо Гопнера

*Пусть прелесть матери с умом
отца*

*В нем навсегда соединится,
Чтоб жил он в добром здравьи до
конца*

*С завидным аппетитом Риц-
цо.*

9 января 1906

Байрон. Победа

*Пою дитя любви, вождя войны
кровавой,*

*Кем бриттов отдана Нормандии
земля,*

*Кто в роде царственном своем
отмечен славой*

*Завоевателя — не мирного царя.
Он, осенен крылом своей победы
гордой,*

*Вознес на высоту блистательный
венец:*

Бастард держал, как лев, свою до-

*бычу твердо,
И бриттов победил в последний
раз — храбрец.*

9 января 1906

**Байрон. Сочувственное послание
Сарре, графине Джерсей, по поводу
того, что принц регент возвратил ее
портрет м-с Ми**

*Когда торжественно тщеслав-
ный кесарь Рима,
Пред кем склонялась чернь с
враждой непримиримой,
Открыл перед толпой святыню
славных дней,
Все статуи святых и доблестных
мужей, —
Что более всего приковывало зре-
нье?
Что взорам пристальным внуша-
ло изумленье
При этом зрелище? Чьих черт не
видно тут?
Нет изваяния того, чье имя —
Брут!
Все помнили его, — толпа его лю-*

била,
Его отсутствие — залогом правды было;
Оно вплело в венец, для славы,
больше роз,
Чем мог вплести гигант и золотой колосс.
Так точно, если здесь, графиня,
наше зреньё
Твоих прекрасных черт лишилось
в изумленьи,
В прелестном цветнике красавиц
остальных,
Чья красота бледна пред солнцем
черт твоих;
Когда седой старик — поистине
наследник
Отцовского венца и королевских
бредней, —
Когда развратный взор и вялый
дух слепца
Отвыкли без труда от твоего лица, —
Пусть на его плечах позор безвкусья;
рамы —
Где тьма красивых лиц, и нет прекрасной дамы!
Нас утешает мысль, — когда уж

лучше нет, —
Мы сохраним сердца, утратив
твой портрет.
Под сводом зал его — какая нам
отрада?
В саду, где все цветы, — и нет ца-
рицы сада;
Источник мертвых вод, где нет
живых ключей;
И небо звездное, где Дианы нет лу-
чей.
Уж не плениться нам такую кра-
сотою,
Не глядя на нее, летим к тебе
мечтою;
И мысли о тебе нас больше восхи-
тят,
Чем всё, что может здесь еще
пленить наш взгляд.
Сияй же красотой в небесной выси
синей,
Всею кротостью твоей и правиль-
ностью линий,
Гармонией души и прелестью
светла,
И взором радостным, и ясностью
чела,
И темнотою кудрей — под сенью

их смолистой
Еще белей чела сияет очерк чи-
стый, —
И взорами, где жизнь играет и
влечет,
И отдыха очам плененным не да-
ет,
И заставляет вновь искать за их
узором
Всё новые красы — награду дол-
гим взорам;
Но ослепительна, быть может, и
ярка
Такая красота для зренья стари-
ка;
Так, — долго нужно ждать, чтоб
цвет поблек весенний,
Чтоб нравиться ему — больной и
хилой тени,
Больному цинику, в ком скуки
хлад слепой,
Чей взор завистливо минует об-
раз твой,
Кто жалкий дух напряг, соединив
в себе
Всю ненависть слепца к свободе и
к тебе.

10 января 1906

Леконт. Цирцея

Год миновал. Мы пьем среди твоих владений,
Цирцея! — долгий плен.
Мы слушаем полет размерных повторений,
Не зная перемен.

И погрузясь, как мы, в забвение о смене
И месяцев и лет,
Неувядающий — краса твоих владений —
Благоухает цвет.

И венчики цветов, таясь, полураскрыли
Истомные уста,
И вечной свежестью и диких роз и лилий
Сияет чистота.

Пусть чаша их страшна для нас, неутомимых,
Пусть в этой чаше яд!

Пусть, медленно прильнув, уста
цветов любимых
Нас гибелью поят.

Под формой странною скрывая
образ пленный,
От чар, как мы, вкусив,
Меж нами кружатся, глядят на
нас смиренно
Стада косматых див.

Бесцельна красота сплетений в
гривах строгих
Их включенных голов,
И всё еще в тени их душные берло-
ги,
Где, греясь, пахнет кровь.

Здесь львы укрощены — над ними
благовонный
Волос простерся шелк.
И тигр у ног твоих — послушный
и влюбленный,
И леопард, и волк.

Для зорких рысьих глаз и для пан-
теры пестрой
Здесь сон и забытье.

Над ними в сладкой мгле струит
свой запах острый
Любовное питье.

О, ясные сады, где обаянье дремлет,
Где тигр ползет у ног,
Где, вспыхнув на конце чешуйчатого стебля,
Родится злой цветок,

Где на песок аллея, прохладный и сыпучий,
В вечерний, свежий час,
В лазурной чешуе, мясистый и колючий,
Дракон ползет, клубясь.

Но даль морей ясна. Прости, чудесный остров,
Для снов иной страны!
Вон острый волнорез подьемлет
красный остов,
Мы завтра — плыть должны.

Мы склоним без труда, вслед киммерийской тени,
Тройную медь кормы —

*Туда, где сорвались подземные
ступени,
Зевая, в царство тьмы.*

*Наш кормищик у руля: не знают
страха груди,
Скользи, корабль, скользи...
Тот, кто узнал тебя, Цирцея! не
забудет
К безмолвию стези.*

Декабрь 1905

Шуточные стихи

Корреспонденция Бальмонта из Мексики

*Я бандит, я бандит!
Поднося мне яду склянку,
Говорила мексиканка:
«У тебя печальный вид.
Верно, ты ходил в Пампасы:
Загрязненные лампасы —
Стыд!»*

*Увлеченный,
Упоенный,
Озираясь,
Упиваясь,
С мексиканкой обнимаясь,
Я — веселый —
Целовал
Мексиканские подолы,
Взор метал
Из-под сонных
Вежд, но страстных,
Воспаленных,
Но прекрасных...
Сдвинул на ухо сомбреро
(Приближался кабалеро),*

Стал искать
Рукоять
Шпаги, сабли и кинжала —
Не нашел, —
Мексиканка убежала
В озаренный тихий дол.
Я ж, совсем подобен трупу,
К утру прибыл в Гуаделупу
И почил
В сладкой дреме
И в истоме,
В старом доме,
На соломе,
Набираясь новых сил.
И во сне меня фламинго
В Сан-Доминго
Пригласил.

Григорий Е. (псевдоним)
Февраль 1905

«Жена моя, и ты угасла...»

*Жена моя, и ты угасла,
Жить не могла, меня любя.
Смотрю печально из-за прясла
Звериным взором на тебя.*

1⁹⁰⁷

«Чулков и я стрелой амура...»

*Чулков и я стрелой амура
Истыканы со всех концов,
Но сладким ядом каламбура
Не проведет меня Чулков.*

1907⁻¹⁹⁰⁸

«Чулков „Одною ночью“ занят...»

*Чулков «Одною ночью» занят,
Я «Белой ночью» занялся, —
Ведь ругань Белого не ранит
Того, кто всё равно спился...*

Май 1908

Шуточные стихи, написанные при участии А. Блока

«Скользкая жаба-змея, с мутно-ласковым взглядом...»

*Скользкая жаба-змея, с мутно-ласковым взглядом,
В перьях зеленых ко мне приползла,
увилась и впилась.*

*Жабы той стан я обвил, сел с ней
под липою рядом,
Выдернул перья в пучок, жаба в
любви мне клялась:*

*«Милый, ты нравишься мне: как
попик болотный, ты сладок,
Блока задумчивей ты, голосом —
сущий Кузмин!»*

*Блоку досталось как раз разрешение
этих загадок.
Горько он плачет над ними, не
может решить их один.*

Осень 1906

«Близятся выборы в Думу...»

*Близятся выборы в Думу:
Граждане, к урнам спешите.*

*Ловите, ловите коварную пуму,
Ловите, ловите, ловите, ловите!
Где дворники ходят, как лютые
тигры,
Где городовые ведут вас в уча-
сток,
Где пристав свирепый ведет свои
игры,
Разит вас глубоко его глаз ток.*

Осень 1906

«Для исполнения программы...»

*Для исполнения программы
Я заручусь согласием сил.*

*А для меня, как модной дамы,
Всякий стих уж будет мил;
Так смотрите, не забудьте,
Напишите что-нибудь!*

*Оросив слезами грудь,
Музу петь свою принудьте.*

Осень 1906

«Мы пойдем на Зобеиду...»

*Мы пойдем на «Зобеиду», —
Верно дрянь, верно дрянь.
Но уйдем мы без обиды,
Словно лань, словно лань.*

*Мы поедем в Сестрорецкий
Вчетвером, вчетвером.
Если будет Городецкий —
Вшестером, вшестером.*

10 февраля 1907

Приложения

Вместо предисловия <к сборнику «Нечаянная радость»>

Нечаянная Радость — это мой образ грядущего мира. В семи отделах я раскрываю семь стран души моей книги.

Пробудившаяся земля выводит на лесные опушки маленьких мохнатых существ. Они умеют только кричать «прощай» зиме, кувыряться и дразнить прохожих. Я привязался к ним только за то, что они — добродушные и бессловесные твари, — привязанностью молчаливой, ушедшей в себя души, для которой мир — балаган, позорище.

Она осталась бы такою, если бы не тревожили людские обитатели — города. Там, в магическом вихре и свете, страшные и прекрасные видения жизни: Ночи — снежные королевы — влачат свои шлейфы в брызгах звезд. На буйных улицах падают мертвые, и чудодейственно-терпкий напиток, красное вино, оглушает, чтобы уши не слышали убийства,

ослепляет, чтобы очи не видели смерти.

И молчаливая девушка за узким окном всю ночь ткёт мне мой Перстень-Страданье; ее работа рождает во мне тихие песни отчаянья, песни Покорности.

Но над миром, где всегда дует ветер, где ничего не различить сквозь слезы, которыми он застилает глаза, — Осень встает, высокая и широкая. Раскидывается над топью болот и золотую короной лесов упирается в синее небо. Тогда понятно, как высоко небо, как широка земля, как глубоки моря и как свободна душа. Нечаянная Радость близка. Она смотрит в глаза мне очами синими, бездонными и незнакомыми, как очи королевны Ночной Фиалки, которая молчит и прядет. И я смотрю на нее, но вижу ее как бы во сне. Между нами нет ничего неразгаданного, но мы все еще незнакомы друг другу.

Мир, окружающий меня, также смотрит в еще незнакомые очи Нечаянной Радости. И Она смотрит в очи ему. Но они уже знают о скорой встрече — лицом к лицу.

Слышно, как вскипают моря и воют корабельные сирены. Все мы потечем на мол, где

зажглись сигнальные огни. Новой Радостью
загорятся сердца народов, когда за узким мы-
сом появятся большие корабли.

Александр Блок

Август 1906

С. Шахматове, Моск<овской> губ.

Вместо предисловия <к сборнику «Земля в снегу»>

*Зачем в наш стройный круг ты ворва-
лась, комета?*

Л.Б.

*Когда средь сонма звезд, размеренно и
стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный круг свершающих спо-
койно,
Комета полетит неправильной чер-
той,
Недосозданная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спо-
ра,
Горя еще сама, и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и ог-
нем...*

*Что нужды ей тогда до общего смущения,
До разрушения гармонии?.. Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.
Ап. Григорьев. 1843*

План третьей книги моих стихов — неизбежная, драматическая последовательность жизни.

«Стихи о Прекрасной Даме» — ранняя утренняя заря — тесны и туманы, с которыми борется душа, чтобы получить право на жизнь. Одиночество, мгла, тишина — закрытая книга бытия, которая пленяет недоступностью, дразнит странным узором непонятных страниц. Там все будущее — за семью печатями. В утренней мгле сквозит уже Чародейный, Единый Лик, который посещал в видениях над полями и городами, который посетит меня на исходе жизни. Может быть, скоро уже Он явится мне опять, и тогда пойму, что перегнулась линия жизни и близится закат.

Но — мимо! Опять в слепоту и хмель, во мрак и тревогу безумно торопят меня восторги жадной жизни.

«Нечаянная Радость» — первые жгучие и горестные восторги — первые страницы книги бытия. Чаши отравленного вина, полувоплощенные сны. С неумолимой логикой падает с глаз пелена, неумолимые черты безумного уродства терзают прекрасное лицо. Но в буйном восторге душа поет славу новым чарам и новым разуверениям; ей ведомы новые отравы, новый хмель. Готовая умереть, она чудесно возрождается; готовая к полету, срывается в пропасть — и плачет, и плачет на дне. Израненная — поет. Избитая — кричит. Истопанная — возносится к прозрачной синеве. Надтреснутый колокол мерно качается и поет серебряным голосом, пока не сорвется в пропасть: восторгов мира не избыть, влюбленность, как феникс, возникает из пепла, — и новые пиры празднует природа там, где вчера еще пахло гарью, и вспугнутые птицы взлетали и метались, жалобно крича, над смрадно дымящейся землей.

Кто посмеет сказать: «Не должно. остано-

вись»? Так я живу, так я хочу. Не променяю моих восторженных и черных дней, моей мещанской лени, моего вечного праздника на нашу здравость и глубину, на ваши жемчужные зори. Не по чуждой воле погибну, не по чуждой восстану. Я вопрошаю словами поэта:

*Кто скажет нам, что жить мы
не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не го-
рели
И красоте не жертвовали мы?*

*Где ж это всё? Еще душа пыла-
ет, —
По-прежнему готова мир об-
нять...
Напрасный жар — никто не отве-
чает!
Воскреснут звуки — и замрут
опять...*

*Лишь ты одна! Высокое волнение
Издали мне голос твой принес:
В ланитах кровь и в сердце вдох-
новенье...
Прочь этот сон — в нем слишком*

много слез!

*Не жизни жаль с томительным
дыханьем, —
Что жизнь и смерть!.. — А жаль
того огня,
Что просиял над целым мирозда-
нием
И в ночь идет! И плачет, уходя!*

И вот Земля в снегу. Плод горестных вос-
торгов, чаша горького вина. Когда безумец по-
терял дорогу, — уж не вы ли укажете ему
путь? Не принимаю — идите своими путями.
Я знаю сам страны света, звуки сердца, лес-
ные тропинки, глухие овраги, огни в избах
моей родины, яркие очи моей спутницы.

Что из того, что Судьба, как цирковая на-
ездница, вырвалась из тусклых мерцаний ку-
лис, и лихой скакун ее, ослепленный потоком
света, ревом человеческих голосов, щелкан-
ьем бичей, понесся вокруг арены, задевая
копытами парашют? И вот Судьба — легкая на-
ездница в прозрачной тунике, вся розовая,
трепетно-стыдливая на арене, нагло-бесстыд-
ная в страсти, хлестнула невзначай извили-
стым бичом жалкого клоуна, который лома-

ется на глазах амфитеатра, — хлестнула прямо в белый блин лица. В душе у клоуна — пожар смеха, отчаянья и страсти. Из-под красных треугольных бровей льется кровь — оттого и не видно дороги. Идет, пошатываясь и балагурия, — но не протягивайте рук и не спасайте.

Далеко в потемках светит огромный факел влюбленной души. Если с ним заблужусь, то уж некому спасти, ибо сама Судьба превратила эту пышность, этот неизбывный восторг, эту ясную совесть, эту радостную тоску — в ничто. И я

Вместо предисловия <к Блок: Собр. соч. в 8-ми т. Т. 2, *из*[^]

протяну к ней руки, я поклонюсь ей в ноги, — будь Она в образе цирковой наездницы в ажурных чулках с голубыми стрелками, с тонким и оскорбительным бичом, с глазами пленительной мещанки, сияющими лишь по привычке всегда сиять, до гроба сиять.

Так разворачивается жизнь. Так, всему изумляясь, ни о чем не сожалея, страдной тропюю проходит душа. Расступитесь. Вот здесь вы живете, вот в этих пыльных доми-

ках качаете детей и трудитесь, вот здесь воскресным вечером, в желтой летней пыли, щелкаете орешки, лущите подсолнухи, покупаете зеркальце на уличном лотке, чтобы стать краше и нравиться милому. Но издали идет к вам вольная, дерзкая, наглая цыганка с шафранным лицом, с бездонной страстью в черных очах. Медленно идет, гуляя, отдыхая, от одной страстной ночи к другой. В черных волосах бренчат желтые монеты, запылен красно-желтый платок. Вам должно встать, и дать ей дорогу, и тихо поклониться.

Кто захочет понять, — пусть поймет неумолимую логику этих малословесных книг. Кто захочет больше — поверить, — пусть верит, что не победит и Судьба. Ибо в конце пути, исполненного падений, противоречий, горестных восторгов и ненужной тоски, расстилается одна вечная и бескрайная равнина — изначальная родина, может быть, сама Россия. И снега, затемняющие сияние Единой Звезды, улягутся. И снега, застилающие землю — перед весной. Пока же снег лепит очи и холод, сковывая душу, заграждает пути, издали доносится одинокая песня Коро-

бейника: победно-грустный, призывный на-
пев, разносимый вьюгой:

*Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча,
Пожалей, душа зазнобушка,
Молодецкого плеча!*

*Выди, выди в рожь высокую,
Там до ночки погожу,
А завизжу черноокою —
Все товары разложу!*

*Только знает ночь глубокая,
Как поладили они!
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани...*

*Александр Блок
Март 1908 г.
С.-Петербург*

Из примечаний ко второму изданию сборника «Нечаянная радость»

«Нечаянная Радость» — переходная книга: еще не отзвучали «Стихи о Прекрасной Даме», а уже основной отдел («Магическое») связан со «Снежной ночью». Взглянувший на даты книги поймет, почему она отличается всеми свойствами переходного времени.

Книга дополнена стихотворениями, ей современными, которые по разным причинам не вошли в ее первое издание, но все были напечатаны, кроме одного (XXVIII), в сборниках моих стихов и повременных изданиях.

Примечания

«Детское» (нем.). — Ред.

[^^^]

«Истина в вине!» (лат.). — Ред.

[^^^]

Лаун-теннис (англ.). — Ред.

[^^^]

Cartes postales (франц.) — почтовые открытки;
Kodak — марка фотографических аппаратов. — Ред.

[^^^]

5

Дружба — это бескрылая любовь (франц.). —
Ред.

[^^^]

6

Остальное отсутствует (лат.). — Ред.

[^^^]